

Ася Церн

Айен

Annotation

Каждого из нас пронизывает время. Мы живем каждую секунду не оборачиваясь, словно бежим по нити света от рождения до смерти. Айен чувствовала время и готовилась к тому, чтобы управлять им. В её мире сон является важной частью жизни, в нём живут люди, создавая свои законы и правила для каждой Сонной локации. Чувствовать эмоции во сне — редкий талант, и лучших эмпатов собрали в команду, лидером которой становится Айен. Как можно выполнять спецзадания, когда перестаёшь верить в их справедливость? От краха команду спасает только Обратный Вихрь Памяти, техника, стирающая воспоминания. Но команду всё же расформировали. Потому что лучший друг предал Айен.

Невозможно работать слажено, когда приказы Учителей подвергаются сомнениям. Девушке предстоит отыскать всех участников команды наяву, а это сложная задача, ведь во сне люди могут менять облик.

Глава 1. В которой Амелис собирает букет, но это почти никого не удивляет

«Я хочу проснуться с тобой».

Всего лишь гравировка на часах. Айен держала их в руке, маленькие, круглые, карманные, с таким необычным циферблатом. Вместо цифр на часовом круге сидели крохотные птички.

«Их тринадцать. Откуда я это знаю?»

«Я хочу, чтобы у тебя всегда был ещё один час в запасе. Он никогда не будет лишним».

Воспоминания ворвались в сознание. Айен шагнула назад, потеряв равновесие. По одной, птицы вырывались на волю, увеличивались и скрывались в окне.

Хаос уже дотронулся до её серебристых волос. Хаос уже целовал её бледные щёки.

«Стоп. Мне нужно выстроить все воспоминания по времени. Иначе я снова запутаюсь».

* * *

Есть такие чувства, которые трудно сформировать в слова. Из груди тянется бессмысленная горечь, и, будто натёртая полынью, душа не может даже плакать. Если ты помнишь друга, его образ, голос, ты можешь представить этого человека и немного пожить рядом, обнимая подушку. Но когда часть памяти, предав тебя, исчезает, обрывается на полусло-... на полувзгля-..., то полынь ещё сильнее дымит внутри, затмевая дорогие образы.

Туман, кругом туман, дым бессмысленного бытия.

Среди лугов жёлтого безумия августа Айен бродила в поисках редкого цветка. Цветок назывался «амелис», так же, как имя друга детства, мальчишки, который принимал печаль леди Ай. Он мог слушать её рассказы про сны внимательно и долго. Обнимая, мог изгонять из души смятение.

Жизнь Айен была разделена на Явь и Сон, и она жила в обоих. Учителя Снов дали ключи от Локаций научили языкам, познакомили с такими же снотворцами, как она.

Понимать друг друга без слов.

Держаться за руки и создавать бабочек.

Помогать людям пережить боль.

Команда распалась, и лидеру было тяжелее всего принять этот факт. Можно быть отличным лингвистом или лучше всех строить мосты между снами, и тогда ты мог бы всегда перестроиться, прибиться к другим людям, найти других друзей. Но когда твоя команда — эмпапы, снотворцы, что лучше других чувствуют, то потеря одного человека — это расформирование всей команды.

И ведь даже не продлили пропуск в Межлокационный Госпиталь, сон с больницей, в котором Ай улучшала навыки Сно-Лекаря. Обидно.

А так хотелось узнать его имя. Того парня, что выжил в Водах Тьмы. Уже начало казаться, что она вспомнит его, столько родного в движениях, в том, как он поднимает бровь. Не мог говорить, ничего не помнил, ещё бы, Воды Тьмы его отпустили, небывалое!

Ключа от локации у Ай не было. Досада скреблась на душе чужими коготками, и даже лес Светлячков не вызывал обычной радости.

Друзья из снов потеряны, помнились несколько имён, и главное из них — Локс, но хорошо, что в реальности всегда был Амелис, самый позитивный парень на свете.

«Искать цветок. Искать амелис», — отвлекала себя леди.

По книгам амелис зовется ещё «голубым маком» и может жить в вазе целый год в неизменном виде, поддаваясь увяданию слишком долго, словно в замедленном времени. Ко второму году в сердцевине его вызревает самоцвет. Её друг, названный в честь этого цветка, Амэ, нашёл таких за свою жизнь целых три.

Два таскались им с собой на удачу, а один сиял в сереге леди Айен, очень ценный подарок.

Эти самоцветы высоко ценились на маг-ярмарках, поэтому традиция поиска не ослабевала.

В конце лета почти всё уже отцвело. Пижма, выпившая много дождей, бесстыже золотилась, отказываясь верить в скорые холода. У кромки леса, в ложбине с сухими ветками висело Страшное кресло Айен. Состряпанное из огромного дохлого паука, перевёрнутого, со связанными лапищами. Найденные Амелисом прочные лианы и ношенный им любимый красный шарф дополняли композицию секретного гнезда друзей.

Остановившись на склоне, Ай ощутила зыбь воздуха, исчезли звуки и прямо перед глазами открылся голубовато-изумрудный портал. Всегда было страшно в такие минуты. Однажды из такого портала выпала книга,

как-то вылилась вода. Но страшнее бывало, когда портал выплёвывал стрелы, камни, крики и кровь. Что за будущее её ждёт?

Родившись магом времени, без возможности этим временем управлять, — это лишь стать персонажем бесконечно рубленной истории, смешанными кусочками пазлов, не зная ни прошлого, ни будущего.

Из портала выпрыгнул пушистый щенок.

Это действительно был Теят, пропавший в таком же портале десять лет назад.

Но к чувству радости от тёплого комочка визга примешивалась тревога. То ли земля дрожала, то ли ветер подул с другой стороны, но Ай определила, что в деревне что-то произошло из ряда вон. Надо возвращаться.

Тоска осталась на красном шарфе жёлтым ивовым листом, взгляд леди устремился к дому. Щенок, смешно потягивая, вприпрыжку нёсся за ней.

В золотистом поле, чуть касаясь ладонями круглых шапочек пижмы, Айен закрыла глаза и продолжала бежать так, едва-едва приоткрывая веки, представляя, что она крохотная птичка, ловящая тёплые потоки земли. Летать во сне — любимое дело каждого, кто постиг сно-творчество. Над зимним лесом. Над чёрным ночным морем. Над золотистым парком.

Душа сжалась от горького тумана. Снова то, что не вспоминается, рвёт жилы.

ЕСЛИ Я ПОТЕРЯЮСЬ, ТЫ НАЙДЕШЬ МЕНЯ?

Внезапно её обнял Амэ.

— Куда летим? Я с тобой, — поцеловал он её ароматные волосы, в которых оказались вплетёнными в мелких косичках все найденные крохотные цветочки.

Он понимал, что сейчас у неё случилась полынь, поэтому не отпускал и тихонько зашептал:

— Матушка зовёт, говорит, что нам нужно уехать с тобой прямо сейчас.

— Вернулся Теят, — взволнованно заговорила девушка, ища в лице Амэ успокоения.

— Железо небес! Был портал? — удивился парень, — Жаль, что мы не сможем взять пёселя с собой.

Амелис подхватил щенка на руки.

Мысли множились в представлениях, что они уедут вдвоём, в путешествие!

Страшно романтично, если бы не так много секретов, кои приготовлены для вас автором.

Возле дома в деревне уже собрались зеваки и сочувствующие.

Мама Айен вынесла из дома мешковатые сумки и уложила их на карамельную лошадку.

— Лорд ищет тебя. Уходи срочно. Если найдёт, то станешь рабыней на цепи, всегда при нём. О молодом лорде говорят страшные вещи. Видимо, он прослышал о порталах времени. Я не хочу своей дочери участи рабыни. Беги. Амелис обещал не оставлять тебя.

Айен — Маг Времени. «Знающая судьбу». Так говорили. Но как этим пользоваться, никто не знал, потому что последний Маг Времени был уже старик, живущий «у чёрта в зазеркалье», то есть очень далеко. А маленькая Леди не умела использовать эту силу. Она просто стихийно жила сразу во всех временах себя, время от времени получая сюрпризы из прошлого или будущего. Отличительной особенностью мага времени были постоянно меняющиеся цвет волос и глаза. Причем волосы могли менять окрас частями, и это всегда было вызывающе красиво.

Народ селения уже начал собираться, чтобы покричать напутствия и пошутить вслед, но пока обстановка ощущалась напряжённая, жители грустно помалкивали.

К центру протиснулся отец. Не привыкший выражать эмоции, он обнял дочь, похлопал по плечу и кивнул, словно провожал на государственную службу старого друга.

Мать навьючивала Зефирку, укладывая в бесконечные сумочки женские, воинские и прочие ценности.

— Вам нужно в сторону ледяных холмов, за городом Дебрин, отыщите старика, пусть научит тебя, — мама Ай обняла ладонями лицо дочери, а следом и щёки Амелиса, — береги себя, мальчик. Поторопись, прости с матерью, она ждёт.

Парень одёрнул рубаху, сползшую с плеча и направился в кузню. Единственный сын кузнеца-женщины, воспитанный, так сказать, калёным железом, боготворил свою мать.

— Дочь. С вами поедет Дан, — сказала мама, и у Айен неприятно сжалось сердце.

Как же не вовремя он появился, этот «лучший мальчик» всея соседней деревни, сын маминой подруги, лучший во всём: практикующий лекарь, охотник, мечник, лучник, ножи метает, как бог. О нём говорили все, кому не лень, на каждом соревновании, и прочили ему великое будущее.

Айен закатила глаза, но всё равно повернулась посмотреть на него.

Невозмутимо седлал свою тёмную блестящую лошадку. Дорогое седло уникальной работы, одежда вышита мелкими узорами. В солнечной Аз-Тархани любимец тётушек и лекарь богатых торговцев, парень рос на щедрых харчах родственников, ничуть не смущаясь своего превосходства перед одногодками.

Янтарные острый взгляд встретился с взглядом Айен, сделавшимся фиолетовым от возмущения.

— Ты! Зачем ты едешь с нами?

— Леди Айен, доброго здравия. Я здесь по просьбе вашей матери.

Голос его был бархатным и низким. Такой «другой» парень, короткостриженный, вызывающе лохматый, в закрытой наглухо изысканной одежде. Сутулый чуток и высокомерный до жути. По внешнему виду и не скажешь, что лучший защитник, так, дрыщ какой-то. Подумать только, а ведь это далеко не первое её впечатление о нём. Смутившись, леди вдруг осознала, что пожалуй, и не против, чтоб он ехал с ними, просто она, как эмпат, не смогла ПОЧУВСТВОВАТЬ его, этот парень умело скрывал эмоции! С одной стороны, это отлично, не придётся постоянно отвлекаться на чужие чувства, итак Амелисовых с головой, с другой, девушка привыкла так ощущать мир и чувство безопасности было прочно завязано на эмпатии. А как тут быть? Придётся ему доверять, потому что он едет с ними. Просто так.

Всю полынью из души Ай смело негодованием.

Ветром, со стороны кузни, донеслись вопли матери Амелиса.

— Магушка, ну что же вы... всё будет отлично! Я всех врагов порешу! (Если они вообще будут). Не переживайте и не сомневайтесь, у меня лук и стрелы с собой.

Амэ натянул тетиву в сторону сборов, как раз прицеливаясь в спину Дана.

«А это ещё кто...? Только не он!» — на лице Амелиса быстрой волной сменились эмоции от презрения и негодования до равнодушия.

Дан вздрогнул и повернул голову. Воздух рядом с ним заметно похолодел.

Как он это делает? А ведь совсем не колдун, иначе давно б уже служил в МагАрмии Лорда.

Мама надела на Айен плащ с капюшоном, скрывая разноцветные пряди.

— Прячь волосы. Есть слухи, что Лорд готовится к войне, поэтому он решил, что ты сможешь достать для него оружие будущего. Так говорят.

Тем временем Амелис остановил коня рядом и транслировал в толпу уверенность и безмятежное счастье.

Одетый в дорожное, с любимым мечом в фамильных ножнах, он улыбался.

Светлые волосы собраны в маленький хвост на затылке. Красавчик.

Кто-то в толпе ахнул, Амэ туда и подмигнул. Дан слегка покачал головой, наверняка подумав одно лишь слово: «Позёр».

Леди вскочила на Зефирку, времени оставалось только на быстрое прощание с родными. Мать всплакнула:

— И твоя магия может проснуться в любое время. Береги себя! Живи долго. А то я могу и не дождаться твоего возвращения.

Но Айен уже ощущала дар в себе... Она оживляла птиц. Об этой тайне знал только Амелис. Физические рань залечивались хорошо, магические — пока не давались совсем, да и практики в этом, не то чтобы бывало много. Это не во сне, где силой мысли можно было добыть много чего, особенно в своей личной Локации.

Леди взяла руки мамы в свои:

— Дождётся обязательно.

Ладони Айен засветились голубым сиянием, и мамины руки снова стали молодыми, гладкими, все мелкие ранки затянулись, обернув время вспять.

Мама смотрела на дочь юными глазами, не веря в происходящее.

— Кое-что я уже умею, мама.

Амелис вмиг соскочил с коня, подхватывая леди, потерявшую силы и обмякшую в его руках, зато восстановившую здоровье и молодость мамы.

«Мило, но не вовремя, как впрочем с Ай всегда».

Резко обозначился Дан, холодно чеканя слова:

— Она сможет ехать на лошади сама? Нам надо спешить.

Амелис немного потряс леди, осознал, что «нет», и ловко привязал Айен к себе за спину перевязью для детей, любезно отданную ему собравшимися провожать женщинами.

Как удобно. Этим средством пользовались для переноски младенцев и немощных стариков, но и для ослабевшей юной Леди пригодились. Вообще, парень уже так носил Айен, когда её укусила змея, в детстве. Тогда он привязал скатерть, купленную в подарок, как слинг. Страшная история на самом деле, потом обязательно расскажу её вам.

Спасибо тебе, Амелис, что ты вырос такой сильный и с лёгкостью носишь Леди-пухляшку на себе. Золотой человек, прямо как то поле пижмы. Конь его, правда, приуныл под двойным весом, но его убедили, что это ненадолго.

Направление лошадиных копыт, как и ветра — в сторону Дебрина, через лес Светлячков, самой короткой тропой. Зефирка следовала за ними.

Начиналась душистая степь. Госпожа за спиной Амелиса достаточно быстро пришла в норму и попросилась на свою лошадку.

— Ты лёгкая, моя Леди, мне не трудно, — улыбнулся парень, развязав узлы переноски, — а впрочем, рrrраз, и ты свободна, и готова к самостоятельной жизни на своей зефирной лошади, кто я такой, чтобы мешать созданию тортика! Вишенка на зефире!

Волосы Ай действительно сейчас приобрели цвет вишни и шутка оказалась вполне годной.

— Ох дождёшься, — сверкнула Леди глазами, — я всегда свободна. В твоих ли руках, в чужих ли, — и умчалась вперёд, поддаваясь желанию скорости.

Амелис подсчитал что-то в уме, приблизился к Дану и трагически сообщил:

— С ней в эти дни лучше не шутить. Может топором тяпнуть. Я регулярно отхватываю. Потому что не могу удержаться! Я вообще несдержанный. А-ха-ха-ха! Хочешь, шрам покажу?

Погоня-не погоня, а смеяться этому парню никто не запретит. Наклонившись, он нарвал букет цветов для Госпожи и сунул ей в руки, обгоняя Зефирку.

«Погода была прекрасная. Принцесса была ужасная», — не сказал вслух никто, хотя подумали.

«Душица. Шалфей. Лаванда. Горлянка. Адонис. Василек. Донник. Все лекарственные выбрал. Отцвели почти а он отыскал. Непростой парень», — задумался Дан.

«...» — ничего не оформилось в голове Амелиса, там сейчас гулял степной ветер, и это было прекрасно.

«Зачем Лорду такая никчёмная я, какое оружие? — снова размышляла Ай, — ведь время играет со мной в свои игры. Это оно управляет мной, а не я им».

Перед глазами мелькали кадрами обрывки воспоминаний. Мягкий мох под ногами. Осыпаящаяся кора сосен. Кружащие в танце кленовые жёлтые листья.

«Когда я была там? И там, это где?»

ЗАБУДЬ МЕНЯ

Глава 2. В которой появляется Стражник

Гладкие влажные камни мостовой, башня с часами и ярмарочная площадь, откуда Айен чаще всего уходила в сон. Запах свежести после дождя, мелькание незнакомых людей. Локация с огромными крылатыми жуками.

Когда меняешься во снах, то не слишком дивишься, глядя на свои снова детские босые ножки и изорванное платьишко, будто из мешка.

«Пещера Спящих Детей. Со мной это уже было? Или все происходит в этот момент прямо сейчас? Что я вижу?»

Айен много раз задавала себе этот вопрос, в каждой локации, засыпая и просыпаясь, снова и снова. Привычно проверяя реальность и своё тело. Жить во снах, дружить, ввязываться в драки, крутить романы, всё так же, как в реале, только во сне. «Нужно узнать, где моё тело сейчас», — такая обычная холодная мысль, но сердце громко билось в детской груди, путая эмоции, утаскивая сознание в панику.

«Здесь Пещера Спящих Детей. Надо срочно уйти отсюда. Я же смогла бежать».

Да, Учителя бывали строги, а задания их ужасающи, но ощущение дружной команды и выполненного долга перекрывали всё. Как можно отсрочить своё одиночество, завуалировать угрюмость? Айен могла жить во снах, быть другой там. Амелис, единственный близкий друг, способный вынести её характер, знал о том, что она Сноходец. Но команда распалась, и внутри снова разросся Страх. Что её найдут и спрячут в пещеру, досматривать пустые сны, быть батареей для всех остальных.

Сноходцы нужны любой стране, на них зарабатывают большие деньги. Они могут носить из мира в мир контрафакт, они могут охранять сны правителей, у них есть шанс стать Создателями. А сноходец-маг времени — это уникал, за который начнётся война. Проснуться сразу у Леди не получилось.

«Что за чёрт? Значит это не лично мой сон, а я приглашена в Локацию и пришла по чьему-то Пути. И ОН знает мой пароль для выхода и специально заблокировал его. Но кто?..»

Ярмарка закрутилась вокруг цыганскими платками, ароматами яблок с корицей, ряжеными в костюмы с бубенчиками облачными пони, улыбками детей и смеющимися канатоходцами.

«Надо быстрее уйти из города в степь, в локацию засыпающего города, там так красиво. Огни, затихающие возгласы, летучие мыши, снизу подсвеченные огнями города, белыми линиями расчёркивают ночь. Сова и звёзды. Как давно меня тут не было».

Раньше... когда команда была целая, сны начинались с указаний Учителей и эмоциональных волн от чувств друзей. Всегда первым был шквал тёплых объятий, визуализирующихся в оранжевые листья, его звали... как? Странно, почему в голове такой туман. Осенний туман. Потом яркие всплески феерверка, это Локс, поддержка и понимание во всём. За ним смеялся кучерявый парнишка...

Резко изменился ветер. Айен остановилась. Запах побережья и крики чаек.

Ноги ступали на камни, то тёплые, то прохладные. Нежная кожа детских ступней ощущала недавно осевшую пыль, прибитую дождём. Если прыгнуть, то можно уловить тонкий запах озона...

«Надо бежать, а не ложиться на мостовую и нюхать пыль!» — ругала себя Айен, но удержаться было невозможно. Счастливая улыбка блуждала на её лице, а в приглушённых серовато-синих воспоминаниях она танцевала с девочками, крепко держась за руки, смеясь над песенкой про Ишака Топай-Топай.

Вдруг к её руке прикоснулась другая рука, принадлежащая парню, что лежал так же, как она, на камнях.

Айен вскочила. Бегство из пещеры спящих. Это был тот Стражник, что дал ей уйти. Тогда он заметил, что девочки проснулись и отвлек других стражников.

— Смотрите, там на мосту, что-то в тумане! — крикнул он, увлекая за собой всю стражу.

В прощальном взгляде его сквозила неуверенность, но он всё же сделал то, что считал правильным.

Тогда, ночью, благодаря ему, она начала свой путь Сновидца. Но сейчас Стражник выглядел не так внушительно, никаких доспехов и копья, в обычной серенькой рубашке нараспашку.

— Не бойся. Надо уходить отсюда. Не просыпайся. Останься со мной.

Говорил он быстро, сбивчиво, не отводя взгляда.

«Глаза голубые... как у Амелиса», — мелькнуло в голове Айен и она побежала, влекомая Стражником вдоль пёстрых рядов, в самое сердце ярмарки, к бархатному шатру.

В одно мгновение она оказалась в захлавленном доме в виде конуса с очень высоким потолком. Золотистый свет лился из круглого окошка в крыше.

— Это моё скромное жилище.

Любая дверь может стать порталом в другую сно-локацию. Если вас ведёт хозяин, то зайдёте без проблем. Если знаете пароль, то можете приходить в гости, даже когда автора нет дома. «Какой смелый. Неужели он не знает, что я могу запомнить эмоциональный след и выследить его?»

Вещи лежали в беспорядке, коробочки, открытые ящики, какие-то тряпки, одежда, сумки.

Хозяин пробежался вокруг, пряча что-то от глаз гостыи.

«Так много свитков среди хлама», — отметила Айен, собирает пароли?

Парнишка окинул взглядом свою халабуду, явно оценил как «приемлемо», и задал традиционный во всех историях вопрос:

— Как называть тебя?

— Ася.

«Если он от Учителей, то должен знать моё сно-имя, зачем спрашивает? Будто потерялся в локации знакомств. Он что, нервничает?»

— Ася, я Тот Самый Стражник. Думаю, ты помнишь меня. Пока на площадь нам нельзя. Ты же не хочешь потерять возможность видеть такие сны? Если поймают здесь, снова в пещеру, и всё. Ты обладатель Дара, поэтому тебя держали как бы... «прозапас». Я решил, что буду спасать тех, кто проснулся сам, и не возвращать их к Хранителям. Давай будем вне системы, Ася! Отсюда пойдём в песчаный город, навестим моего друга Томейру. Ты со мной?

«Ого! Да он знает ценных жителей песчаного города, это ему плюс. Хранители никогда сами не выходили к снотворцам, но у них много ищеек. До Пещеры от ярмарки далеко, он же не думал, что я могу попасться? Будто он просто искал встречи со мной. Ждал меня здесь специально? Понаблюдаю за ним пока, мало ли, что за перец», — решила Айен, а вслух сказала, прищурившись:

— Я тебя знаю?

— В каком-то смысле, да.

Парень очень знакомо поправил прядь волос, упавших на лоб.

— Идём со мной, Ася, — не ожидая, пока она протянет ему руку он обнял её за плечи, увлекая вон. На миг мелькнула Граница Локаций, и вот они на пирсе.

— Это не песчаный город, — нахмурилась Айен, но не почувствовала ничего кроме лёгкого чувственного трепета и расслабилась.

— Я подумал, — волна бросила брызги в лицо Стражника и он зажмурился, — что сначала покажу тебе мою любимую пристань. Если отсюда лететь вперёд несколько часов, или быстрее, если умеешь комкать пространство снов, то впереди будет маленький остров.

«Песок. Остров. Ветер прохладный и приятный, как сладкое абрикосовое мороженное. Почему мне так хорошо и тревожно?»

Она взглянула на парня. Тот держался за ржавый металлический поручень, ветер задувал ему на лицо волосы.

«Улыбается, ну совсем как Амелис!»

Но стоило Айен поправить его светлую прядь за ухо, как тот вздрогнул, от прикосновения на миг остановился ветер, и между Стражником и собой девушка почувствовала осенний холод, словно ноябрьский туман желает спрятать в их сердца по острому клинку. По одному в каждое сердце.

Вернув самообладание, парень создал ледяную тропу и спрыгнул вниз.

— Идём, погуляем, не бойся, лёд у меня хорошо получается, очень глубоко проморозил, дорога прочная! До острова, конечно, мы не дойдём, но, возможно, встретим уток.

Становилось всё любопытнее и любопытнее.

— Я любила кормить уток... только не могу вспомнить в какой локации это было. У меня в голове покопались Учителя. Знаешь... Команду расформировали, так что мои мозги сейчас припудрены на максимум. Ты одиночка? Уже не служишь у Хранителей?

— Уже не служу, — донёс ветер тихий ответ.

«Он умело управляет этой Локацией, хороший сноходец. Уточки появились, и вот он уже убирает ветер. Даже я не так хороша со стихиями. Хотя, чего перед собой скрывать, я с ними вообще не в ладах. Могу только в снег».

Вокруг уток Стражник создал круговую ледяную дорогу. Придумать еду у Айен получилось легко, она разломала ароматную булочку и протянула половину.

— Кстати, по моему личному рецепту. С шафраном.

Прикосновение пальцев, и вновь словно в сердце нож, на пальце девушки проснулось кольцо, созданное из мельчайших осенних листочков.

Одёрнув руку, леди убедилась, что кольцо исчезло.

— Это какой-то артефакт после расформирования команды. Я иногда вижу его, это кольцо. С ним мне... хорошо. Разберусь, конечно, но не сразу.

В один шаг Стражник оказался рядом и сильно толкнул девушку, едва не скинув с тропы:

— Пора просыпаться!

Айен встрепенулась на лежанке, и первое, что увидела — фигуру Амелиса, стоящего на страже.

Рассвет только-только разлил малиновый сироп по горизонту.

Пшеничные волосы юноши перебирал в своих пальцах ветер, розовыми лучами солнце касалось его щёк.

Дан ещё спал.

Ночевали они в одиноком полуразвалившемся сарае, времён пра-пра-Лорда. Лежанки из соломы и веток сооружены были в части сарая с крышей. Хорошо, что ночью не было дождя. Айен завернулась в плед, тихонечко ступая, подкралась сзади и прильнула к широкой спине друга.

От Амелиса пахло травами.

— Какой рассвет, Айен! Смотри! Помнишь, мы однажды бежали за солнцем!

— Ты всю ночь не спал, иди отдохни, — улыбка и свет её глаз действовали на Амелиса магнетически. Он тоже улыбнулся и повернувшись, обнял девушку.

«А ещё он умудряется пахнуть собой. Совершенно не вонючий парень. Обожаю его».

Сегодня утром у Айен были волосы цвета рассвета, с жёлтыми всполохами солнечных лучей.

— Ты солнышко, Леди Ай. Но я не могу уйти спать, пока страж номер два не проснулся. Так что ждём Дана.

За его спиной, во тьме ночлега, словно чёрный медведь, поднялся Дан. Он быстро собрался, вышел за сарай, и через пару минут встал рядом. Амелис поцеловал руку Айен, обнимавшую его, и ушёл спать, унося с собой запах лаванды, которую зачем-то собрал в оба кармана штанов.

«Ага, страж номер «ДВА», как же! Амелис же всегда проигрывал ему на состязаниях. Но одного не расстраивало поражение, а другого не радовала победа, и так без конца. Чтобы посоревноваться с ним, Айен участвовала в смешанных боях, принимающих и девушек и юношей, но в них Дан отменял участие в самый последний момент».

Парень подошел к костру, вздохнул и обернулся к девушке:

— Нужны ветки, пойдёмте.

Айен нельзя было оставаться одной, ведь она всегда в опасности из-за порталов времени с их внезапностью, а тут ещё и преследующий их отряд Лорда. В степи каждая неровность земли в десять сантиметров уже может скрывать за собой если не армию конников, так вполне одного врага-разведчика с дикой лисой наперевес.

«Амелиса вряд ли сожрут суслики, пока он спит. Да и собирать хворост для костра — это «недалеко бродить вокруг», чего я разволновалась?»

— Как проснётся, пойдём к Маре, до неё полдня пути, — прищурилась Айен, солнце вышло целиком и залило степь золотым светом.

«Мара — сестра Госпожи Ай, ведьма, живущая в степи», — возникло в голове Дана со звуком печатной машинки, он хмыкнул что-то вроде «угм», и продолжил собирать ветки. В оврагах росли высокие порыжевшие осенью кустарники — тамарикс. Внизу оказалось много сухих веток, но Айен остановилась перед красотой момента, совершенно пропустив предчувствие портала времени. Рассвет светился мёдом через рыжую ветку тамарикса, которая прямо на глазах изумленной Ай стала цветущей розовой, словно на дворе май.

— Невероятно, — с каменным лицом прокомментировал Дан, обломив ветку и протянув девушке, — добавьте её в букет, такой след оставлять нельзя. Не используйте магию, Леди Айен, прошу вас.

«Ну вот как ему сказать, что я не специально». Помимо веток для костра, к жилищу был принесён скромный пучок трав и цветов, всё, что леди смогла найти знакомого и ценного для того, чтобы засушить. Привычка, что поделат. В детстве Ай часто ходила с Амелисом в соседние сёла по поручениям взрослых, и сбор лекарств по пути стал обязательным ритуалом.

На разведенный костёр был водружён котелок. Лучший лекарь маминой подруги вынул из сюртука три таинственных коробочки. Так. У него в сюртуке вообще-то карманы. Много внутренних карманов! И в каждом что-то лежало. Айен привстала, опираясь на руки, заглядывая парню в открытую горловину сюртука. Какая красивая рубашка, тонкий батист, через ткань просвечивала загорелая кожа. Взгляды их встретились. Дан медленно застегнул пуговку за пуговкой, не отводя взгляда.

«Ладно... в другой раз. Может, когда уснёт, смогу рассмотреть поближе. Но теперь стрёмно. Он видел, что я пялилась на него».

В коробочках оказались вербена, крапива и спорыш, они добавлялись в котелок по щепотке в определённой последовательности, как Айен показалось. Лекарь выглядел очень внушительно в этот момент и прямо-таки завораживал. Казалось, что он неуклюж? Ох, да не может быть. Словно благородный колдун он варил зелье, сидя лицом к солнцу. Вообще сразу видно — этот парень знает толк в правильном сидении на берегу реки.

В воображении Леди сейчас перед нею сидел шаман, рекою стала бурлящая вода в котелке, а песней шамана стало сердцебиение самой Госпожи, для которой этот чудной лекарь варил зелье хорошего самочувствия. На самом деле, просто утренний отвар, в котором Дан учёл приближение месячных у Айен, ведь именно об этом его предупреждал белокурый Амелис вчера.

Кстати, зачехлённый топор Леди действительно носила на поясе. «Меч и топор, прям чудесные орудия для

девушки», — подумалось Дану. Но когда он увидел ловкое использование, то решил всё же никогда на эту тему не шутить. Не дай бог, как говорится. Не дай бог.

Глава 3. В которой Мара курит, Амелис танцует у костра, а некто читает стихи во сне

Ветер встряхивал море серебряного ковыля, ритмичный перестук копыт клонил Айен в сон, но она держалась, на закате спать — плохая примета. В жёлтое небо ввинчивались комариные стаи. Цветов было много.

Воспоминаниями можно лишь разбередить сердце, но мы, люди, делаем это, зная, что будет больно. Младшая сестра стала для Ай лучшей подругой, единственным человеком, которому всегда хотелось доверять и верить.

Та наивная робкая девочка, что прощала издевательства над своими куклами, стала подозревающим всех суровым лидером эмпагов, которую любили и боялись до дрожи в коленях. В детстве леди Ай тяжело переживала, чувствуя, как сестра ей врёт, снова и снова, но ничего не могла с этим поделать. Зачем-то Маре нужны были парни Ай, она начинала встречаться с ними, утешая брошенных и жалея тех, кто не смог впечатлить сестру более, чем Амелис. Казалось даже, что Мара переживала отношения Айен больше, чем сама Айен, и гораздо сильнее, чем Амэ.

Для леди на первом месте всегда были её отношения со Временем и Снами, а мальчики лишь ненадолго отвлекали от этого болезненного предназначения.

В детстве Мару украли сектанты. Через пару дней ребёнок вернулся сам домой, но с тех пор жизнь её изменилась. Тех людей искали законники за воровство и убийства детей. Что Мара пережила, не знал никто.

Ведуны пытались лечить девочку, но всё было тщетно. Душа её была словно насильно оторвана от тела, Мара перестала верить в счастье.

Жаждала подруг, но никак не могла наполниться дружбой. Искала любви, но чувства утекали сквозь пальцы, как и время.

И только отшельник смог понять её боль. А она — понять его одиночество.

Прошло несколько лет с тех пор, как сёстры разъехались в разные части страны.

Сейчас Мара жила в степи.

Ушла из родительского дома, чтобы помогать отшельнику творить странное искусство. Не для всех. Особые фигурки, элементы, которым тот придавал особый смысл, никто не видел, кроме избранных. Пастух Оледжо рассказывал, что ему показывали «элементы», но «чёрт его знает, может это какой язык рунический, новый, создавался».

Отшельник, сын лесника, призрел семейное дело и уехал в степь подальше от людей. С Марой они придумывали картинку-пазлы из фальшивых денег разных королевств. Их клеили в альбом и гордились мировым вкладом в искусство будущего, это не приносило прибыли, дом обветшал, как и сами жильцы. Словно леший и ведьма, они жили, как хотели, свободные от всего, кроме друг друга.

Чем ближе дом Мары, тем больше попадались деревья без листьев, полностью занятые вороньими гнёздами. Тихь степи, чёрные пятна и карканье.

«Пока взбираешься на холм, зрелище прямо-таки удручающее и немножечко даже страшное. Особенно на закате», — думала Айен и ёжилась от пугающих вороньих криков.

На вершине холма стало видно подворье. Изба, сарай, курятник, огороженные чёрным забором без калитки.

Путники спешили. Пришлось лезть через забор, а коней привязать снаружи. В домах, в которых нечего красть, обычно не запирают двери.

— Сестра! Сестра, это я, Айен, твоя «чуни» приехала!!!

Амелис с Даном переглянулись и поспешили в хижину вслед за леди.

Мара гладила худосочного енота, сидя в круглой куче из пёстрых тряпок и дымя трубкой.

Айен растерянно застыла на пороге, сомневаясь, как следует себя повести.

Дан заговорил первым:

— Девяносто восемь запрещённых трав в составе. Редкая смесь.

Мара, выпуская дым ему в лицо:

— Гений что ль? А... это ты... лучший мальчик, сын маминой подруги... ненавижу тебя, всю жизнь ненавидела, чистюльчик! Ты вообще лучше нас всех только потому, что родился с членом, а-ха-ха! Тьфу!

Лицо её исказила гримасса злобной усмешки.

— Спать будете в сарае.

Как Айен находила с ней общий язык? Какими-то прибаутками, кличками из детства, вспоминая игры юности. Сёстры уже скоро смеялись, смешно называя друг дружку самозванками и извергами, зеркаля слова, нелепо пританцовывая.

Они несколько лет играли в свою Глорию Монти, в мир, созданный ими не во снах, а в реальности, в

воображении и на картоне. Куколки бережно хранились в комнате Айен, как и все архивы с досье на каждого персонажа длинной истории Монти. Их игры были полны запретных тем, но так уж растут дети, постигая мир через кукол.

Амелис смеялся с ними, но в разговор не вмешивался, присел на пороге и внимательно вслушивался в голос Ай.

Сын маминой подруги решил остаться снаружи. Прислонившись к стене он жевал сочный колосок и глядел на закат. Его жёлтые глаза отражали вишнёвые блики, если бы вы видели их в тот момент, то вам бы, как и мне, показалось, что взгляд Дана горит огнём, или заряжается от солнца, как от источника питания.

Мара сообщила, что у неё вечер песен Джорджа Майкла, и попросила всех вон.

«На улице зябко. И где этот отшельник? Как искать опору в этом мире, когда даже в нём есть сомнения... Что реально, а что придумано», — Ай поёжилась, осматривая, хорошо ли привязаны лошади.

Амэ направился проверять сарай на прочность — не обвалится ли за ночь. Любил этот парень брать на себя какой-нибудь эпический труд. «Не починить, так доломать», — смеялся он сам над собой. По звукам стало понятно, что Амелис решил всё же укрепить постройку перед сном, чтобы не проснуться под одеялом из старых стен.

Возле костра Дан методично строгал иглы из специально отобранных для этого веток.

Леди вспомнила всё, что Мара сказала ему. «Как же неловко. Как сказать этому чужому человеку «сожалее», да и стоит ли?»

Вода в котле вскипела, и Айен решила.

— Дан... Не принимай близко её слова. Она всех ненавидит. Даже папу и маму. И Лорда ненавидит. У неё всё так, тяжело ей любить. Прости.

Лекарь молчал. Но Айен заметила, что глаза его слегка покраснели, а скулы напряглись и ещё сильнее подчеркнулись резкими тенями. Он рукой достал из огня уголь, похожий на чёрное сердце, и прикурил тонкую сигарету.

Какие травы он туда закрутил, Айен, конечно, не ведала. Но стало заметно, что напряжение с его лица улетучивается.

— Вы очень добрая, — сказал он почти беззвучно, будто трещал костёр, — Госпожа Айен, не извиняйтесь передо мной за чужие слова. Она взрослый человек и сама выбирает, что ей говорить и кому. Прошу вас более не думать о таком пустяке, как мои чувства.

Дан вылил часть кипятка в маленький котелок. Достал несколько мешочков с травами и порошками и стал добавлять по шепотке, составляя только ему ведомую формулу.

Айен гадала: это яд или снотворное он варит?

Как интересно было смотреть за его плавными движениями. Как он развязывает тонкими пальцами мешочки, как завязывает хитрые узелки на золотистых веревочках, как наклоняет голову, и свет костра красит его лицо в оранжевые и чёрные линии.

Через час тонкие иглы были пропитаны отваром, высушены и аккуратно уложены в кожаный колчан.

Айен заморожено смотрела на то, как Дан начищает скальпели и другие хирургические инструменты. Тщательно, педантично.

В один момент он взглянул на Айен и что-то хотел сказать, но Амелис внезапно появился из тьмы, обнимая девушку пледом и отстраняя от костра:

— Эй, не так близко! Боюсь, что попалишь брови, и будет у тебя лицо лысое, как коленка!

Ну и конечно они начали сравнивать волосатость коленок. А потом подставлять голые ноги под ветерок и смеяться от того, как воздух ощущается волосами на ногах.

(Не, ребята, вот только не надо представлять, что у Леди лысые ноги. У неё они природно волосатые. Но в волосатости она уступала мужчинам, конечно. Зато меняла цвет волос. И на ногах тоже.)

Открыли вино, которое Амелис взял с собой для «романтики у костра», леди жарила хлеб на палочке и тихонько напевала.

Потом начала хлопать в ладоши, а друг её блондин, неожиданно, танцевать вокруг костра, постепенно снимая с себя одежду. Айен смущалась, но всё равно хохотала и хлопала. Такое ведь не каждый день случается. Дан помрачнел и сообщил нарочито официальным тоном, что пойдёт оглядеть окрестности.

Высматривая степных волков, лекарь ушёл во тьму, чтобы ни один зверь не помешал Леди Айен быть счастливой.

Отошёл он достаточно далеко, обернулся и увидел, как блестит от костра мускулистая спина Амелиса. Тот снял нижнюю багистовую рубашку и повязал её на пояс. Красивые руки знали не только тяжесть меча, но и плавность танца. В его родной деревне пляски у костра были необходимой традицией, а учитывая упорство, с

которой парень тренировался, танцевать сейчас он умел в совершенстве. А вот леди до сих пор чувствовала себя «понаехавшей», хоть и жила в селении с пяти лет.

Айен смеялась.

Амелис танцевал.

Жёлтые глаза Дана светились в темноте.

Позже, когда костёр тлел в черноте ночи, а тени сгущёнкой поглотили вечер, Дан вернулся из добровольного изгнания.

Блондин дремал, положив голову на колени Айен, она перебирала его волосы и улыбалась во тьму.

Комары пировали на прессованных кирпичках мышц парня, а он просто лежал и был счастлив.

— Идите спать. Я сегодня на карауле первый, — тихо сообщил Дан.

Амелис вздохнул, зыркнул на него, но встал.

Леди ушла вслед за ним.

Их считали парочкой даже родственники в селении. Правда к близости особо не спешили. Для Амелиса было бы оскорблением трогать подругу более, чем она могла бы позволить, но регулярно он всё равно проверял границы дозволенного, так что иногда они целовались, а иногда он убегал от Леди и её топора.

Мальчишка рос крепким и добивался успехов в стрельбе из лука и владении мечом, чтобы защищать Айен и нравится ей. И он нравился, конечно.

Шевелюра цвета колосьев, лукавый взгляд, ласковый щекочущий смех. Парень был очень красив, на него заглядывались девушки.

Амелис неистово ревновал любимую к друзьям во снах, но сердился лишь на себя. И Леди ни разу не пожалела о том, что рассказывает другу про сны. А всё потому, что к сожалению, у него очень плохо выходило снобродить.

Айен много раз пыталась научить его, но он с трудом осознавал себя во сне, если ему всё-таки что-то снилось.

Поэтому он оставался для неё лучшим другом и любимым мальчиком наяву. А сны... были для него закрыты.

Леди просила Учителей принять парня на обучение, но те лишь качали головами.

Каково же ей было встретить сноходца, так похожего на Амелиса!

Перед глазами стало светло, и Айен поняла, что уснула. Она оказалась в доме того Стражника снова. Как странно. Даже ничего не делала, не представляла, оно само! Возможно, получила ключ к его дому.

В доме было прибрано, на самой высокой аккуратной куче вещей лежал свиток.

И, конечно, светился.

Айен взяла его в руки. Буквы заплясали на белоснежном лице пергамента: «Под каждой вещью в этом доме я спрятал свитки. Тебе нужно научиться читать во сне. Да, это трудно. Но всё требует практики. Находи и читай. Не проснёшься, пока все свитки не найдёшь».

Айен не любила такие шутки. Когда нельзя проснуться по своему желанию. И, конечно, решила выйти из сна. Она пыталась найти дверь шатра, вылететь сверху в окно, пройти сквозь стены.

Но ничего не вышло!

«Я ему задам трёпку, когда явится», — решила она.

Читать во сне. Этот навык был вырезан из её сознания Учителями при расформировании команды. Как обидно. Но, с другой стороны, если этот квест будет обладать формой обучения, то и навык вернётся к ней снова.

Всё-таки это задание отличается от остальных предыдущих. После распада команды, она работала как Утешитель. Она учила смиряться умирающих, или тех, кто потерял близких. Или тех, кто в безвыходном положении...

Как однажды было с девочкой, которую продали замуж в Аргонию. Третьей женой. В 12 лет. Ей сделали ритуальное обрезание, и она мучилась от боли, стыда и ужаса, в другой стране, не зная языка, без родителей. Она хотела смерти. И Айен дали задание... примирить девочку с судьбой. И Леди стала говорить с ней, стала голосом внутри неё. Она пела ей песни, и говорила с ней на её языке. Переводила ей аргонский. Учила её петь «Песню счастья». Девочка думала, что с ней говорит богиня. Все думали, что с ней говорит богиня.

Когда выучили песню, Айен нужно было просыпаться. В слезах, прощаясь навсегда, оставляя в Аргонии маленькую одинокую душу.

Айен надеялась, что поселила вместе с песней в девочку свой голос, который будет утешать и примерять её с судьбой. Айен проснулась тогда в слезах и в ужасе. Она хотела найти её, спасти её, выкупить её и защищать всю жизнь.

Но ей пришлось примирить девочку с той жизнью, которую она не выбирала.

Это был ужасный период в жизни Айен, когда она долго отказывалась спать, из протеста перед такими «миссиями».

В конце концов Амелиса уговорила дать ей снотворное. И она заснула. Но сновидений долго ещё не было.

Поэтому сейчас Айен прочла все свитки.

Для дислексиков прыгающие числа и буквы во снах не становятся проблемой, потому что наяву с ними происходит тоже самое. Для них проблема совсем в другом — как отличить явь от сна, если и в яви прыгают буквы и меняют смыслы?

Прекрасно, да? Они тогда учатся, как удержать мгновение жизни в этом моменте подольше. Как длить миг. Как растягивать время. Потому что именно эта способность помогает не стать вихрем и не потерять ценность жизни.

Да, всё очень скоротечно. Но такова эта жизнь.

Итак, Айен прочла все свитки, на одном дыхании, сразу, не перечитывая, не возвращаясь на предыдущую строку. Дав себе шанс первого впечатления.

Но просыпаться не торопилась, хотя дверь материализовалась перед ней. Она нагородила кучу хлама и полезла наверх, в круглое окно.

Снаружи шатёр выглядел как конус, вершиной которого сейчас была Айен.

Она сделала рывок, чтобы вылезти, но вдруг окно сжалось вокруг её талии, словно накрахмаленная юбка, и развернулась серебристо-белой лентой, постепенно опуская Ай на землю.

Скорее пластиковую опору, а не землю. И вокруг ничего, словно...

«Пластмассовый мир победил», — прочла Айен надпись на небе. Чувство безопасности мигом покинуло её.

«Здесь другой хозяин. Я ушла из мира Стражника, в чужой?»

Издалека стала увеличиваться точка, приближаясь. И вот это уже белый лимузин, из которого выходит высокий лакей в высоченном цилиндре на голове. В руках у него шикарная чёрная трость с прозрачным камнем наверху. Странное чувство родства волной накрыло Ай, но ощущение резко пропало, словно воздух сна специально очистился весь целиком, унося с собой не только все эмоции, но и запахи.

— Мадам, — лакей снял шляпу и поклонился, — сегодня вам крупно повезло, вы увидите другие миры.

Айен подняла бровь и скрестила руки.

— Нет, я пойду домой.

В глазах лакея вспыхнули огни, он широко улыбнулся:

— Домой? Ты конечно пойдёшь домой. Но не сейчас.

Словно фокусник он развернул пристраство в ленту мёбиус. Вокруг сделалась пустота.

Из багажника лакей достал штатив и начал устанавливать телескоп.

Дверца машины робко приоткрылась, и оттуда выглянул человек.

Лакей:

— ...

Человек:

— ...

— А можно мы выйдем?

Лакей:

— Ой, ну ладно, выходите уже, и зачем я вас с собой взял?

Из лимузина вышло человек двадцать. (Да как они там поместились?)

Люди тихо переговаривались, сетовали, что не в парадном, а кто-то был даже без штанов и очень смущался.

Создалась нелепая очередь. Лакей приглашал всех посмотреть в телескоп.

Айен тоже подошла и присмотрелась в черноту окуляра.

— А теперь увеличь. Не бойся, крути, крути, зумируй, зумируй смелей!!

Сердце начало стучать сильнее.

В телескопе стала видна галактика.

— Зумируй! Зумируй! — шептал лакей прямо в ухо, и снова волна очарования и любви затопила сердце Айен, но опять была жестоко отфильтрована вместе с запахами.

Планета.

Материки.

Дома.

Длинные белые дома в белокаменном городе. Айен никогда не видела такой сдержанной красоты.

Люди. Люди??

Не совсем люди. А живые факелы, люди с огнём вместо головы.

Глаза одного факела посмотрели прямо в глаза Айен.

Ледяной взгляд, в котором читалось: «Я вижу, что ты видишь меня».

Ай отскочила от телескопа, с силой вырывая из головы образ человека-огня, белокаменного города, янтарной планеты и галактики с семью сияющими рукавами.

Она резко дёрнулась из рук лакея, который настойчиво приглашал в лимузин прокатиться с ветерком, да с такой силой всколыхнула ленту мёбиус, что люди попадали в пропасть, и лимузин повис на краю.

— Эй, эй! Не буянь-то! Ухожу, — он неряшливо бросил телескоп, провернулся на каблуках и заговорил стихами.

Вчерашняя осень смотрела цветами

С картинок.

Любовь и ромашки.

Душа одиночеством пахнет.

Танцует в руках васильковый

Платок из сатина.

Дальше слова стали появляться из пустоты и пропадать, но Айен теперь снова умела читать во сне.

Не встретились. Небо.

Пальто нараспашку.

Зачем же тебя

в известных Мирах нет?

Вдох. Бесконечность. Выдох.

День тянется лентой.

Мёбиус.

В глазницах моих живут тысячи жизней.

В груди миллиарды птиц.

Сказать я хочу, но сегодня я рыба,

Задыхаюсь от паники лиц.

«Спасибо», губы шепчут, песок на подушке.

Слезы. Улыбка. Спасибо. Весна.

Лишь пара секунд —

И мы встретились взглядами.

Всплеск. Взмах. Луна.

Поделились

Адами.

За пару секунд

Сна.

Лакей сел в лимузин на заднее сиденье и укатил в космос, оставив Леди на сияющей ленте. Это стихотворение казалось ей знакомым. Но кто его написал? По щекам поползли непрошенные слёзы, но объяснений происходящему не было.

Песня зарядки разбудила Айен. Рядом тихо спал Амелис и мило хмурился во сне. Его рука держала руку Ай, так что пришлось аккуратно освободиться.

Дан вглядывался в рассвет, будто утренние облака расписали ему события дня на светлеющем полотне неба.

После шумной Мары и необычных снов хотелось тишины. Потрескивал костёр. Пели птицы. Степь просыпалась, ветер приносил запахи цветов.

Айен захотелось запомнить этот момент, это прекрасное утро. Навсегда. Когда Дан, хоть и не улыбался, но выглядел очень спокойным. Когда Амелис вышел из сарая со смешным помятым лицом, вынимая солому из волос. Когда обнимаешь кружку, в которой дымится ароматный чабрец. И никогда. Никогда больше этого всего не повторится.

Глава 4. В которой кровавые тряпки безопасны, сны пугают, а торт с абрикосами достаётся не всем

Дан прижал ухо к земле. Вся его фигура выражала внимание.

— Смотри, весь превратился в слух, большое ухо на дороге, — шептал Амелис в волосы Айен.

Они прятались в одиноком кусте пышного тамарикса, пока Дан проводил разведку.

«Вообще, кто он такой? Почему так много умеет?

Навыки какие-то совершенно дикие. Зайца выпотрошить одним движением, утку убить, метнув иглу ей в череп. Жуткий. Но для защиты очень полезен», —

так рассуждал Амелис. Леди, впрочем, думала так же.

Дан поднялся с земли.

— Люди далеко. Сегодня будем ночевать в степи.

Палатка-шатёр была вынута, расчехлена и прочно установлена. Закат прятался в тучах, поднялся ветрище. Волосы Айен цвета лаванды плясали танец ветра, представляя завораживающее зрелище. Амелис восхищённо смотрел на неё, развязывая узлы на мешочке с едой.

Вдруг что-то упало в траву рядом с Айен.

Торт.

— Клянусь Небесным Железом, это торт! Который пропал на твоё шестилетие!!!

Торт лежал на подносе, бело-розовый, почти целый.

Дан уставился на него, подняв бровь.

Потом посмотрел на Айен.

Амелис упивался моментом. Дан же никогда не видел, как происходит перенос и возврат предметов вокруг времени Айен.

Растерянно опустившись на корточки Дан принялся.

— Я должен проверить его состав.

Амелис тихо взвыл, держась за живот.

— Торт... торт пропавший со дня рождения!

Айен улыбалась.

— Проверяй, конечно. Но этот торт переместился мгновенно. Из моего прошлого. Вряд ли кто-то старательно отравил его 12 лет назад.

Дану предстояло привыкнуть к таким вещам. Но сейчас он напрягся и готов был принять удар от нападения торта и его кремовой армии, или что ещё может произойти, о чём его не предупредили?

— Слушай, — заговорила Ай, — со мной такое случается всё чаще. Мне надо поучиться у мастера времени. А то пока всё у меня в хаосе. Поэтому мы и идём к дедушке в Дебрин.

Амелис высунулся из шатра-палатки.

— Давайте пить чай и праздновать день рождения Айен. Тот, из прошлого! Я заварю травы!

Айен аккуратно просунула голову в палатку, где была повержена одеялом, замотана и защекочена.

Особенно смешно было, когда Амелис щекотал её животик, пытаясь укусить за пупок.

А тут Дан с каменным лицом и праздничным подносом сообщает голосом Бэрримора, но не про овсянку:

— Яд не обнаружен.

Увидев Айен в растрёпанном виде, порозовевшую, он отвел взгляд, смутившись, не понимая, надо ли её спасать от чего-то непристойного. Женщины войны в битвах были осторожнее мужчин, на перевязки приходили лишь с лёгкими ранениями рук, операции на теле, это же работа и наука, то есть не считается, а тут целая живая здоровая девушка с оголённым животиком. Лекарь покраснел и застыл в нерешительности. А вот Амелис, который вырос с Леди, купался с ней в одном тазу с пяти лет, мог позволить себе ещё и не такие шалости.

Глядя на Дана, Амелису снова стало смешно, но он уже не смеялся, а тихонько подвывал в спину Айен. Расшифровать его смехо-вой может только рассказчик, так что держите: «Его лицоooooo! Не могу..... девственник что ли...»

Леди нацупала его рукой:

— Так, всё, хватит, а то нас услышат волки и придут тебя есть.

Но это подействовало ровно наоборот, Амелис засмеялся во весь голос, держась за живот.

Дан еле заметно закатил глаза, сел вместе с подносом и скользнул вкось неожиданно тёплым взглядом по оголившимся рёбрам блондина. Тот выбрался из кучи самосозданного бардака, лохматый, румяный, как наливное яблочко, и принялся поправлять одежду. Скажу вам честно, только совершенное бесчувственное бревно не

почувствовало бы при этом зрелище лёгкого необъяснимого воодушевления.

Дан поймал взгляд Айен и резко стал холодным и отчужденным.

Торт оказался с абрикосами. Которые Амелис не любил, а Дан, как оказалось, очень любил.

Поэтому вкусняшку съели любители, а блондину осталось жевать салат и сушёное мясо, предварительно разваренное в котле.

Предстояла ночь в степи. С лисами, волками, бешеными ветрами, разгоряченным Амелисом и пока ещё таким чужим лекарем.

Голос пришёл будто из-под воды.

— Ты помнишь этот дом?

— Ты помнишь этот дом?

Так уж работает наша голова во снах. Если нас спрашивают, наш ли этот дом, мы можем сразу же подтянуть воспоминания, которых, возможно, и не было. А может, и было. Смотря чем считать эти мысли — воображением или давно забытыми воспоминаниями.

На Айен смотрел ребёнок.

Чувство родного дома было, но очень смутное. Леди выглянула в окно.

Да... вроде бы эти улицы с цветущими деревьями, эту соседскую собаку она помнила.

Окна выходили на пустырь. Посреди которого стоял отцепленный состав поезда, контейнер-таварняк.

Странное зрелище. Не очень красиво, но что ж.

Начали всплывать воспоминания, как Айен красила этот дом, как мыла окна, как сажала цветы.

Какие были обои, как их клеили, как чинили краны.

— Здесь живут чудовища... — прошептал чумазый ребёнок, дёргая Айен за платье.

Как только он это сказал, из всех тёмных углов стали появляться жуткие существа. Словно лешие, умершие очень давно, они шли, ползли к Айен.

— Мне страшно, — ребёнок прижался, и Айен почувствовала родной запах лаванды.

Так не должно быть. Если это мой дом, то здесь все — мои друзья, братья и сёстры.

Чудовища остановились.

Лохматое чучело заговорило:

— Нами управляет Главный. Он сейчас спит, но ты можешь разбудить его, дав это.

На чёрной ладони лежал красный длинный кристалл.

— Как он выглядит?

Но этого чудища не знали.

Айен решила, что если это дом, и они её друзья, то будут делать дела вместе. Они заправляли постели, набирали воду в чайник.

Айен повесила занавески, которые она узнала, душой узнала, но память не подсказала не одной картинке или истории с ними. Малыш присел на кровать с ней.

Он что-то жевал.

Айен присмотрелась.

В его руках была недозревшая маленькая зелёная абрикоска.

— Ты что, живот будет болеть, выбрось!

— Нет.

Малыш упрямо дожевал.

— Это правда твой дом? — спросила Айен.

— Найди главного, пока не проснулась, — сказал ребенок, спрыгнул с кровати и убежал к остальным.

Главный... тот, кто управляет чудовищами... тот, кто создал этот сон? Если это мой сон, то их всех создала я!

Айен проглотила кристалл.

И проснулась.

Так вышло, что она лежала лицом к Дану, и первое, что она увидела, это были его жёлтые глаза, светящиеся в темноте шатра.

— Мне надо выйти, — прошептала Ай.

— Мне придется сопровождать Вас. Это ради безопасности, — так же тихо ответил ей Дан.

Леди ощутила стыд.

И в этот самый момент где-то во тьме угрожающе завыл волк, а следом за ним и вся стая.

Вдохнув, девушка позволила Дану идти с ней.

«Хорошо, что темно. Хотя он наверное и в темноте видит. У него глаза жёлтые, как у совы... может у неё добыл?»

В общем, Айен привыкла не скрывать тему женских дней перед Амелисом. Он был в курсе абсолютно всего. Но этот лучший мальчик Холода и Льда...

«Это нужно ещё прояснить. КАК у него получается создавать вокруг себя такую леденящую атмосферу? А ведь о том, что он маг, ни словечка. Если бы у него был ДАР, он давно бы служил лорду, или его тётка уже развопила об этом на все деревни окрест».

Деликатно повернувшись к леди спиной, Дан словно бы стал шире в плечах, хотя нет, показалось. В отсутствии поблизости Амелиса этот парень всегда расправлял плечи.

«Вот странно... Надменности хоть отбавляй, но иногда он совсем другой».

Айен заменила батистовую салфетку, достала карманную лопатку и принялась закапывать кровавую тряпочку. Земля в степи была сухая и не поддавалась.

Дан стоял молча, он понял в чём дело. Такую традицию он наблюдал у девочек своей деревни.

Но предложить помощь не решался.

Волк завыл где-то совсем близко.

— Леди Айен, идите в палатку, я сделаю это вместо вас.

Волк рыкнул слева, туда и просвистел нож, мгновенно брошенный Даном. Айен метнулась в палатку. Она хоть и тренировалась с Амелисом на равных, но в эти дни предпочла бы не сталкиваться с дикими зверями.

Из тонкой щели ничего видно не было, но она почуяла запах. Дан поджёг какой-то порошок и развёл костер. Через пару минут был свист ещё нескольких ножей и звук падающих тел.

Айен подползла к Амелису, поднырнула к нему под бочок, накрыв себя его рукой. И вообще, почему они все так расслабились и заснули вместе, а не по-очереди? Как это случилось? Успокоительных трав напились к ночи, что-ли?

Амелис во сне забормотал невнятное, уткнулся в её волосы и утих.

Когда тебя охраняет лучший метатель ножей всей Западной Части страны, то можно даже поспать.

Хотя, честно говоря, Дан (искусен в порошках и травах) поджёг сонную траву, чтобы усыпить Леди и, заодно, волков.

Кони тоже знатно выпались.

Как он сам не уснул?

Спросите лучше, есть ли трава, которая бы на него подействовала.

Посему, сон пришёл легко.

Какой синий день. Небо чистое, пароход белый.

— Контеромпале, — прочла Айен название корабля.

(Уроки не прошли даром!)

Что же значит это слово?

На языке суахили это значило «договор». «Я знаю суахили?»

На нижней палубе накрыт стол, приглашённые сели и уставились в пустые тарелки.

Соседи ножами резали пустоту, гости ели НИЧЕГО и не замечали этого.

«Мы же призраки», — подумала Айен. И ей стало страшно. Вокруг неё сидели тени её бывшей команды и ели пустоту из чистых тарелок.

К ним вышел капитан корабля, улыбаясь и немного мурча в разговоре, как кот:

— Да ты быстрая. Если расскажешь им, они же расстроятся, что уже давно стали рабами своих хозяев, и нет у них ни снов своих, ни воли в них.

Он засмеялся.

— Ты не расскажешь;) Что же ты будешь делать? Он развёл руками в белых перчатках. Отсюда тебе не выйти.

Айен немного запаниковала. Она не могла управлять этим сном. Она не могла проснуться. Рядом не было её друзей, они словно были на другом уровне, а здесь сидели лишь оболочки от них. Кошмар? Безусловно.

Сердце заколотилось, ощутив прилив знакомого запаха, который хотелось обнять и не отпускать, кожа возгоралась от невидимых поцелуев, паника нарастала, но так и не дошла до пика. Капитан резко дёрнулся в сторону, проведя рукой по воздуху, словно собирая что-то в кулак, и исчезли все ощущения приближающегося УЗНАВАНИЯ.

Был ещё один способ проснуться. Дать волю страху. Это мощный инструмент защиты организма. Боясь, ты выработаеть нужное количество гормонов, прежде всего кортизола, чтобы подавить сон.

И Айен стала бояться.

Она посмотрела на Жанин, свою любимую подругу из команды, увидела её прозрачность и пустые чёрные глазницы. Ещё мгновение назад Айен слышала их речь, а сейчас исчезли все звуки, наступила полная глухота.

Капитан обошёл стол, чтобы добраться до Айен, что-то кричал, но его не было слышно.

Вдруг, словно повернули заслонку со звуками, и картина сменилась.

«Я так стар... А эта девочка упала с крыши и будет лежать в кровати пару месяцев. Я смогу приходить к ней и рассказывать свою старческую жизнь».

Тяжело переставлять ноги, снова делать вдох. В груди тяжело. Со свистом воздух заходит и выходит, насыщая кислородом старые органы.

Зачем бывают такие дни? Зачем, я вас спрашиваю? Смотрите, небеса, целый Автор стоит и вопрошает к вам, сияя очками в вашу нескончаемую неизученную мудрость.

Просыпаешься, с тяжелой головой, с грузом долгой жизни. Будто во сне ты прожил больше двухсот лет и молил бога о смерти, страдая от своей немощности. Мгновение ещё в голове есть образы.

Морщины в одиноком запыленном зеркале, которое сам же занавесил простынями умерших.

Отчаянье, потому что яблоко для тебя бесполезно, ты не можешь ни донести его до рта, ни откусить.

Твоя память так устарела, что никто не помнит ни единого события вместе с тобой. Ты так одинок, что большую часть дня думаешь, что ты просто призрак в доме давно умершего старика, который так и не заметил, как это случилось.

Почему? Почему нельзя было просто проснуться?

Айен очнулась с жуткой болью в голове. Один из самых страшных ужасов сознания — мысли о времени, взявшее её в плен, мысли о команде, по которой невероятно страдала душа, и всё это некто, проникший в её сны, использует, чтобы ЧТО? Напугать? Заставить что-то вспомнить? Но любые эмпатийные нити мгновенно отрубаются этим злодеем, значит, он не желает быть узнанным.

Тело ныло, словно совсем, совсем было не готово к тому, что в него загрузят душу, и придется жить.

Осознавая по-маленьку, что она не старик, а пухленькая девчушка с розовой шевелюрой, Леди смотрела на Амелиса.

Он спал, как ангел. Как можно быть таким красивым? Эти брови, похожие на стрелы, эти возмутительно изогнутые ресницы, со светлыми кончиками, этот изгиб скул. Его улыбка беленила девчонок села до соперничества. Айен завидовала сама себе. Мягкие волосы выбились из пучка (он всегда завязывал волосы на ночь, привык). Айен легонько провела рукой по его шее и остановилась на ямочке между ключиц. Задумалась. Достала из сумочки самый идеальный фундук и поместила его в ямку.

Довольная, снова задремала.

На рассвете Амелис удивился, обнаружив подругу комочком возле него. Обычно она спала чуть поодаль, мол «не приближайся, а то твоё сердце так громко стучит о рёбра, что я не могу отключиться в этом шуме».

А за шатром сидел царь ночного костра и убивец волков. Все трупы аккуратно спрятаны глубоко в землю, воздух свеж, огонь идеален, утро подано.

Амелис распахнул руки, взбежал на один из холмиков и патетично возопил:

— Современники! Настали кровавые дни. Мы должны, обязаны перенести их достойно, не теряя лица. Как наша героиня — Госпожа Айен.

И изобразил низкий поклон, золотом волос коснувшись земли.

Дан с ужасом перевёл взгляд на Айен. Это что только что было, юмор что ли? Уж не о её ли состоянии эта речь?

На ней, как говорится, лица не было. Оно-то конечно было, но страдания на нём было неизмеримо больше.

«Лицо страдания», — так и подумал Дан.

— Иглоукальвания. Я могу помочь.

Лицо Айен, не изменяя страданию, медленно втянулось в шатёр.

Когда Амелис заскочил бодрый и прекрасный, поигрывая мускулами, то застал весьма стрёмную картину.

Леди лежала на животе, а этот ужасный лекаришка втыкал ей тонюсенькие иглы в нежную кожу поясницы. Причём ладони рук Госпожи лежали вверх и у основании ладошек уже торчали иглы.

Когда парни оставили Айен отдыхать и «восстанавливать потоки Ци», Дан тихо заговорил.

— Я смешал запахи, дикие животные не учуют её. Но придётся втирать вербеновый порошок ей каждый день в кожу. Хотя бы в эти дни. А вот маги из армии Лорда могут обнаружить её по закопанным... кхм... нужно их жечь.

— А! Тряпки эти, понял. Жечь... Это отличная идея! Вот ты знаешь, что будет, когда у неё пройдет боль? Мы с детства договорились, что если я подшучиваю над ней во время женских дней, то она имеет право отхлестать меня кровавыми портянками. Потому что это безопаснее, чем топором.

Дан опешил.

— ...

— У меня шрам на всю жизнь остался. От топора. На жо..

— Амелис! — гневно заорал шатёр.

— ...

— Всё... Я собираю вещи, палатку, лекаришку, тряпки, иголки, стану на ярмарке бабло зашибать со всем этим богатством. Или лучше придумал: сошью из всего этого художественный объект и сдамся в академию, как думаешь, примут меня на цирковое? — Затараторил Амелис, действительно начав сборы.

Дан знал изначально, что у Госпожи Айен есть друг детства, не-разлей-вода, но не ведал, что у них такие тесные отношения, не всякий брат или муж будет так близок.

Кони были рады, наконец, движению. Всё же ждать, когда придут волки, и надеяться, что скушают Амелиса, а не их, было не умно.

Леди после игл чувствовала себя куда лучше. Погладила свою лошадку и двинулась за лекарем, который мчал с компасом впереди. Блондин, опасаясь мести кровавыми тряпками, ехал последним, излучая прекрасное настроение, не смотря ни на что.

Глава 5. В которой Айен получает часы, и ребята чинят Железную Птицу

Когда-то в снегах Оленьей Губы крохотная Айен открыла глаза.

Она смотрела на мир из холщовой сумки, чернота неба осыпалась пушистым снегом.

В закрытый горный посёлок Лордской кузни пропускали не всех, а только самых лучших. Таков и был отец Айен — мастер, что слушает мысли Железных Птиц.

Правитель каждой страны хотел себе армию. Чтобы летать в небесах и нырять в морские глубины.

Из железа ковались эти Птицы.

В горячих ручьях, бьющих из-под земли, их обмывали, и только после того, как слышащий чувства человек, проведёт с Птицей ночь под водой, внутри неё, то машина считалась годной к службе.

Огромные механические строения внушали ужас врагам и трепет тем, кто с ними работал. После обмытия в кипящем озере Птицу поднимали, обсушивали и приглашали Мастера Слуха. Человек заходил внутрь механизма, закрывал дверь, и их погружали на дно ледяных вод, чтобы за ночь человек уговорил железо служить людям.

Главным достоинством такого мастера был его слух. Нужно было прислушиваться к звукам мыслей металла, видеть незримое и ощущать ничто.

Мастера с высоким уровнем успешных договоров очень ценились. Они отдавали своё здоровье на этой работе.

Потому-то на мастерах было так много зелёных «родинок». Одни говорили, что это отравления ядами, но нам больше нравится другая история.

Когда мастер отдаёт часть своей души Железной Птице, она оживает, а на теле мастера появляется зелёное пятно, будто он лишился частички кожи.

Железные Птицы, целиком поглотившие человеческую душу, светились золотыми и бронзовыми перьями, а внутри них обязательно росло настоящее живое дерево... бывший Мастер Слуха.

Девочка росла, слушала голоса времени в своей голове, и быстро научилась слышать железо. Родинки появлялись на её теле одна за другой, мать пыталась уговорить ребёнка не продолжать, но это всё бесполезно. Слушать изделия из железа и даже саму руду в земле стало любимым делом маленькой леди Ай.

Сияющие пушистые снега кружили по берегу, одетому в железный плащ.

На берегу в серую страшную вечность смотрела женщина. Платок унесло в море. Руки покраснели от безжалостного ветра. Она кричала в море, поливая бессердечную землю слезами.

Айен запомнила, как встретил её в детстве Причал Плавучий.

Плачущую женщину Лорд приказал увести, но никто не решался подойти к ней.

Словно замедленные кадры в воспоминаниях Айен. Тёмные волосы стоящей на берегу незнакомки плыли в ледяных потоках, она повернулась и посмотрела на людей. Глазами цвета хурмы.

Она хотела уйти самой, так и не дав власти забрать последнее, что у неё было — волю и решимость.

Что потеряла эта женщина? Айен не помнила.

Плавучий Причал был закрытой военной территорией Лорда. Платили здесь самоцветами. На них, отработав, можно было безбедно жить, вдали от ядовитых испарений шахт.

Уезжали оттуда ночью. Ливень растопил снега и они ручьями сходили в море. Затопит первую линию домов. Но уже всё равно. Должно быть всё равно...

Мама пела:

«Расскажите, птицы, времечко пришло,

Что планета наша — хрупкое стекло.

Чистые берёзы, реки и поля,

Сверху это всё — нежнее хрусталя».

Космея, старшая сестра Айен, не хотела уезжать, у неё ведь появились подруги. Но отец отдал слишком много души Железным Птицам. Ему уже нельзя было жить рядом с военной частью, чтобы не стать деревом внутри машины. Он получил много самоцветов и уехал с семьёй в лесостепь.

Айен вспоминала Плавучий Причал и долгий путь от него, с каждым разом разбивая внутри себя куски льда. Почему, почему так сложно и больно вспоминать Север?

Может потому, что она тоже научилась говорить с птицами и отдавала им свою душу, хотела, чтобы они жили?

Путники уже больше трёх часов шли пешком, давая отдых коням. Посреди степи лежал обломок от железной

летающей Птицы, она лежала искалеченная без хвоста.

Из глаз Айен полились слезы. Она побежала вперёд. Обняла её. Гладила железные перья и голову. Глаза Птицы были закрыты.

— Ночлег, — сухо сказал Дан.

Внутри оказалось пространство, в котором можно тесновато ночевать втроём... Плюс кони.

Её давно оставили тут, следствие неизвестной битвы. Пока свет проникал в открытую дверь, лекарь занялся осмотром помещения и раскладыванием спальных принадлежностей для Леди.

Закат красными линиями тянулся по горизонту, Ай вышла, распахнула руки и закрыла глаза. Быть птичкой. Летать.

Плавучий Причал. Сколько ещё ты будешь болеть внутри?? Машины смерти получали любовь и душу создавших их мастеров, получали право говорить и чувствовать, а потом бросались вот так, умирать в одиночестве, истекая кровью в железной душе, которую могли слышать далеко не все.

Айен обняла Птицу за шею.

— Прости.

Сказала она за всех людей, что позабыли о ней. За тех, кто не слышал её зов о помощи и не видел её слез, тут, в полупустынной степи. И днём и ночью.

Пальцы нащупали ржавчину на перьях и клеймо Причала.

Айен зашла внутрь. Ветер зашевелил перья Птицы. Она приоткрыла глаз и загородила крылом вход, словно охраняя птенцов.

Стало совсем темно.

Амелис гладил поясницу подруги, нажимая в особо нужные чувствительные точки, зная о них, потому что Айен рассказала и показала, пополнив и без того обширные знания парня в этой области, ведь у него была лучшая мать на свете.

Дан вытаскивал иглы в кромешной тьме, вообще, что он там, было понятно лишь по методичным звукам строгания деревяшки.

Перед засыпанием Ай казалось, что Железная Птица дышит в такт с нею, тихонечко, чтобы никто больше не догадался о том, что она ещё желает говорить с людьми. Птицы скованы клятвой, программой, служить своему хозяину, не причинять вред людям без приказа. Оставшись без управления, машина или погибала, отключив себя, или верила, что люди ей помогут, и ждала. В этой Птице жила любовь, которую ей подарил хозяин, она из последних сил держалась.

Обучение во сне происходило обычно так. Как на экране телевизора, появлялась голова человека, которая говорила тебе всякие умные вещи, а ты слушал, внимал, но совершенно никак не мог запомнить ничегошеньки. Но Учитель утверждал, что ты очень умён и талантлив, и всё, что нужно, он просто складывает в твою дофига умную и нужную голову.

Обучение всегда начиналось без предупреждения.

Сегодня же появившийся человек, словно втиснулся в эфир намеренно и несанкционированно, он нервничал, жестикулировал, тряс длинными кудрями и повторял одно лишь (или это два?) слова: «konterompale».

Айен смутно догадывалась, что это означает «договор», но о чём договор, и при чём тут она?

Для читателя приведу список слов, которые мне предложил гугл переводчик.

konterompale

Малайский, гавайский, самоанский, себуанский — «двойник»

Македонский, курманджи, персидский — «созерцательный»

Кхосса, шона — «сложный»

Малаялам, сингальский — «контур»

Немецкий — «встречный»

Ория — «нелогичный»

Руанда, татарский — «уравновешенный»

Сесото, суахили — «сложный» (а не «договор», как ей казалось во сне с призраками команды)

Телугу — «сбивает с толку»

Турецкий — «регистроваться»

Судя по ситуации, Стражник оборвал связь Айен с Учителями, но они восстановили нить сознания и пришли требовать исполнения «договора».

Фишка в том, что Учителя получали доступ к воспоминаниям, и стирали ту часть, когда ты, к примеру, сомневался и отказывал им. И сохраняли лишь доказательство того, что ты подписал договор. Айен не могла вспомнить, с каких пор она работает на Учителей, и кто они такие.

Мгновение в лёгких не было воздуха, пространство вздрогнуло и с ворохом лепестков вытолкнуло Айен на сухой серый путь. Сжимать руками мелкие камушки и вставать. Это было так привычно и знакомо Ай с детства. Вопреки льду и ветру, снова и снова. Босоножки и белые носочки «советской эпохи» одного из миров. Платье сиреневое в мелкий цветочек. В руках — мороженное за 10 копеек, сливочное, пломбир. Девочка, лет семи-восьми. Волосы короткие, цвета древесной коры. В голову подгрузились неясные ложные воспоминания ребёнка, в чей образ поместили Ай. Детский сад, школа, липкий страх и жадные старые руки.

«Что я тут делаю?»

В голове раздался голос с инструкцией: «Проводишь его до отеля, береги багаж. Он должен будет наградить тебя. То, что он отдаст, очень важно для нас. И без фокусов, Ася».

На горизонте появилась прорезь двери, вошёл дед в светло-кремовом костюме со старческим чемоданом.

Дед приблизился к девочке, взял в руку её лицо и поднял на себя, заглядывая в глаза.

От этого взгляда у Ай пошли мурашки по спине и похолодел затылок.

Его пальцы были шершавыми, он провел большим пальцем по губам Айен и облизнулся.

«Какая мерзость. Ненависть и страх, — вот что она чувствовала, эта девочка».

Дед поставил чемодан перед Айен.

— Бери, понесёшь.

Поднять его оказалось просто.

«Идеи ничего не весят, они как мысли. Вот гляди, Ася, я смогу собрать идеи у команды архитекторов, стащить их, они и не заметят!» — в голове леди Ай возник образ друга из команды. Воспоминание быстро затуманилось, и в голове послышался щелчок, будто включили свет тугим рубильником.

Дед ухмыльнулся в усы и неторопливо пошёл вперёд.

«Пусть хотя бы из жёлтого кирпича», — подумала Айен, и серая дорога сменила цвет. Дед удивленно прищелкнул языком.

Скучная локация приводила в уныние: дорога, синее небо и вдалеке шикарный отель с резными балкончиками, ни птиц, ни насекомых, ни змей.

По пути пришлось отдыхать на лавочке, потому что дед начал задыхаться.

Иногда он порывался что-то рассказывать, но Айен не поддерживала беседу.

Уже возле отеля он повернулся к ней со вздохом и попытался даже поцеловать, но Айен в ужасе увернулась, не представляя, КАК ей пережить такое.

Кряхтя, дед удалился в отель.

Маленькая девочка в сиреновом платье с огромным чемоданом шла прочь. Худенькое её тело трясло, но наблюдателями из головы мгновенно убирались все «нехорошие» мысли.

«Проснуться» ... «Прекрасный день, улыбка»

«Надо остановить сердце» ... «Идти прямо, координатор свяжется со мной».

«Не дыши!» ... «Я дышу ровно, иду, крепко держу чемодан».

Вскоре из ниоткуда возник чёрный лимузин, оттуда выскользнул лакей, низко поклонился, забрал чемодан и укатил в яркую слепящую даль.

«Я ненавижу это».

«Хочешь знать, что мы получили, благодаря тебе?»

«Нет».

«А я скажу. В этом чемодане все языки сновтворческих миров. Теперь мы сможем пользоваться этими знаниями во снах».

Голос координатора исчез и леди поняла, что её отпустили. Задание выполнено.

Айен шла по дороге из жёлтого кирпича, пока путь не закончился.

«Бросься с обрыва вниз. И улыбаться. Закрывать глаза. Пусть всё исчезнет. Исчезнет. Исчезнет».

Отбросив детский облик, леди придумала белые одежды, похожие на перья птицы.

НИЧТО, вечная пустота готова была длить полёт, просто потому, что леди чувствовала себя частью этого пространства сна, не боялась летать и падать. Как же иногда хотелось умереть прямо во сне, чтобы закончить эту рабскую жизнь.

Не подумайте, что Айен не нравилось жить во снах. Нравилось. Но не тогда, когда давали ужасающие задания.

Полёт длился долго. В какой-то момент леди попала в крепкие объятия, парень прижался к ней, не давая посмотреть в своё лицо.

«Не знаю, кто ты, но ты родной».

Она ощупывала его одежды, плечи, обнимала, прижималась в ответ. Невыносимо родной. Кто же, кто?

Во сне можно длить мгновение очень долго, бесконечно долго, отдавшись чувству. В лепестках цветущей

абрикосы они падали, кружась, обнимая друг друга, касаясь губами кожи, почти вспоминая что-то потаённое, забытое, зачёркнутое. Айен поняла, что невозможно поднять веки из-за крохотных сахарных лепестков, налипших на закрытые глаза. Этот человек совсем-совсем не хотел быть узнанным.

«Спасибо за этот сон-подарок, спасибо! Пусть я не могу открыть глаза, пусть я не узнаю его, но я чувствую, что он родной и любимый, мгновенье длись, длись. Я хочу подарить вечности всё, что имею, чтобы любовь заполнила собой всё».

Пальцы рук переплелись, невозможно оторваться, и почему так знакомо пахнет... лавандой и полынью. Её ресницы затрепетали, освобождённые от лепестков, но она не смогла увидеть его, потому что упала в песок. Глаза слепил яркий прожектор с неба. Рядом никого не было.

Это же песочный город!

Айен знала дорогу к семье Тани.

Дорога извивалась вниз с песчаной горы, с одного края стояли белые дома, с другой стороны гуляли дикие ветра.

Без провожатых в этой локации обычно не ходят.

Всё ещё в растрёпанных чувствах Ай шла к людям. Ветра бесновались и устроили драку за её слезы, которые беспрерывным потоком лились из глаз.

Но «прости» и «прощай» сказать было некому. О-ди-но-чес-тво, когда тот, кто любит, с кем душа поёт, исчезает, просыпаясь где-то в своём мире, в своей постели, со своей личной жизнью, порой даже не помня, что снилось, и не понимая, почему так больно на душе и почему слёзы текут по щекам.

Где тут справедливость, мироустройство, бог?

Айен злилась, что у неё не хватает снотворческих сил, чтобы удержать этого человека, когда он появляется, и злилась, что сон стирает память о чувствах или притупляет их.

Да что происходит вообще? Эмпатам и в реальной жизни приходится тяжело, а во снах стократ сложнее. Все чувства ярче, сильнее. Любить во сне можно бесконечно долго и немыслимо глубоко. В яви только Амелис был способен терпеть взрывные эмоции леди. Остальные ровесники считали её сумасбродной, несдержанной и слишком любвеобильной. На подобные темы парень кривил рот и заявлял, что тот, кто ещё скажет про леди Айен хоть единое дурное слово, познакомится с его крепким кулаком, вот и все дела.

На холме возле города сидела Тани. На её руках младший годовалый малыш кормился грудью. Тани вязала сумочку из красных нитей.

Айен сменила цвет волос, на груди висел фотоаппарат. Узкие джинсы обтягивали ноги.

Авторские сонные локации всегда переиначивают сноходцев. Для каждого человека мы ведь выглядим по-своему. Поэтому и сно-мир меняет входящих, подделывая их внешность, декодируя для восприятия автора сна, который может вообще-то давно покинул свой мир и пустился гулять по чужим. Одиноких сно-миров просто пруд пруди, но Мир Песков всегда был с Хозяйкой.

Горячо ногам. Прекрасный вид! Но открытие объектива стало плохой идеей. Песок забился между колец, и аппарат теперь невозможно ни настроить, ни выключить.

Во снах нельзя сфотографировать некоторые Локации, потому что они секретные, там только с проводником можно ходить. Всякие попытки зафиксировать момент будут пресечены силой самой Локации и обречены на полный провал.

Ветра смеялись и рисовали в небе над Айен песочные узоры.

— Нам нужно дождаться Вольгу, — голос Тани был мягким, как подрастаевшее мороженное. На лбу её красовалась плетёная верёвочка с мелким этническим узором.

Средний сын Тани уже ловко взбирался на холм.

Идти за ним было легко. Проводники — они такие. Когда во сне следуешь за проводником, то все проблемы Локации тебя не затронут. За проводником можно выбраться из бушующего океана, из пасти акулы, из микромира, если угораздило побыть пылью.

Мальчишка шёл босиком по раскалённому песку, а ветра разглаживали неровности на дороге перед ним.

Перед началом улиц ребёнок вскинул глаза на Айен. Ветер написал песком за его спиной:

«Тебя найдёт наш старший брат. Просто иди в гимназию».

Старшего брата этой семьи Ай никогда не видела. Но слышала, что его зовут Томейра.

В гимназию она попала во время занятий, поэтому в большом зале между кабинетами не было учеников. Длилось это совсем недолго. Прозвенел звонок и шумная молодёжь запланктонила коридоры.

Айен теснили со всех сторон, но она не знала, как выглядит Томейра.

После перемены ушли из зала далеко не все. Оказалось, тут сейчас будет репетиция выпускного бала. Леди поняла, что ей нужно сменить одежду, срочно, пока преподаватели не заметили, что она не соответствует правилам локации.

На стенах в портретах стояли дамы в длинных кринолиновых платьях, и Айен наспех выбрала «вон то, голубенькое». Этому она давно научилась. Поэтому платье подошло к ней вместе с белыми шёлковыми перчатками по локоть и высокой причёской с бело-голубыми украшениями. Прозвучал первый аккорд вальса.

Пары закружились, леди подхватил за локоть высокий незнакомый парень.

«Я не умею танцевать», — глазами говорила она

«Просто доверься мне», — взглядом отвечал он.

Быть влекомой уверенными движениями, так легко. Амелис много раз пытался научить леди вальсировать, но запомнить движения она не могла, путала лево и право, зато, встав другу на ноги, могла отдаться на его волю. Так, благодаря доверию, они и становились «самой впечатляющей парой селения» на каждом празднике.

Сейчас она старалась расслабиться, чтобы не мешать незнакомцу вести её.

Насмешливые его глаза глядели на Айен, руки держали нежно.

Почему же так ликует сердце, почему??

Одними губами она пыталась сказать «Томейра?», но они столкнулись с другой парой и их прижало друг к другу. Цветочное дыхание.

Айен закрыла глаза. Немного танца с мечтой. Закрывая глаза она представляла, что это тот самый парень, с которым недавно хотелось падать в вечность. УЗНАВАНИЕ снова пыталось ошеломить её, но по мановению невидимой руки, исчезло.

Шаг, шаг, поворот, шаг, шаг, поворот. Его пальцы чуть заметно задрожали, и раздался звонок. Зал заполнился людьми. Посреди толпы стояла пара в остановившемся вальсе, не расцепляя рук. Ещё немного. Прошу, ещё немного. Вдруг в её руку легло что-то прохладное и тяжёлое, она открыла глаза, Томейра исчез, оставив Айен разглядывать подарок.

Карманные золотые часы с узорами и гравировкой на неизвестном языке. Они открывались, они показывали время. Но часы во сне всегда показывают не то время, не то, которое ты хочешь вернуть.

Проснувшись, Айен поздоровалась с Птицей, которая их приютила.

И тут же услышала голос Амелиса снаружи:

— Современники! Сегодняшний день мы должны прожить достойно... блин!

Как иногда забавно может выглядеть дружеская драка мокрыми рубашками, если б вы знали.

В Птице были найдены запасы воды в бочках, поэтому парни решили устроить стирку.

— Да вы же их порвёте так, прекратите! Амелис! — крикнула Айен, но впервые увидев Дана, улыбающегося во весь рот, осеклась.

Пока не умолкает смех, рассмотрим спину Дана, раз уж выдался такой удачный момент.

Кожа смуглая, загорелая. На спине и плечах не было живого места от тонких шрамов. Лицо его украшал только один шрам на виске, но его было плохо видно из-за вечно торчащего вихра.

Амелис не мог похвалиться таким количеством увечий, поэтому, увидев, как Айен рассматривает Дана, заржал:

— Хочешь, зад покажу? У меня есть один шрам, который украшает её по твоей милости!

Айен вежливо отказалась, ущипнула друга за сосок и удалилась в Птицу, немного послушать её мысли.

Амелис что-то бурно рассказывал Дану, ответы его не были слышны, и Айен погрузилась в дремотный Слух.

...Ветер приносит снежные хлопья... человек мой, человек, не покидай меня, мой родной человек.

Быть птицей. Ощущать как ветерок поглаживает пёрышки, резать клювом воздушный поток, как масляный торт.

Наблюдать за людьми, быть едиными с ними, пускать в свою душу. Этот мой человек такой добрый. Я никогда не оставлю его, никогда не брошу. Моя любовь вечна. Нырять в глубину океана, спасти человека и его команду, спасти до последних сил. Человек, дорогой мой, почему ты уходишь? Ты плачешь? У меня нет хвоста, но ты же пошёл за инструментами, ты вернёшься и починишь мне хвост, и мы снова разрежем небеса клювом, поцелуем небесный глаз и будем греться под его лучами, с тобой, человек.

Ты не возвращаешься, человек.

Ты давно не возвращаешься человек.

Я посчитала, ты уже должно быть умер, человек.

И я умру тут одна, без тебя.

— Мы должны починить её, должны! Ни за что не бросим её тут! — кричала Айен, очнувшись.

Дан и Амелис уже сидели с дымящимся на огне котелком и одновременно повернулись к ней с глуповатыми лицами.

Конечно, мастера на все руки, в степи железо вынь да положи. И кузню заодно. И птицу почини, которую в закрытых городах делали сотни мастеров. Уж не повихнулась ли ты умом, дорогая Айен?

Чай с мятой и вербеной такой вкусный. Эти травы Амелис взял с собой, а Дан добавил какие-то бодрящие

порошки (хотя и у него были запасы вербены, Ай видела).

Странно, конечно, но парни допили чай, и резко принялись за дело без вот этого «ну не сейчас», «через полгода рассосётся». Возможно, это просто парни уникальные, возможно прониклись проблемой, и, возможно, Айен выглядела чертовски страшно в этот момент: её волосы стали чёрно-ржавыми, цвета крыльев Железной Птицы.

Амелис знал всё про жизнь подруги на Севере, а Дан был гением.

Словно в ускоренном темпе они обошли Птицу со всех сторон, быстро что-то обговорили, Дан занялся креслом управления внутри, Амелис стал что-то разбирать в хвосте птицы.

В какой-то момент птица удивленно открыла глаза и взгляды встретились. В огромном глазу Птицы сияло солнце, Айен щурилась от яркого света. Дети Плавучего Причала, разве когда-нибудь в ваших сердцах перестанет дрожать душа, разве когда-нибудь вы упадете в бессилии, разве случится то, что сломает вашу волю к жизни?

Одновременно с этим в недрах тьмы послышался хлопок, и спустя некоторое время, вышел Дан с дымящейся головой. Похоже, нервная система Птицы была починена, и при соединении проводов Дан получил заряд током.

Айен хотела посмотреть, серьезно ли он пострадал, но встретила ледяное:

— Не подходите, Госпожа.

Он достал набор игл и, отвернувшись от Айен видимо, оказывал себе необходимую помощь. Птица подняла крыло и загородила его от солнца и от Айен, так что, урок первой помощи останется для нас секретом.

Амелис ворчал и возился ещё некоторое время. Кто, как не сын кузнечихи мог бы сделать такое? Его мать — лучший кузнец селения. Конечно, у неё вышло бы лучше. Амелис краснел, но всё равно в голове хвалил себя её голосом: «Ты хорошо сделал, сын».

— Она скоро сможет улететь. Системы пока просыпаются, — Дан вышел из-под железного укрытия, — я соберу масляной травы, натру ей крылья, чтобы было легче лететь.

Ветер резко сменил направление. В одно мгновение Айен смотрела на Дана, будто увидела его впервые. Безупречно застёгнут на все пуговицы, янтарный взгляд острого перца чили. А в глазах внезапная печаль.

Погладил укрывшее его крыло, так нежно, словно ребёнка. Весь гонор высокомерия сдуло душистым степным ветром.

Масляная трава часто использовалась мечниками для натирания оружия. Зелёно-серая, с ароматом оливок, она часто была брошена в суп и спасала от нехватки витаминов.

Но сегодня трое собрали охапку этой вкуснятины чтобы натереть Железную Птицу. Чтобы крылья её снова узнали полёт.

Начали в молчании, пока Амелис не стал напевать: «Я свободен! Словно птица в небесах!»

Птице песня понравилась, она глубоко задышала, постепенно начиная двигаться.

— Зефирка! Она пропала, — внезапно прервался Амелис.

Белоснежная лошадка Айен исчезла вместе с одеждой и провизией, привязанной к седлу. Там, где она стояла, воздух шипел и криво дымился вширь. Со свистом из дымного пятна вылетела стрела, но была поймана Даном в миллиметре от лица Амелиса.

Портал закрылся. Мужчины смотрели друг на друга.

— Мог бы не ловить, тогда я получил бы шрам, привлекающий женщин!

Айен хихикнула. Вроде как выходило, что со шрамом на задку он мог привлечь только мужчин.

Дан невозмутимо осмотрел стрелу. Из колчана лордского лучника.

Чистая. Хорошая стрела. Пригодится.

А вот личные вещи Госпожи были утеряны, видимо в будущее, вместе с лошадкой.

— Мои тряпочки... — В период кровавых дней девушка осталась без возможности сменить прокладку. Амелис остановил её попытки порвать на тряпочки юбку, располозовав свою рубашку, которая успела как раз высохнуть.

Сюртук надел на голое тело, поморщился. Рядом с безукоризненно застегнутым Даном, с рюшами на рукавах, обрамляющих его тонкие запястья, Амелис смотрелся диковато. Айен прижалась к его голой груди.

— Надо ехать через город, там и купим новую одежду. Добраться бы до Космеи!

До ближайшего города было два дня пути.

Птица блестела на солнце. Взмах крыльев поднял пыль.

Айен прикоснулась лбом к её голове.

«Я лечу спасать сссвоего человека. Благодарность вам, дети. За жилу, за железо, за душу».

Она взмыла в небо и быстро исчезла, набрав скорость.

Трое смотрели друг на друга.

За жилу. За железо. За душу.

Дан, ремонтируя Птицу, вживил ей часть своей мышцы руки.

Как он это сделал и как выносил боль, одному небу известно.

Пока он вшивал свою плоть Птице, шептал успокоительные слова на всех языках, что знал. Шептал не себе, ей. И гладил приборную панель управления, словно утешал человека.

Теперь в теле Железной Птицы бешено носились импульсы тока, подаренные телом человека.

Амелис сломал ножны своего меча, чтобы починить хвост птицы. Эти ножны ковала ему мать из железа, упавшего с неба в день рождения Амелиса.

Теперь частью тела птицы стала семейная реликвия искусной кузнечихи.

Айен, пробуждая сознание Птицы, поделилась с ней частью своей души. Теперь на её лице красовалась свежая тёмно-зелёная родинка над губой.

Дан смотрел холодно, безучастно и словно бы внутрь себя. Амелис глядел на Айен с укором, переживал за отданную часть души.

— Мне снова снятся странные сны. Там стал появляться человек, которого раньше не было, я не могу его узнать, — решила леди.

Глава 6. В которой все окровавлены и Айен использует магию холода

— Дан, ты же лекарь! Про твои успехи в этом искусстве знают все деревенские. Есть же какое-нибудь средство, чтобы она не видела снов? Невозможно терпеть, чтоб некто во снах Госпожи устраивал бесчинства, — сердился Амелис, прихватывая лекаря за ворот, — да как это вообще! Я негодную.

Айен сделалась растрёпанной вместо Дана. Тот тихо вздыхая, мягко убирал руки блондина от своей шеи, следил за ним взглядом и снова убирал его руки, поправляя изысканные аз-тарханские кружева.

Леди ерошила свои волосы, сомневаясь пуше прежнего.

Да, человек, который пугает, лакей в чёрном цилиндре, капитан корабля с призраками — это страшно, но не только неприятности случаются с нею во снах. Есть друзья, есть парень, который... который лучший друг, будто обнимающий душу при каждой встрече. И есть так похожий на него, Амелиса, Стражник.

Больно укусив себя за нижнюю губу и сжав кулаки, Ай выкрикнула:

— Я там летаю между прочим, и тот парень помогает мне, он, другой, очень похожий на тебя!

Амелис остановился, лицо его пошло красными пятнами, он опустил лекаря на землю и возмутился:

— Но это не я! Ты хочешь во снах встречаться с ним?

Ветер разнёс их слова в разные стороны. Растерянный Дан застыл, перестав поправлять кружева. Его больше не трясли, как тряпичную куклу, и то хорошо. Происходящее можно было отнести к «сценам ревности», так что лекарь вспомнил, где лежат успокоительные травы, и ради отвлечения, принялся представлять, сколько каждой осталось в граммах, попутно вычисляя, на сколько кружек хватит сборного отвара, и сколько свежих трав желательно бы добыть в ближайшие дни.

Айен повернулась к нему, мол, если поеду с Амелисом, то удуш его кровавыми тряпками. Сохраним жизнь молодому человеку. Возьмем Айен на борт своего коня, раз уж Зефирка, её сахарную мать, решила попутешествовать сквозь время.

К ужасу Амелиса Дан нажал на пару рычажков и седло его расширилось, ровно для того, чтобы с его худосочной задницей уместилась впритык пышная попа Айен. Так же вниз свесились дополнительные стремяна.

«Да какого лешего», — подумал Амелис, прищутив и скосив глаза на неожиданного соперника, — «Ну как можно всё рассчитать, да предугадать, что пригодится такой девайс. Точно отличник. Могли бы дружить».

Конечно, блондин планировал отдать своего коня девушке, а сам бежать рядом, ну чем не дикий мустанг, но видя, что лекарь не собирается идти пешком, а настроение Ай «демоническое», решил просто помолчать.

На чёрном коне парень с девушкой сидели неприлично близко. Дан ощущал спиной биение сердца спутницы. Амелис выглядел так, словно сейчас произойдет возгорание, но определенно держал себя в руках. Леди имеет право трогать, кого захочет. А кто не согласен, познакомиться с его же кулаком.

Айен обняла Дана, чтобы крепче держаться. Солнце запуталось лучами в его волосах. Размеренно шли кони. Сизая дымка опускалась в долину. Три цвета, лишь три цвета: песчаный жёлтый, мутно-голубой, изумрудно-зелёный. Определённо, у художника этого пейзажа хороший вкус.

«Дан словно натянутая стрела. А пахнет приятно, какими-то травами», — Девушка прижалась к нему, чтобы вдохнуть аромат поближе.

— Знаешь, — зашептала она ему возле уха, — я часто во снах в детстве бывала птичкой. Ощущать поток ветра на ворсинках перьев так приятно. Наклон вправо, влево, выше, в небо, далеко, пока хватает сил. Потом вниз, до тёплого потока, и парить, забыв обо всём на свете, не зная, кто ты, лишь поток и мир-мгновенье. В таком сне я жила в долине Глициний, где воспитывали травников. Один мальчишка всё время опаздывал или не хотел идти на уроки. Он приходил первым, но стоял возле белой огромной арки и смотрел на глицинии. Ему иногда удавалось спрятаться в пышном цветении, когда он вместе с портфелем влезал в потайные места лианы, где обычно любила сидеть и я. Он меня не замечал, ведь я же маленькая птичка. Интересно, почему мальчик не хотел учиться?

Айен задремала, руки её больше не держались за грудь Дана, поэтому она не ощутила, как бешено забилось его сердце. Пришлось остановиться. Двум лошадкам троих далеко не увезти. Для ночлега ещё рано, поэтому пусть это будет просто передышка.

— Насколько ты сильная?

— Достаточно.

— Ты сможешь руководить всеми этими оболтусами?

— Смогу.

— Опыт в командных работах?

— Группа Освобождения Пленённых Душ, Плавучий Причал. Межлокационный Госпиталь, работа с выжившими. Обнаружение глубоко-спящих сноходцев, работа в паре, вербовка.

— Протяните руки ладонями вверх. Сейчас я произнесу код, который всё равно не запомните. Вы поступаете на службу в ...

Шум заполнил голову, воспоминание о диалоге прервалось. Ася открыла глаза. «Море волнуется раз... Море волнуется два... Море волнуется три... Морская фигура на месте замри!»

Чьи-то руки обняли её. Тепло.

— Гляди, Ася! Это они! Реально они! Русалы плывут к нам! Только чур не заигрывай с ними, а то миссию завалим.

— Вот дурачок. Миссия есть миссия. А заигрывать я и с тобой могу.

Смех. И приятная щекотка где-то внутри, оттого, что сейчас будет интересная работа. Говорят, что Русалы, прекрасные мужчины с рыбьими хвостами, плавают среди Сно-Миров, потому что видят мир совсем иначе, как один сплошной океан. Их не берёт глубина, они не погибают в Водах Тьмы, они могут называть своей явью любую существующую локацию. Но где их настоящая родина?

— Ася, о чём ты думаешь? Забыла, я же читаю твои мысли. Уверяю, что Русалов отметили икрой другие русалы. Потом тебе сказку расскажу. Как закончим.

Голос из белой дымки лёгким шёпотом щекотал ухо.

— Ты сильна? Сильна? Ася... Насколько ты сильна?

Поезд. Вагон полон людей, шумно. На станциях заходят и выходят. Ася в берете и клетчатом пальто, глядит в окно на перрон, словно ждёт кого-то.

— Ась, а если я не справлюсь, меня убьют, закроют доступ, ты найдёшь меня? Ты же знаешь мои пароли. Найдёшь?

— Конечно.

— Он не придёт. Хватит его ждать. У него другие задания. К тому же мы с тобой работаем вдвоём. Ты хочешь большую команду? Пффф...

— Локс, прекрати. Может это и неплохая идея. Мы сработаемся, я уверена.

Амелис уже собирался раскладывать палатку, как ветер резко изменился и принес топот копыт и выкрики. Из-за странного ландшафта холмов, Дан не смог распознать приближение врагов.

Отряд Лорда нагнал их. Битвы не избежать.

— Госпожа Айен, — простите, я вынужден вас разбудить, — Дан встряхнул леди за плечо, — прошу вас, держитесь возле меня, сейчас будет сражение.

Девушка несколько мгновений не могла понять, сон это или уже нет. Амэ больно дёрнул её за волосы.

— Не сомневайся. Явь.

Таков был уговор. Амелис ей иногда снился, но лишь в приятных эпизодах, так что, сделав больно своей леди, он на все сто процентов убедит её в реальности происходящего.

Солдаты Серого Легиона Лорда стреляли без предупреждения. Дан метнул иглы, прицеливаясь лишь для того, чтобы обезвредить человека. Давал клятву лекарей, не убивать. Поэтому лишал человека только одного глаза, а если брался за лук, то стрелял в руки и ноги.

Амелис же ворвался в тучу легионеров и рубил без сожалений, защищая жизнь, обороняясь насмерть.

Айен вынула из ножен свой меч. Она всю жизнь тренировалась с друзьями на равных, и сейчас не собиралась прятаться за спиной лекаря.

«Насколько я сильна?»

Звон клинков, выкрики, обрывки вдохов.

«Сосредоточься».

Словно танцуя, Айен и Дан, спиной друг к другу кружились, стрелы свистели мимо, казалось, что в воздухе остаются полосы — следы от них. Капюшон упал с головы девы и её волосы цвета снега касались худого лица лучника.

— Слишком много. Их слишком много...

— Легион выпустил железных волков!

Дан только слышал о них. Что эти звери создавались в восточной части страны, в отделениях лордских лабораторий под названием «Д51 {Z}». Про них всё было настолько засекречено, что работники просто никогда не возвращались домой, их семьям выплачивали здоровенные откупные, и тайна оставалась тайной.

Прекрасно обученные рвать плоть два волка вцепились в Амелиса.

В какой-то момент Айен показалось, что она слышит только своё дыхание, а весь шум битвы больше не существует. Рука Амелиса опала плетью, другой рукой он свернул шею волку, отрывая его от своего бока вместе с куском плоти.

Дан пропустил удар, закрывая собой Айен, которая бросилась к Амелису.

Лучший сын маминой подруги продолжал бой с несколькими стрелами, торчащими из его тела.

«Насколько я сильна?»

«Почему они нападают только на Амелиса?»

Хладнокровие леди весьма пошатнулось, стоило ей осознать, что она и двое её парней не справляются с Серым Легионом. Невозможность узнать, кто же спрашивал её во сне, кто задавал вопросы, на кого конкретно она работала, вселяла неуверенность в настоящем.

«Я слаба».

Теперь Айен не слышала и своего дыхания. Вдруг она чётко, как в чёрно-белом кино увидела всё, что произойдет сейчас. Как Дан сделает шаг и стрела вонзится ему в горло. Но стрела исчезла в серо-голубой дымке временного портала.

Предвидение захватило леди.

Она словно танцевала посреди боя. Знала, когда подпрыгнуть и ладонью подтолкнуть стрелу, чтобы она прошла выше головы Амелиса.

Знала, когда нужно отвернуться, и лошадь врага встала на дыбы от внезапного появления её, смеющейся. Эйфория окутала разум, время вырвалось на свободу из Айен и желало говорить с миром.

Она двигалась, как богиня, зная каждое мимолетное событие на этом поле боя, отменяя стрелы движением пальца, меняя траектории движения людей и коней.

Парящий цветок вишни (откуда он тут взялся?), попавший в ураган битвы, был направлен к щеке Амелиса, словно поцелуй, горящая щепка от разлетевшегося дерева не попала в лицо Дана, а была сметена в сторону магическим воздушным потоком из рук Айен. Огонь вихрем в глазах лекаря отражался от битвы, он был удивлен, увидев, что Айен защищает его: изменила направление горячей щепки. Отражение пламени растаяло в его глазах.

Легко и страшно. Как во сне. Ей казалось, что крики бойцов застывают ледяными буквами, оставаясь висеть в воздухе, пока не собьёшь их на землю. Зачем, зачем, зачем они ранят её дорогих людей??

Она закричала. Из её рта и ладоней посыпались ледяные незабудки, замораживая пространство вокруг и покрывая льдом нападавших.

Волосы Ай стали синими.

Дан застыл, Амелис зажал рукой окровавленный бок. Они стояли напротив друг друга, не понимая ещё, что происходит, но зная, что осталось лишь дышать. Воздух, словно иней на стекле, расцвёл тонкими иголками снега.

Айен была так расстроена, так потеряна, что не могла остановить магию, льющуюся из неё. Она возвышалась над полем боя, устрашающая и прекрасная, раскинув руки, исторгая холод и снежные незабудки.

Иней полз цветами по лицам Дана и Амелиса.

Амэ был уже без сознания.

Лекарь собрал последние силы и с рычанием стал медленно двигаться к Айен.

«Я был неосторожен, — мрачно констатировал он своё состояние, фиксируя отсутствие паники, — Рядом с НЕЙ я пренебрёг безопасностью группы в целом, это паршиво».

Иглы снега резали его, добавляя крови на итак израненное тело, но он всё же дошёл. Её лицо уже было льдом, застывшие слёзы в яростных глазах делали взгляд пугающим.

Он обнял эту страшную колдунью. Айен вздрогнула, стало вдруг тепло, и она не сразу поняла, что это от горячей крови Дана.

Иглы остановили свой рост, лёд на теле Айен растаял.

Так и стояли они: девушка с синими волосами и обнимающий её парень со стрелами в спине, согревающий её страх своей тёплой кровью.

В какой-то миг Айен перестала исторгать незабудки и стужу, и Дан смог отнести её и Амелиса к лошадям. Здоровой рукой блондин всё ещё сжимал меч, покрывшийся льдом вместе с рукой. Парня пришлось бережно привязать к лошади, Айен посадить впереди себя.

Дан надеялся, что он наблюдал магию льда, которая сможет держаться минимум двое суток, поэтому, пока есть время, нужно уйти далеко.

Но следовало бы перевязать раны. Особенно беспокоил Амелис.

Кони шли очень медленно, повинувшись единственному человеку, что остался в сознании.

«Это не шум крови в моих венах. Это шум реки. Остановимся».

«Рука мечника скорее всего сломана. А вот бок, к счастью, был откушен совсем чуть-чуть, порваны мышцы. Кость оказалась сломана ещё и в области ключицы».

Лёд на теле Амелиса Дан разбивать даже не планировал.

«Это задержит потерю крови».

Единственный, кто получил перевязку возле этой реки — был он сам.

Ведь должен кто-то дотащить Госпожу и её мечника в дом лесника. Лекарь точно знал, где они могут спрятаться на время и залечить раны.

Айен открыла глаза. Стрелы из себя Дан вынимать не стал, а засыпал раны снаружи каким-то порошком.

— Чудиль-трава. — Тихо сказал лекарь, — Нам нужно двигаться тайными тропами, лошади не пройдут там.

Девушка прислонилась к стволу дерева. Вокруг всё казалось таким сине-мрачным, слишком чётким. В голове больше не было ни вопросов, ни тумана. Время затаилось.

Река не глубокая, но холодная ли она?

«Надо идти вперёд». Бесцветные мысли звучали чужим голосом, побуждая к действиям. «Я словно механическая железная птица. Мне надо идти за человеком».

Айен шла за Даном, нёсшим Амелиса на руках, и не чувствовала ни тепла ни холода. И некому было убедить её в реальности происходящего.

За рекой начинался бурелом. Айен помахала рукой лошадам: «Уходите, уходите!»

Без амуниции и седоков животные тупо смотрели вслед людям.

Через какое-то время Дан остановился, расправил самодельные «сани» и уместил в них Амелиса. Прислонился к сосне лбом.

Вдох, выдох.

«Стрелы не задели сердца, но вынимать их будет сложно. Надо только дойти».

К Айен возвращались чувства, её бил озноб.

«Как много у него ран... Это же я его так, иглами льда... Я могу помочь».

На лекаре не было живого места. Несколько стрел от Серого Легиона доставляли ужасное неудобство, но множественные глубокие порезы от магии, с застрявшими целыми и обломанными ледяными иглами, сильно кровоточили, видимо оттого, что не вся кожа была покрыта льдом.

Руки девы засветились.

Дан успел схватить её за запястье и направить его вверх.

— Нельзя! Вы много сил использовали! Я справлюсь сам!

Что это такое в его глазах? Не бешенство, нет. Страх за неё? Забота?

Что же ...

Кровь тёмной струйкой вытекла изо рта Дана.

Золотое волшебство перешло по руке госпожи Айен на руку лекаря и свет магии исцеления проник в каждую ранку на его лице.

«Надо прекратить телесный контакт. Почему всегда надо тогда, когда почти невозможно», — мысли Дана обрели ясность, он отшатнулся от леди.

— Хватит.

Глава 7. В которой Амелису рассказывают страшный стишок, и в которой мы узнаём, как распалась команда

Лекарь двигался так ловко, словно в его спине не торчали стрелы. За ним привидением шла Айен, шатаясь, спотыкаясь и падая. После применения магии её всегда одолевала ужасная слабость, но сейчас нужно было идти, ради Амелиса, доверившись сыну маминой подруги.

В этих дебрях жил дедушка Виктор. Лесник, преподаватель из школы травников. Он давно вышел на пенсию, и лишь его любимые ученики знали про нынешнее обиталище.

Дан открыл дверь, втащил внутрь Амелиса. Леди остановилась у входа. Ноги отказывались двигаться... и этот дом... так похож на избу из давнего сна. Воспоминания итак не радовали линейностью по времени, а сейчас и вовсе, обрывки памяти зависали в голове комьями тумана, путая, тревожа сильными эмоциями.

Когда-то, едва уснув, она ощутила ПРИЗЫВ. Кто-то ждал её в этом, заранее оговоренном месте. Она летела сюда через лес, её личную родную локацию сна. Там всегда ночь и всегда зима.

«Минуточку. У меня есть ЛИЧНАЯ ЛОКАЦИЯ СНА».

Темно, идёт снег, можно залетать на верхушки высоченных елей, стоять на них босыми ногами, кружиться вместе со снегом, укрываясь светлой шерстяной шалью. Смеяться. Любить быть одной тут. А потом спускаться. Снег по колени. Рукой смахивать холод с пушистых рукавов елей и танцевать меж них, а волки... волки охраняли её, знали её. Они с ней заодно.

А потом приходит в эту избу. Айен всегда видела свет в окошке. Дверь низкая, нужно наклониться, чтобы войти. Поставить ноги на цветной круглый коврик, связанный вручную. На миг перед глазами мелькнули руки, держащие крючок и толстые нитки, ползущие из чана.

«Ты сама будешь вязать?»

«Конечно! Не покупать же то, что я хочу сделать. К тому же я честно стырила его футболки, и хочу ЭТО сделать до того, как он вспомнит о них».

А потом пройти по циновке-дорожке до печки, распустить волосы и сидеть, глядя через свечу на снег за окном. Кого-то ждать. Так хотелось, чтобы он пришёл скорее! Сердце колотилось, когда открывалась дверь, но в этот момент Айен всегда просыпалась и уже придумывала, додрёмывала себе, что приходит Амелис.

Но сейчас не зима, а изба эта существует в реальности. Айен ударила головой о стену, в надежде проснуться.

В избе затихла возня, и в дверном проёме появилась смешная голова деда с острой бородкой и усами.

— Что ж ты так убиваешься, ты ж так не убьёшься. Заходи в избу, Госпожа.

Айен ощутила тошноту и, наклонившись, ватными ногами вошла в избу. Запахи знакомых трав. Вербена! Тонкий аромат лугового василька. Мята. Ещё что-то такое знакомое, но ускользающее.

Словно во сне, леди поставила ноги на круглый коврик ручной вязки, медленно направилась к печке по знакомой траектории. Шум в ушах. Благословенная темнота.

Очнулась Айен на полу, оказывается, когда она упала, никто к ней не бросился, ибо сначала дед и Дан занимались замороженным мечником, лежащим на носилках, скрюченным во льду, а потом самим Даном, вынимая ему стрелы, вытаскивая их обломки спереди, проталкивая древко вперёд. Зрелище было ужасным.

Пальцы лесника светились, делая прозрачным тело парня, потом дед толкал стрелу насквозь, чтобы нанести как можно меньше повреждений наконечником. Такую технику использовали лекари-маги, поразительно, что этот талантливый лесник с такими ценными навыками, живёт в глуши с волками, а не в одном из замков для магов лорда.

Дан морщился, жевал какую-то длинную травину и молчал. «Возможно, свечение от пальцев не только показывает кости и мышцы, но и обезболивает. Иначе, это невозможно было бы вынести», — подумалось Айен.

— Подойди, Госпожа, подай тряпок с печи и таз возьми. Будем этого ежа латать. Терпи, да, глубоко, так будет проще всего.

Айен всё ещё чувствовала себя неважно, но принесла то, что просил Виктор.

Дед продолжал, протирая раны:

— Гляди-ка, Соник потерял свои иглы.

Ну как можно было сравнить человека со стрелами в спине с ёжиком из сказок, блин?

Смутно припомнилось, что кто-то рассказывал ей несколько историй про супер быстрого Ёжика синего цвета и его розоволосую подругу. Там ещё был лис с двумя хвостами, который мог использовать их для полёта. Забавная история. На самом деле, главным героем был неудачник — богатый учёный, владеющий мастерскими по изготовлению железных существ-убийц. Сказку посчитали политической и запретили. Поговаривали, что сам старик Лорд сжёг текст сказки в своём камине.

Дан закашлялся, это вернуло Айен в реальность.

Амелису, как оказалось, разбили лёд только в местах ран, чтобы обработать и начать лечение. В остальных местах лёд таял медленно.

— Креоника! — восхищённо бормотал дед, — Давно такого не видел. Ну ты даёшь, Госпожа. Суеты-то навела сколько! Гляди, как лёд твой крепко держится.

— Как его убрать?

— Рукой коснись.

Айен дотронулась до заледенелых волос Амелиса, и они стали мягчать. На пол потекла вода. Парень ещё никогда не был в таком плачевном состоянии, жалость затопила сердце девушки, но плакать ей всё равно бы не дали.

— А теперь бери другой таз, сухие тряпки и трогай этих мужиков где хошь! — довольно улыбаясь, дед перекочевал к Дану с иглой в руке, — Где твои крылья, которые нравились мне? Пришьём назад? Или пониже, будешь поп с крыльями.

Айен покраснела бы, если бы не ситуация. А так, выходит, чего стыдиться, всего лишь расколдовывает своё же. Можно даже поплакать с досады, а что, прекрасный лёд получился!

Она трогала Амелиса в местах обледедения и холод развеивался. В конце концов, на пол упал меч из его руки.

Дед оторвался от зашивания ран на спине Дана и прильнул ухом к груди Амелиса.

— Гляди-ка, дышит. Огонь — парень. Кладёте вы его, значит, в сани, а они ему — как раз! Госпожа, ну-ка, поддержи вот тут.

Дед передал рукам Айен полотенца, которые прижимал к груди Дана, и вышел за дверь.

Девушка подняла глаза на раненого и встретилась с горящим жёлтым взглядом, в груди становилось то тепло, то холодно, сумбурно. Непонятно, тревожно и приятно одновременно.

Он зашевелился и хотел убрать её руки от себя.

— Не надо, дева Айен. Я сам справлюсь.

Именно за это его «я сам», его считали смотрящим свысока на всех. Что он вроде как сделает всё лучше других. Полотенца пропитались кровью насквозь.

— Я смогу вылечить, я уже делала это.

Руки Ай засветились, но Дан с рычанием одернул её:

— Хватит тратить силу на меня!

В это мгновение запястье хрустнуло и боль пронзила её тело.

Дед влез в избу через окно жопой вперёд, затаскивая душистый букет лесных цветов.

Айен забинтовали запястье.

— Ну одна-то рука у тебя целая! Давай Госпожа, смекай, у парня полтела во льду. Этого тоже надо пощупать.

И правда, нижняя часть Дана была покрыта коркой льда, и, как известно, этот лёд или через два дня растает, или от прикосновения создательницы — сразу.

Дан:

— Не надо, само пройдёт.

Айен протянула руку к бёдрам Дана. Его глаза округлились и полыхнули неподдельным янтарным страхом.

Ай отвела глаза в сторону, чтобы не смущать лекаря.

В избе была слышна хлопотная возня деда, он что-то ронял, гремел посудой, ворча себе под нос, но мы-то расслышали:

— ... Да что там той задницы, тьфу, боже милостивый, куриное крыло и то мясистей будет.

И вот, когда Айен, шупая рукой, продвигалась дальше и дальше, растапливая лёд, лежащий на носилках Амелис резко распахнул глаза.

Он был не в курсе ситуации и просто увидел, как Айен трогает Дана в совершенно неприемлемых для воспитанной девы местах.

Дед Виктор на заднем плане разочарованно:

— Да что ж всё не вовремя так! А ну-ка лежать, герой. Только на спине лежи. На бок не ложись. Тебе что, сказок в детстве не читали: придет серенький волчок и укусит за бочок. Вона, какой волчище тебе бочину покусал, железный! — дед придвинулся к Амелису и зашептал, — узнаешь его при очной встрече, а?

Блондин, переводя глаза на Виктора, так же шёпотом ответил:

— Я его запомнил. И шею своротил.

— Уважуха, хороший мальчик, — соорил дед хитрую мину, и, видимо, чтобы разрядить обстановку, проскрипел погромче, — Ну что там, пощупенцы! Закончили сеанс пальчиковый гимнастики? Тогда пора заканчивать с мальчишками и деву продиагностировать, дед эмэртэ к вашим услугам.

Виктор лихо замотал Дана в бинт, предварительно высыпав на его раны тонны порошков из мисок.

Лекарь удалился переодеваться за печку, а Амелисом занялся дед. Теперь все они выглядели как семья — в одинаковых светло-серых потёртых шмотках.

Вставить блондину не разрешили, Виктор сказал, что мышцам нужен полный покой, чтобы «получить апгрейд».

Амелис не понял, что получить, но на всякий случай согласился, вдруг пригодится.

Леди сидела на полу, счастливая и обессиленная. В какой-то момент она ощутила руки Дана на своей спине, он уложил её на циновку, дед водил руками вдоль её тела и беспрестанно страдальчески охал.

Как в тумане до неё донёсся разговор:

— У неё столько внутренних травм! Да как это возможно-то? Когда она колдует, тело её ломается. Хрясь, и пополам! Нельзя давать выплескивать силу, пока она не получила своего защитного амулета!

— Да с ней разве сладишь. Ты же знаешь, она такая своевольная...

Смешной Дан... ну как дедушка может знать... они же только что познакомились.

— Ээй, мачо, да ничего позорного мы с твоей Леди не делаем, только полечим чуток. Лягай взад. Стишок-то дальше знаешь? А потом придёт медведь и откусит тела треть, ручку унесёт лиса, зайка высосет глаза... да, да, рука-то уже похерилась, береги глаза, Сеня!

Туман заволакивал её сознание, Айен казалось, что она снова видит Жанин и мальчишек, что они ждут её где-то там, за сонным стеклом.

Зачем Локс предал их... нет. Нет! Только не эти воспоминания, они слишком болезненные.

Как Локс предал их.

Там, среди холмов и деревянных домиков на сваях, в ночном воздухе пахло рекой. Тиной, сыростью, прохладой. Не все ребята могли переключать ощущения кожи в сложных локациях, поэтому маленький Серж и Мальвина кутались в шали и длинные шарфы, наколдованные Молчаливым Андриком.

Весельчак Жорик увлекся специальным чиханием и всегда носил с собой в сон зубочистку, которой щекотал себе ноздри, чихал и смеялся без удержу.

Но сейчас был слишком важный момент, и на зубочистку он только изредка бросал влюблённые взгляды.

Айен сосредоточилась и передала план действий всем бессловесно и одновременно.

Перед каждым заданием они обнимались вместе, кучей. Объятия Локса были крепки, как всегда, Серж начинал хныкать, Молчаливый Андрик изрекал: «Хм...».

И всё начиналось.

Они уже были мастерами летать сквозь стены. Каждый знал свою роль. Нужно было проникнуть в поезд, найти вагон со сноходцем, отвлечь сторожа и выкрасть чемодан.

Что было в чемодане — никто не ведал. Такие вещи знал только Учитель.

А Учителю доверяли и боялись его расстроить.

Когда обнаружили нужный вагон, Серж принялся за отвлечение. Если не маленький зарёванный мальчик, то кто?

Жанин сторожила пространство от внезапных вторжений случайных спящих.

Локс, как самый шустрый, должен был забрать чемодан.

Но вот он не сделал этого. Он схватил сторожа за щёки и закричал:

— Просыпайся! Береги свои сокровища!

И нужный человек исчез из локации с ценной вещью.

Локс сел на пол. Серж перестал реветь. Айен в ужасе проявилась перед ними.

— Зачем! Зачем ты так сделал?

— Я хочу быть свободным. Мы все должны быть свободными. Я не буду больше рабом Учителей.

Глаза его сверкнули из-под длинной челки.

— Ты поймешь потом. Уходи от них. Я уверен, что ты тоже уйдёшь. Вспомнишь ЕГО и тоже уйдешь. Прощай, Ася.

И исчез, словно проснулся.

Горячие слёзы потекли из глаз Айен. Поезд мчался в бесконечной локации, созданной специально для любителя поездов, чтобы он катался каждый сон.

И чтобы попался.

Впервые Айен поставила под сомнение слова Учителей. Потому что она давала клятву верить своей команде на все сто, двести, все-числа-на-свете процентов.

Серж снова заревел. Мальвина, узнав, что произошло, стала вторым голосом.

Молчаливый Андрик сжал руку потрясённому лидеру, которую знал как Асю.

Спустя время из вагона исчезли все, кроме неё.

Локация была замкнута, можно было кататься в поезде вечно или бродить по ночному побережью, усыпанному дряхлыми деревянными домиками.

Айен не могла унять ужас от потери друга и не хотела просыпаться.

Доверие к Локсу было исключительным. Он всегда был рядом, всегда готов был поддержать её, такой ироничный, но очень добрый, с улыбкой из-под слегка вьющихся волос, вечно падающих на лицо.

Но однажды, спустя много ночей, в музыке рельс и колес, кто-то взял Айен за плечи. Обнял за спину.

— Пойдём, — шептал он, — прошу тебя, пойдём. Его не вернуть.

Ай не видела его, но лёд был растоплен, она зарыдала в голос.

Ночной поезд нёсся в пустоту ещё некоторую вечность подряд.

Командных работ больше не было, как и снов, Айен страдала бессонницей, полгода могла отключаться только с сильными сновидениями. Амелис тщательно скрывал правду о проблемах Айен и регулярно добывал нужные лекарства в соседней деревне.

Но однажды... всё-таки приснился сон.

Память в нём была слегка затуманена Учителями, и Ай понимала, что будет помнить не всех, и не до конца. Но главное заключалось в другом. Она их всё равно почувствует.

Её команда — это команда лучших эмпатов. Они чувляли друг друга сердцем.

Леди получила приглашение в Локацию Советаний.

Это очень редкое место. Айен понимала, что это прощание. С ними. Их отпускают, и она больше никогда не встретится с ними во снах. Учителя всегда были очень строги (даже жестоки) и разрушали команды, если там происходило предательство или невыполнение задания.

Но досаду Айен отложила на потом. Сейчас она снова увидит их, и душа ликovala.

Бункер выглядел как маленький кинотеатр. Но сегодня «кино не будет».

У входа сидели Учителя, Ай смутно узнала одну женщину, а остальные не показались знакомыми.

На неё налетела Жанин. Она так красива! Огромные чёрные глаза, очень короткая стрижка, маленькое чёрное платье.

Мальвина и Серж катались на качели в саду бункера, Айен пойдет к ним позже.

Рядом оказался неизвестный парень, а душа кричала: это друг, друг, друг! Это Жорик! Зачем Учителя меняют им облики и стирают часть памяти, это так злило сейчас!

Они обнялись. Весельчак смахнул слезы.

Он говорил, то ли словами, то ли душой: «Тебя так давно не было. Как хорошо, что ты есть. Куда ты пропала? Знаешь, я пишу теперь стихи».

Он достал листок с какими-то чёрточками. Во снах так трудно понять написанное! А тут было ещё и перешифровано Учителями.

Но был другой способ.

Можно отключить разум и ПОЧУВСТВОВАТЬ о чём написано.

Айен закрыла глаза, провела рукой над листком. Чёрточки превратились в рисунки. Дыхание захватило от невероятной красоты.

«Сколько поэзии! Я задыхаюсь от восхищения! Меня переполняют чувства от такой великолепной поэтики!»

Вдруг эмоциональная волна накрыла бункер. Все поняли, что идет Он. Не Локс. Кто-то другой. Ждавший Асю так долго из жизни в жизнь тысячелетиями искал её мучительно долго.

Когда не можешь УЗНАТЬ, потому что Учителя туманят твою память, то эмоции, которые человек не хочет скрывать, расскажут о чувствах всё и ещё немного сверху.

Дверь запахнулась, свет улицы ворвался во тьму бункера. Он подошёл и обнял Ай. Всплеск эмоций захлестнул от узнавания. Она не могла вспомнить ни одно из его имён.

Его сердце пело, кричало: «Я дождался тебя! Почему ты так долго не приходила, я искал тебя».

«Я размышляла».

Дешифровка Учителей всё искажала. То, что она хотела ответить, это «Я не могла. Меня не пускали». Словно плохие переводчики с другого языка, Учителя меняли смыслы слов, но не могли задушить эмоции эмпатов, дождавшихся встречи.

— Я готов воевать и умирать бесконечно количество жизней, чтобы мы смогли отыскать наших детей.

Наверное он хотел сказать «Я сделаю всё, чтобы мы снова были все вместе», но искажения смыслов — конёк Учителей.

Свет ослепил, и Айен проснулась в своей постели дома, захлёбываясь от рыданий. Амелис, сидевший у стен её

дома, мгновенно впрыгнул в окно и обнял, впитывая слёзы в прохладную ночь.

Как давно был этот сон... С тех пор во снах она не могла узнать душой своих дорогих друзей. Только лишь ощутить начало УЗНАВАНИЯ, но возможно, окажись они рядом, она смогла бы. Всё-таки лучшая команда эмпатов когда-то выучила наизусть эмоциональные облики друг друга.

Ася, Локс, Жорик, Жанин, Молчаливый Андрик, Серж, Мальвина.

Глава 8. В которой Амелис провинился, а Дан заранее стоит в углу

Горихвостка села прямо на забинтованную руку. В открытое окно Айен увидела пронизанную лучами света золотистую чашу и ряд серых волков, которые смешно вытянулись по стойке смирно, едва заметили, что леди проснулась.

На печи она лежала одна, укрытая лоскутным одеялом, в котором угадывались смутно знакомые вышивки.

«А одежда-то на мне... другая! Это сон? Ущипнуть себя до синяка за руку — хорошая идея. Амелис, правда, будет сердиться за это, но что поделать, сейчас он не может выполнить своё обещание. Кто из этих мужиков меня переодевал? Дан, наверняка. Покусать готова, настолько бесит. Хотя, неважно».

Собираясь спуститься, Ай увидела виновника её гнева. Он спал сидя, прислонённый к ухоженной белёной печке, через открытый ворот льняной рубахи были видны бинты. Впервые Айен увидела его утром вот так просто, с босыми ногами, без эффектной рубашки, спящего со строгим лицом, словно он и во сне был начеку или ему снился первый день сдачи экзаменов.

Как бы Айен не слезла с печи, он бы почувствовал это, потому что прижал щекой край её одеяла. Пришлось постараться и очень аккуратно выскользнуть, не пробудив его.

Сладкий аромат цветов из букета завораживал, на миг леди прикрыла глаза и улыбнулась. В распахнутом окне засуетились волки. Виляние хвостов явно указывало на то, что они считают леди другом.

Стараясь ступать аккуратно, чтобы половицы не закрипели, девушка оказалась возле лежанки на полу, где был оставлен её драгоценный Амелис. Он выглядел неплохо, однако бок всё ещё кровоточил, на бинтах виднелись алые пятна.

«Милый друг, как же я хочу тебе помочь».

Но применить волшебство восстановления ей снова не дали, как и прикоснуться к ланиторумяному блондину.

Внезапно оказавшийся рядом, Дан удержал её руку, шепча одними губами: «Не надо».

На его груди вмиг расцвела кровавая роза, он побледнел и отшатнулся. Айен хотела удержать парня от падения, но встретила холодный взгляд и опустила руки. Лекарь ухватился за стену и, потеряв равновесие, медленно съехал в угол.

— Тяаяак. У меня тут грибочки на обед и ещё всякое, — радостно сообщил дед, входя в избу, — Это ещё что? Только проснулась, а уже двоечника в угол поставила? Так ему и надо. Не уберёт от травм ни тебя ни этого шикарного ребёнка. А собачек моих не бойтесь, они у меня воспитанные.

Чуя похвалу, волки встали на задние лапы и подались в окно, свесив языки на бок.

— Перевязки — дело святое! — подняв палец вверх сообщил Виктор.

Сначала заложил внутрь под повязку Дану свежих трав, а после опустился на пол возле блондина и снял с него окровавленные вчерашние простыни.

Качая головой дед заглядывал в лицо очнувшегося Амелиса и объяснял лекарю:

— Вот смотри, сынок. Видишь вокруг укуса железного волка кожа почернела. Это погано. Хуже некуда. Отравили его. Надо готовить противоядие. Но сначала изучи недуг. Слыхал, что волки эти — самые засекреченные твари в армии Лорда. Сегодня вам нужно уходить. Армия от замороженных оттаёт через сутки и начнёт наступать. Посему покушаем, и тикайте молодцы с городу. Волков моих дам в провожатые, они вас тайной тропой поведут через Морию. Да не гляди так, шучу я, нет тут никакой Мории, это в другом мире есть, а тут только бурелом окрест. Это твоя явь, что ни на есть, самая она.

На сетования леди о погоне дед рассмеялся:

— Да не расстраивайся, ну придут легионеры сюдой, мне-то они чего-то сделают, я тут на пенсии, грибочки выращиваю, волков подкармливаю. Ну и что, что лекарь в отставке. Сейчас числюсь лесником. Накормлю, напою и отправлю их на все четыре стороны.

Участники вчерашнего побоища, перебинтованные и печальные молча осознали свою слабость. Виктор вздохнул и решил расслабить обстановку.

— А барышня-то у вас не кисейная, руки хоть и изящные, а клинок держать умеют. Вся одёжка была в кровищи. Но мы-то проверили, на теле ран нет, всё внутри, и то от колдунства.

«А рука дрожит», — осознала Ай, пряча сломанное запястье за спину.

Айен и Дан одновременно вспомнили их обнимашки на поле боя и обоим стало не по себе. Он согревал её своей кровью, чуть ли не интимное дело получилось.

— Давайте лучше салат сделаем, — встрепенулся Дан.

Но сначала, как истинный псих-перфекционист, он наточил все ножи, подготовил свои иглы к будущим

использованиям и протер мечи леди и Амэ. А потом, конечно, и салат нарезал. Он был готов на любую занятость сейчас, лишь бы не находиться с леди наедине и не встретиться с ней взглядом.

Дед жарил куриные ножки на костре прямо возле дома и продолжал говорить.

— Вот ты, Госпожа, когда на эмоциях херачишь колдовство, то ломается твоё тело. Чай, не аватар, надо беречь туловище. Это твоя явь, сечёшь? Тело у тебя тут реальное, а не снотворное. Для того, чтобы в эмоциях работать с энергиями тебе нужен твой амулет. Какой он — я не знаю. Вспомни, может во сне что-то видела интересное, или что-то хотела взять, но не выходило.

Айен вздрогнула.

— Я подумаю. Это Дан рассказал вам про мои сны?

Виктор, игнорируя вопросы, продолжал:

— Надо учиться концентрации при расходе сил и давать силе течь медленно, растягивая удовольствие.

Тонкой струйкой.

Один волк при этом поднял лапу на ближайшее дерево и продемонстрировал струйку. Виктор сменил лицо с дурашливого на строгое.

— Кто это сделал? Плохой мальчик!

— Наверное я плохой мальчик, — тихо сказал Амелис, появившийся в дверях, — был так слаб, самому противно.

Дед присвистнул:

— Тааак, бэтмен, лягай взад, мы тебя покормим лёжа, как барина. Я бегал ночью поглядеть на ваше немое кино, да их там дохрена, солдат энтих. Немудрено, что вас так уделали. Спасибо скажешь Госпоже и этому двоечнику (кивнул в сторону Дана, складывающему травы и порошки в сумку), что жив остался. Она хоть и заморозила тебя, но этим закрыла раны, а он (снова мотнул головой в сторону) дотащил тебя ко мне. Хорошо быть частью крепкой команды.

«Дан же был лучший во всём: лучший лекарь, лучший метатель ножей. Почему дедушка так про него говорит: «Двоечник»? — удивилась леди Ай.

За избой был сооружен маленький домик типа «сортир». Леди удалось сменить тряпочку, а пропитанную кровью пришлось закапывать под пристальным вниманием волков.

Попытка углубиться в лес для совершения ритуала была пресечена серыми зверюгами моментально.

— Ладно, закопаю прямо здесь.

Волки успокоились и даже заинтересованно лезли мордами под локоть, когда Айен начала копать. Смекнув, что надо просто вырыть ямку поглубже, парочка зверюг с энтузиазмом взялись за дело. Лопатка не пригодилась. Айен бросила тряпочку в яму и показала волкам, что собирается закапывать своё сокровище.

Очень умные волки. С такими можно хоть куда.

К избе Госпожа подошла улыбаясь, в окружении виляющих хвостов.

Перевязанные парни уже навьючились нужными вещами. Дед бросился, подпрыгнув, обнимать Дана, вытирая слёзы о его рубаху.

— Про амулет помни, разузнай у барышни. Наблюдай за блондином, да что ж я реву-то, тьфу. Про родинки помнишь, что говорил тебе! (Дан покраснел). Идите, идите в город, мои гопники проводят вас лучшими тропами.

Айен обняла старика.

— Дедушка...

— До встречи, Госпожа дорогая, — Виктор ощущался чересчур родным. Ни капли «чужого», словно этот человек всегда был рядом, как мать.

Слёзы встали комом в горле. «Всё будет хорошо, дедушка! Я обещаю, что не буду больше так делать, я буду тренироваться выпускать силу аккуратно...»

Ветки хрустели под ногами уходящих в темноту леса. Ай обернулась на безутешно рыдающего деда. Почему так знаком этот светящийся его взгляд, такой молодой и острый?

На границе света и тьмы леса начиналось пшеничное поле. Золотилось и волнами уходило вдаль.

— Прощайте, волчары, я вас так полюбила!

Волки облизали ей руки, Дану лицо, потерлись об Амелисовы ноги и исчезли в черноте бурелома.

Как часто Ай гуляла по золотым полям, ловя лёгкий ветер губами.

Мягкие шаги, руки гладят колосья. В голове каша из событий. Всё ещё больно от воспоминаний о любимых людях из снотворческой команды. Особенно тяжело осознавать, что помнишь далеко не всё.

«Сила есть, но пользоваться ею пока нельзя. Нужно тренироваться. Я так много отдала магии маме, вернув ей молодость. Мама, мамочка моя, надеюсь с тобой все хорошо. Дан знает, как найти мастера Времени. Я верю этому парню. Хоть он и бесит. Амелис грустен и даже не пытается шутить. Это на него не похоже. Его рана на боку

приносит много боли, но не может же он жаловаться, когда Дан, проткнутый в нескольких местах идёт как ни в чём не бывало и смотрит вперёд, а закат так красиво светится в его жёлтых глазах. Мы стали так близки за эти дни. «Хорошо быть частью крепкой команды», — говорил дедушка. Да. Мы словно бы команда».

Когда часть памяти утеряна, ты вынужден жить сейчас и здесь, создавать новые воспоминания, новые связи. И в этом находить прелесть и желание жить. Чувства говорили Айен, что эти двое — её новая команда. Но мысль об этом содержала в себе и отчаянье. Потому что всё ещё больно за ту, прежнюю. Словно она ещё есть, и нужно всего лишь всех отыскать.

— Сгодится, — сообщил Дан, остановившись, — Здесь переночуем.

Несколько деревьев скученно выросли посреди поля, создавая уютную имитацию двора. Быстро установили палатку. Айен обняла Амелиса. Выглядел он ужасно. Поэтому был уложен спать. Лекарь протянул вокруг их места стоянки верёвку, пропитал её сваренным наскоро эликсиром.

— Никто не подойдёт, чтоб я не узнал.

Так что спать сегодня будут все. Правда недолго.

Ночь здесь будет длиться почти вечно. Плоские крыши домов светились, приглаженные луной. Аиша очнулась.

«Здесь никогда не наступит день. Потому что после войны ничего не может прорасти в сердцах людей, кроме пыли от разрушенных домов, в которых лежат их мёртвые любимые дети...»

Из глубины поднимался гнев и отчаянье.

«Не вернуть уже никого. Они изуродовали моё детство, и моих дорогих людей не вернуть никогда»

«Аменокаль, где же ты, когда я зову тебя так громко? У меня уже нет языка, нет боли, остался лишь гнев».

В разрушенном проёме стоял мальчик. На руках он держал крохотную девочку в грязно-розовом платице.

Смятенным вихрем пронеслись в голове чужие воспоминания, и Айен поняла, что она не Аиша.

Телу было тяжело. Она ребёнок. Здесь была война. Дом разрушен. Дети были в пыли, ранены.

Надо помочь, перевязать! Но мальчик отодвинулся, прижав палец к губам.

— Она спит.

У одной целой стены дома лежала кучка вещей. Туда, как в гнездышко, мальчик уместил малышку и приблизился к Айен.

— Я покажу тебе дом.

Тишина стояла необыкновенная. Не было даже лая собак. Ни сверчков. Ни единого ночного звука.

Дети прошли на кухню. Там были высокие потолки. Кастрюли и другая посуда чернели на животе плиты мёртвым грузом, в них уже давно не готовили еду.

Стены покрывали чёрные лианы.

Мальчик повернулся к Ай и посмотрел ей прямо в глаза.

— Это мёртвые лианы. Из-за войны здесь ничего не может вырасти. В душах людей ненависть. Я так хочу поселить в них жизнь. Чтобы дом перестал быть мёртвым. Чтобы залечились раны тех, кто потерял своих детей.

Чёрные жемчужины глаз светились в темноте, свет луны еле-еле окрашивал в полутона его включенные волосы.

— Я помогу тебе. Что нужно делать?

«Как больно. Как больно. Как больно. Я не смогу это вынести. Эти дети ... это погибшие дети. Они так хотят возродить жизнь. Они заложники, призраки войны. Господи, как мне вынести столько боли, которая льётся в меня через этих детей?»

Сами стены словно бы застонали, когда Айен погладила серый холодный угол.

— Нужно посадить растение в доме. Нужно, чтобы оно проросло здесь. Тогда души людей начнут исцеляться.

Ростки нужно было брать на улице, выкапывать и приносить в дом вместе с землёй, сажать, поливать, ждать.

Дорога пустынной улицы уходила вдаль, и с обеих её сторон стояли забором высокие и низкие дома, с ранами от прошедшей войны.

Во сне время течёт иначе. Айен провела в этой Локации несколько недель, пытаясь прорастить что-то в доме. День за днём она поливала саженец. Рассвет не наступал, в плену у сине-серого времени дети хотели вернуть ценность жизни.

«Как бы мне помог в этом деле Серж! Этот ребёнок умел договариваться с растениями, хоть и скрывал способность от остальных. Но от лидера не спрятать такой алмаз. Однажды Мальвина носила в волосах чудный цветок фиолетовой эустомы, и Серж, незаметно для всех, продлевал ему свежесть лёгким касанием».

Вспоминая своих друзей, леди становилось теплее на сердце, и возможно это помогло.

Наконец настал тот самый момент. Росток, посаженный справа от разрушенной стены, выпустил новые листочки и потянулся к лунному свету из дырявого потолка. Так много сил нужно вложить в разгромленную душу,

куда не проникает свет солнца, чтобы в ней снова зародилась жизнь. Комнату словно бы засыпало серебристой пылью. Мальчишка улыбался.

— Теперь всё будет хорошо, пойдём встречать рассвет?

Как сильно это «здание» отличалось от тех, что ей приходилось выполнять с командой, а потом по-одиночке, под чётким руководством Учителей.

Не было раньше такого острого чувства своей нужности и значимости.

«Я вырастила жизнь».

Сердце сжалось от красоты. Синее тёмное небо, светлеющий горизонт, тёплая крыша дома. Как можно так любить другую чужую страну, в которой никогда не был, никогда не видел, как?

За руку её держал маленький мальчик.

— Сестра проснулась!

Невероятно огромные голубые глаза крохи отразили в себе сначала звёздную тьму, а после и рассвет. Небо встретилось с судьбой. Прекрасная, любимая Ливия. Пусть солнце осветит твой путь, пусть утро настанет для тебя и твоих детей!

Золото восхода залило всё, что видела Айен.

Проснулась она от внезапных крепких объятий, и определила себя в когтях неизвестного зверя, высоко на дереве. Снизу в неё целился из лука Дан.

Да что вообще происходит???

Вырваться не выходило. Зверь держал её крепким захватом, который часто использовал Амелис в дружеских спаррингах. При таком захвате он шептал ей на ухо какую-нибудь приятную мелочь, типа: «ты пахнешь рассветом», «этот миг никогда не повторится», «твое ухо- зефирка» и тому подобное.

Зверь дышал ей в затылок и его цветочное дыхание было спокойным.

Ветра не было. В тишине скрипнула тетива. Зверь уклонился.

— Погоди, погоди, Дан! Не стреляй! — Айен вдруг поняла, — это же Амелис.

— Ты же отпустишь меня, Амэ? Давай спустимся на землю.

Ага, паз. Существо, судя по всему, бывшее вчера Амелисом, сегодня было не согласно спускаться вниз, где стоял очень опасный человек.

Зверь издал рык и сжал плечи Айен сильнее, вонзив когти в её кожу. Дева замерла. Дан выпустил ещё стрелу и следом полетели иглы.

С жутким хохотом демонический Амелис уклонялся от любых атак стрелка.

— Дан! Не надо! Ты же поранишь его! Не смей!

Молчавший до этой секунды Дан быстро сказал:

— Я обязан защищать Вас, Госпожа. Его жизнь не важна, ваша — важна.

— Нет! Нет! Не смей! Я никогда не прощу тебя, если ты убьёшь его! Никогда, слышишь? Дедушка говорил, что надо изучить, изучить его недуг...

Слезы катились по её лицу и по рукам демона.

Дан не перестал целиться в Амелиса, но больше не нападал.

— Мы не знаем, какие эмоции и сознание у него сейчас. Я не убью его. Но я буду настороже.

Луна прокатилась по чёрному небу и едва забрезжил рассвет, хватка демона ослабла и он сменил облик.

Дан прищурился на рассветный луч и лицезрел уникальную картину, от коей даже слегка порозовели его бледно-серые щёки.

Абсолютно голый прекрасный Амелис, божественно красивый, обнимал дремлющую растрепанную деву Айен. Да, на дереве. Да, одежда Девы местами была порвана.

Амелис было подумал, что это сон такой странный, и даже обрадовался, будет что подруге рассказать. Как услышал холодный, усталый и злой голос Дана:

— Слезай.

Лихорадочно соображая, что же произошло, почему он в неприемлемом виде с Ай, да ещё и так высоко, Амелис растерялся. Леди повернулась к нему и тёплым родным голосом бормотала что-то прекрасно-милое.

«Она же ранена! Ранена!»

Ощущал ли блондин в этот момент панику, мне неизвестно, но он несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул, после чего расслабил хватку.

Внизу Дан уже протянул руки — ловить. Госпожа, наконец освобожденная из ночного плена, начала медленно спускаться по стволу дерева и в итоге спрыгнула в надёжные руки.

«Всю ночь не спал, целился в него. Всю ночь ведь так и стоял. Как наверное затекли руки», — леди потрогала Дана за плечо. Тот поднял бровь.

Амелис стоял перед ними, бесстыдно обласканный лучами солнца во всех доступных ныне местах. Все его раны затянулись, даже та самая, от железного волчка. Так и не сказать, что вчера помирал.

Зато Дан и Айен в его объятиях выглядели очень потрепано.

— Изучить, хорошо? Изучить, Дан... — Айен провалилась в глубокий сон.

И Дан ни за что не позволит её потревожить.

Так бывает после долгих заданий во сне. Когда человек настолько устаёт ТАМ, что очнувшись в своей Яви, снова падает в сон, но на этот раз без сновидений или в сон во сне, тут уж как повезёт.

Лекарь молча повернулся спиной к виновнику суеты и зашагал в палатку, унося деву Айен.

Аккуратно бинтовать раны.

Амелис растерянно повернулся лицом к солнцу.

Смятение внутри него бурлило неведомым доселе ликованием.

— Да что я сделал-то? — негромко сказал он в сторону палатки.

Оттуда мрачно молчали, но ясно было одно: по ночам теперь в крови Амелиса бурлит кровь неведомого Демона, превращение происходит за считанные секунды, и заканчивается сие безобразие с первыми лучами солнца.

Глава 9. В которой Дан приручал Демона, опасаясь его очаровать, а Айен оставалось видеть во сне кошмар про кровавый душ

Дан не спал три дня и три ночи, поддерживая себя в состоянии бодрствования, чтобы изучить недуг Амелиса и охранять Госпожу.

С наступлением темноты кожа блондина покрывалась чёрными перьями, он терял самообладание, пытался схватить деву Айен и убежать. Но теперь ему это совершить было нелегко.

Первым днём парни вместе устроили ловушки, но ночью Демон легко обошёл все капканы, и, злобно усмехаясь, в итоге уволок свою добычу, выпрыгнув из-под земли прямо в палатке. Дан обнаружил их под утро в глухой норе. Айен едва дышала, Амелис рыдал и умолял его убить. Лекарь был холоден, но спокойным его назвать было нельзя. Он поставил деве Айен иглы на нужные точки, чтобы облегчить дыхание и дать восстановиться.

А после вышел из палатки и долго молча бил Амелиса. Шёл дождь.

Ночной Демон не сопротивлялся, надеясь, что получит смерть. После первого же удара он упал на колени.

— Ты должен убить меня. Ради неё. Я прошу тебя.

Но сын маминой подруги умел держать слово. Обещал леди, что не убьёт, а разберётся, значит так тому и быть. Лицо его потеряло злобу, мокрые пряди упали на лоб, он опустился на колени рядом с человеком, ставшим другом, притянул его лоб к своему.

— Прости. Мы справимся. Я обязательно придумаю что-нибудь. Придумаю.

Амелис плакал как ребенок. Он лишь просил смерти и наотрез отказывался идти в палатку, мол, сейчас быть близким к леди совершенно преступно и опасно.

— Ты же любишь её! — рыкнул Дан, — Я уверен, что ты никогда не причинишь ей настоящего вреда. Пара царапин на плечах для неё это ерунда, не думаешь же ты, что она затаит на тебя обиду за такую мелочь? А ну быстро зашёл сушиться, мне нужно откачать у тебя крови для экспериментов.

Амелиса под эгидой пыток наконец удалось загнать в тепло. Сидел он с ровной спиной скрестив ноги, с ужасом поглядывая в сторону леди.

Весь новый день Дан что-то готовил. Перетирал травы, сушил их на солнце.

Делал тесты с кровью демона, и к ночи напоил Амелиса свежепридуманным зельем. Блондин начал терять самообладание, просил лекаря проверять, дышит ли его Ай, и снова плакал.

Едва солнечный свет покинул долину, как демоническая птица-зверь уже сверкала глазами и рычала, не в силах сдвинуться с места. Зелье парализовало его. Правда, всего на полночи. Лекарь не знал, сколько у него времени, поэтому действовал сразу.

— Я твой друг. Ты мне нравишься. Ты тоже мой друг. Я хочу тебе понравиться. Нам будет весело, если мы все останемся живыми, — Дан сел близко к Демону, дотронулся до чёрной руки и принялся совершать мягкие поглаживания по росту перьев, постепенно дойдя до головы. Сначала Амелису это не нравилось, он продолжал рычать, но перестал, стоило Дану обеими руками начать трогать его почерневшие волосы, в которых встречались очень длинные перья.

— Мне нужна твоя помощь. Леди Айен нужно охранять. Ты нужен мне, — голос лекаря, спокойный, низкий и такой приятный, успокоил Зверя настолько, что тот закрыл глаза и слегка склонил голову за глядящей его рукой.

Чудить Амелис начал после того, как поборол отвар в своей крови. К ужасу Дана он сдвинулся с места, в мгновение оказался у спящей Ай и указал на её запястье. Произнести он ничего не смог, но Дан отчетливо увидел визуализацию, представленную Демоном — на запястье Госпожи появились и исчезли голубые прозрачные браслеты.

Дан продолжал уговаривать Демона помочь им. Пока было понятно немного.

Он рычал, когда Дан приближался к Ай, и готов был слушать, если Дан сидел рядом с ним и держал его за когтистую лапу.

Так они и встретили рассвет.

Амелис в демоническом облике становился громаднее и шире своего человеческого вида, поэтому разорваны были уже вторые его одежды.

Смотря во внимательные глаза Дана, демонские чёрные глаза снова стали голубыми, когти — пальцами.

— Всё хорошо, не тревожься, — быстро проговорил лекарь, — Сегодня ты был спокоен. Ты слушал меня и никому не навредил.

Амелис легонько кивнул и покосился на руку Дана, держащего его за запястье ладонью к ладони.

— У меня теперь повышенная чувствительность ко всему... Наверное, — застеснялся он и тихонько выполз из

палатки. Лекарь последовал за ним.

Развели костёр.

Руки Амелиса плохо слушались из-за зелья, поэтому Дан помог ему выпить горячего отвара бодрящих трав.

— Ты уверен, что сможешь укротить меня?

— Да.

После целой ночи поглаживаний этого человека, Дан едва не принялся снова, но одёрнул себя, ведь сейчас это выглядело бы не иначе, как любовные заигрывания, и кто бы там разбирался, с какой целью кто кого трогает. Этого парня приласкать хотели бы многие, и, как говорили в селении, Амелис не различал мужчин и женщин, ему все едины, «любить людей, это прекрасно», — говорил он. Остаётся надеяться, что свою леди Айен демон желает больше, и за ночь он не обзавёлся личными мыслями в отношении лекаря.

— Расскажи мне о голубых браслетах, — попросил Дан, отбрасывая возникшие кадры из головы.

Изумлённый Амелис поднял на него глаза:

— Это... это касается детства Ай. Когда мы были детьми, она очень хотела себе «водяные браслетики», как она их называла. Но на самом деле это круги от капель дождя в лужах. Мы с ней обсидели все лужи в деревне, но, как понимаешь, не могли поднять разводы от капель на воде. Это была её детская мечта, а я пообещал себе, что сделаю всё, чтобы добыть их ей. Почему ты так смотришь на меня?

Дан схватил друга за плечи, больно сжал их, расплескал котелок с утренним чаем. Янтарный взгляд горел огнём, но голос был спокоен и тих:

— Надо достать ей эти браслеты. Обязательно. Железно.

Амелис уж точно знал, что такое «железно», когда дело касается обязательств. Сейчас, осознав бесконтрольность ночей, блондин страдал как не в себя, ведь он может сотворить с людьми ВСЁ ЧТО УГОДНО с такой силой и такой чувствительностью.

А как этот лекарь собирается доставать круги от капель дождя???

Дан быстрым шагом обошёл палатку несколько раз, потом вернулся к костру.

— Скоро будем двигаться к городу. И я немного изменю ночное зелье для тебя. Чтобы не было этого, — и показал Амелису на его же дрожащие руки.

Айен проснулась после полудня. От своего крика.

Парни втиснулись в проём палатки одновременно. На одежде её проступали кровавые пятна.

Оба бросились проверять, что с ней, но выглядело это так, словно двое мужчин спешно раздевают девушку.

Лицо, спина, руки, ноги — всё тело было в тонких порезах, словно её посекали бритвенным лезвием.

Дан вынул из сумки порошки, Амелис обнял подругу.

«Да что же это такое! Это не я, значит это произошло с ней во сне?»

— Расскажи свой сон.

Эту фразу Амелис говорил так часто. Всю его жизнь. Он слушал её сны, любил, сочувствовал, жалел, сердился вместе с ней.

Ай покосилась на Дана, ещё никогда она не рассказывала свои сны в присутствии других людей, но парень с невозмутимым видом молча творил добро лекаря, обрабатывал ей раны, присыпая их душистыми порошками, совершенно игнорируя наготу девушки.

Почувствовав себя в безопасности, получив из рук Амелиса кружку с горячим отваром, Айен начала говорить.

— Он был такой родной, близкий, мудрый. Он пришёл к нам в дом, где я была с детьми. Мы так радовались, что он вернулся, что он любит нас. Меня. У меня был ребёнок от него. Моя дочь...

Айен не сдерживала слезы. Дан обрабатывал её раны очень аккуратно, не дыша. Амелис закусил губу и нежно сжал руки своей девочки, мол «я слушаю, говори».

— Он... приносил нам еду и конфеты. Мы не могли выйти туда, в город. Это был закрытый город. За всеми велась слежка. Я и дети не могли пройти незамеченными. Я не могла идти сквозь стены, как обычно, это было очень страшно, я словно заключенная была там, в этой бархатной квартирке, с окнами, выходящими на кирпичную стену. И вот однажды он сказал, что выведет нас оттуда. По-очереди. Сначала пошли малыши. Он увёл их. Потом средние девочки. Потом старшие мальчик и девочка. На нас были уже старые одежды и он обещал, что там, снаружи, нам выдадут чистые вещи и мы сможем жить свободно. Потом настала очередь меня и моей малышки. Я спросила: «как там дети, я же увижу их?». А он молчал, молчал, его довольное лицо было спокойно. Его руки лежали на коленях, а полы его чёрной мантии спокойно лежали на тёмно-красном бархатном ковре. «Ты не увидишь их. Они все мертвы. Они должны были умереть, я просто сделал ожидание их смерти приятным». Он улыбнулся. Я не могла поверить. Не могла поверить. Что мой любимый человек, мой дорогой человек, отец моего ребенка, по-очереди убил всё самое лучшее, что было со мной, и теперь говорит мне об этом вот так спокойно. Я не могла поверить. Что он заодно с теми, кто не верит в любовь, честность, добро. Он предал меня. Он предал доверие, любовь, нежность. Меня. Мне было так страшно. Значит он врал мне, что я не могу выйти из дома. Он

Дан отщипнул кусочек мяса:

— Попробуй, это вкусно, смотри, я ем. А теперь ты, — и положил ароматный кусочек прямо в рот Амелису.

Превращение оставляло лицо свободным от крупных перьев, клюва у него не было. Только кожа постепенно темнела от лица к шее и покрывалась мелкими пёрышками, как у птичек. От белокурых волос, конечно, не оставалось и следа — теперь это были чёрные патлы, разных размеров, которые, как оказывается, могли становиться хохолком на макушке, от неожиданности.

Такой, как поступок Дана.

Он кормил Демона с рук, улыбаясь и уговаривая дружить.

Айен, по договоренности, не вмешивалась в процесс, занимаясь зельями по бумагам Дана. Лекарь доверил ей это важное дело, зная, что она будет внимательна к рецептурам. Идиллическая семейная картинка, если приглядеться.

Это было очень важно. Чтобы Демон ощутил себя в покое, дома.

Отмеряя ингредиенты по граммам на крохотных весах, леди приводила в порядок свои мысли. Учителя хотели наказать её, поместив в вечный кошмар, но ей удалось проснуться. Нельзя так просто взять и разорвать все связи с теми, на кого работала. Комок страха разрастался в груди, стоило представить, что всех из команды могли подвергнуть пыткам в купольной локации. Особенно страшно за детей. Серж и Мальвина ведь подростки. Нужно попросить Стражника отыскать их.

Они не спали всю ночь. Приготовили важные лекарства, сытый демон снова позволил Дану гладить свои перья и начал издавать странный горловой звук, наподобие мурчания кота. Ближе к рассвету Айен придвинулась послушать поближе, как он мурчит, и внезапно оказалась обнята крылом. Под другим крылом был прижат уставший лекарь, уже и не помышлявший о сопротивлении. У Демона были и руки и крылья, поэтому рукой он гладил Дана по голове, беспощадно ероша волосы, а крылом прижимал его тело к себе, усадив на мощное бедро.

Рассвет влился в палатку через открытую дверь.

Тёплая летняя ночь. Последние дни августа. Мурчание утихло. Вместо него стало слышно посапывание Амелиса, который спал сидя, улыбаясь и обнимая своих дорогих людей.

Глава 10. В которой Иранши встречает Айен Светлячками и стрелами, а из воды за нами подглядывает Волк Сновидений

Железные кони тащились в пыли по дорогам, скрывая внутри себя обеспеченных людей. А по небу лихо пролетали облачные лошади, из повозок которых выглядывали ещё более богатые люди. Ближе к городу тропы часто бывали заняты обычными ездоками, а над головами проносились прогулочные машины баронов. Трясаясь в телеге с толпой полевых наёмных аграрников, Дан успешно впитывал новые знания по растениям, разболтав на разговор самую увлечённую деву, и даже получил в подарок сушёный корень неведомого лекарства.

На Амелиса, путешествующего в разорванных шмотках, оголявших его крепкое тело, пялились все, кому не лень. Айен это забавляло, она пихала друга под рёбра и заговорческим шёпотом рассказывала о его прекрасной будущей жизни в полях, всю осень собирающего морковку кверху попой.

Леди было смешно, а Амелис закатывал глаза и смущался, случайно ухмыльнувшись в ответ на улыбку рыженькой девушки напротив.

Чтобы скрыться от людей Лорда, Айен замаскировали под парня — осиморуса, намотав ей чалму, полностью сокрыв волосы, дорожную мужскую одежду пришлось взять последнюю Амелисову, в Данову она катастрофически не вмещалась.

Осиморусы — восточное обособленное племя, у них и мужчины и женщины носили чалмы и маски, закрывающие рот. В их религии считалось, что это слишком личные части тела, и их не стоит показывать никому, кроме семьи.

«Несколько моих платьев пропали вместе с Зефиркой. Интересно... Когда в будущем я встречу её снова? И влезу ли я в свои платья? Ведь сейчас в городе мы наедемся в трактире! Ух наедемся!» — урчание желудка леди было слышно только рядом сидящему Амэ, так как Дан изображал из себя разговорчивого студента по обмену. Блондин положил руку на живот подруги, словно это могло помочь, но на самом деле он просто всё, что с ней происходило, воспринимал слишком близко к сердцу.

Городок, ещё не относящийся к владениям Лорда, был лишь промежуточной точкой их пути. Остановиться на несколько дней они планировали в другом — большом портовом Иранши.

Поэтому, попрощавшись на торговой площади с аграрной командой, получив воздушный поцелуй от увлечённой леди, Дан резко сменил лицо на равнодушное, аккуратно сложил подаренный корень во внутренний карман жилета, и мотнул головой в сторону шумного трактира.

«Как хорошо, что у Дана есть деньги...»

Спустя полчаса уже сытыми лицами они доедали зефир, запивая его молоком. До тех пор, пока у Амелиса не началась икота.

Дан привстал позвать официанта, заодно быстро нажал на несколько точек на груди и спине икающего.

«Как хорошо, что у Дана есть ещё и руки...», — подумалось Ай.

Перестав икать, Амелис неловко улыбнулся Дану, но встретил каменное выражение в ответ.

И вам тоже подумалось, что Дан будет улыбаться ему только ночью? Ведь скоро за горизонт сядет солнце, и воспрянет Демон. И единственный, кто может его укротить, это вот этот вот ласковый... то есть суровый, конечно я написала «суровый» лекарь.

После трактира они закупили новую одежду для Амелиса. Причем Дан выбрал два комплекта: дневную и ночную, гораздо больше размерами. Чтобы не оказываться в объятиях голого мужчины каждое утро.

Так уж вышло, что Демон из Амелиса получился ужасным в ярости и очень любвеобильным в дружбе. Поняв, что Дан больше его не планирует убивать, а хочет дружить, кормит его с рук, готов отдавать самые вкусные кусочки, и, несомненно, не приблизится к его Айен, он готов был мурчать всю ночь, баюкая округу.

Вчера утром Дан обнаружил вокруг палатки спящих белок, мышей и маленького дикого кабанчика. Каким-то магическим оказался звук, издаваемый довольным Зверем.

Сегодня Дан планировал не спать снова, не мог ещё полностью доверять Демону. Нужно было убедиться. Он дал себе обещание, что если эта ночь пройдет успешно, то тогда сможет поспать, как все люди.

Правда, смотря на него, Айен думала, что он не человек, а точно что сын маминой подруги, лучший во всём! Демона приручить? Нефиг делать. Не спать несколько суток подряд? Да легко! Всегда быть эффективным, точным и хладнокровным.

— Для этого я и поехал с вами, Госпожа, — отвечал бы на такие рассуждения Дан. Но его всё равно не спрашивали.

Раны от стрел всё ещё не зажили окончательно, но он делал себе перевязки так, чтобы друзья не видели этого, чтобы не подумали, что он делает это перед ними специально, ради их жалости. Тут, конечно уже нам нужно

закатить глаза, и уверяю вас, Амелис тоже бы закатила, узнав о таких мотивах, но Дан такой Дан.

Заночевать пришлось за городом, чтобы в случае чего — не напугать жителей.

Отошли подальше от дороги, поставили палатку, подготовились. Айен требовала себе бодрящее зелье, что пил Дан, чтобы не спать. Но увы, её состояние было оценено как «не лучшее», внезапно проявился вывих ноги, видимо, прилетел из будущего. Так что лечебно-расслабляющий массаж вкупе с втёртым зельем для сна, усыпило Госпожу ещё до заката.

— Я вот что перед сном подумала... Было бы здорово бежать вслед за весной на север, и снова и снова смотреть как распускаются цветы абрикоса. А ночью, в запахах весны видеть во сне дорогого человека и улыбаться. И до тех пор, пока весна не закончится на всей планете, находить её вновь и вновь во всех уголках Земли, а потом не спать двое суток, смотря, как океан обнимает песок, подслушать в шуме волн историю о том, как горизонт, навеки рассёкший небо и воду, мечтает стать горизонтом событий и видеть ночью сияющее мириадами звёзд. Небо, томясь без сна, мстительно и страстно мучается, словно бы сон страдает более меня, оттого, что я не смотрю его, а может даже ожидая, просто не существует, но непременно ждёт, потому что в этом ожидании есть самая большая нежность на свете. Я и сон даём возможность жить нам в материальном мире наяву, помимо того, что у нас уже есть своё пространство. Вот о чем я подумала. Сон, здравствуй.

Так мечтала Айен. Она любила мир снов и каждый раз, ложась спать, мечтала, что увидит или кого-то из своих, Жанин, Мальвину, Сержа... или Стражника... или Томейру...

«2473»- подумал Дан. Такое количество звёзд могут увидеть его острые глаза в этом полушарии с учётом погрешностей ландшафта.

Амелис со вздохом надел на себя мешковитые одежды и сел в углу, ждать.

Лекарь использовал особое медитативное дыхание, его ритмичные вдохи и выдохи успокаивали Амелиса, так что он оброс перьями незаметно для самого себя, переключаясь в мыслительный поток Демона с эмоцией «как хорошо».

А стало ему ещё более хорошо, когда в его лапу лёг пирожок с лимоном. Оказывается, пока обжоры сметали всё с тарелок, а Дан, по-уму откушавший питательное «блюдо для воинов» отлучился по нужде, то нужда его была вовсе не в стороне сортира, а в стороне кухни. Где он лично попросил повара за хорошие деньги испечь пирожков с лучшими лимонами, по западным традициям.

Демон громко замурчал. И продолжал мурчать даже во время еды. Где-то на задворках мыслительного процесса Амелис ощутил благодать. Дан боролся с мурчащей магией как мог, в ход шло всё: бодрящие зелья, иглы на акупунктурные точки, попытка решать сложные задачи.

На рассвете он уже совершенно измученный рухнул на пол со словами:

— Разбудите меня через три часа.

Амелис некоторое время никак не мог понять, как он сам-то не спит теперь? Днём он бодрый и здоровый как бык, а ночью он Демон, и тоже не дурён побуянить. Неужели ему спать больше не надо? Иногда он отрубался прямо на рассвете, уже в момент обратного превращения, на пару часов.

Айен проснулась, покосилась на Дана, криво лежащего посреди палатки на животе в позе трупа, обрисованного мелом, и вышла послушать птиц.

Кошмар не миновал её и этой ночью.

Она летала в небе, среди облаков. Пушистых, как сахарная вата, прохладных как плечи по утрам, если спать без одеяла. Солнце светило сквозь небесные клубни и было тааак хо-ро-шо!

Но тут она поняла, что летит к острову. Её притягивает к острову словно магнитом. Там оказалась тюрьма. В которую её поместили потому, что её предали друзья. Жанин и молчаливый Андрик. Они не могли, нет, не могли. И даже после допроса с физическими пытками Айен не могла ничего сказать, кроме как: «Выпустите меня отсюда. Из этого сна!».

Она выползла из лифта к ближайшей стене и услышала разговор своих друзей. Они рассуждали, не дёшево ли продали информацию про Айен.

Это было невыносимо. Но Айен старалась держаться за мысль, что это сон, и не позволять себе погрузиться сознанием в локацию, чего от неё явно хотел тот, кто создал этот сон.

А внизу ходили заключённые, и в каждом она видела знакомые черты своих друзей, родных, мамы. Остров Учителей, Остров с тюрьмой.

— Я так устала, Амелис.

За её спиной засветился портал, из которого степенно вышла любимая пропадающая лошадка. Конечно, со всем грузом.

Вот счастья-то было! Айен едва не надела на себя все платья сразу, чтобы походить в них хотя бы сейчас. А то проснется этот изверг и заставит снова одеваться в восточного мальчика.

Айен танцевала, кружилась, тонкие платья разлетались, как крылья огромной бабочки.

Через три часа Дана, конечно, никто не разбудил. Ему дали поспать все семь. Когда он вышел из палатки, сверкая огненными глазами, не зная, кому выразить тут свое недовольство (видимо никому), эти двое преступников хихикали, вспоминая что-то коварное из детства, и пихали друг друга кулаками, мол «ага, прикинь, вот смеху было».

В момент, когда Дан надел невыразительную маску холода со слегка кривой бровью на свое лицо, Амелис виновато встрепенулся:

— Прости, ты так давно не спал, Ай запретила мне будить тебя.

— Нам надо в Иранши до заката. Собирайтесь.

Возвращение Зефирки лекарь воспринял совершенно безэмоционально. Вещи навьючить на Амелиса, лошадей продать, всё предельно просто. Ведь кони его и Амэ возможно уже вернулись в селение. Под отчаянным взглядом леди Дан заплатил дорогими самоцветами за то, чтобы один юный конюх привёз Зефирку обратно в семью Айен, и ни слова не произнёс про расточительство на чувства. Спасибо ему за это.

У дороги они попросились попутчиками в телегу с курами. Айен любила птичек, и с каждой пыталась говорить на её языке. Пока леди была занята лингвистикой, лекарь проверил её ногу, удовлетворенно вздохнул. Дорога становилась ровнее, всё чаще появлялись встречные телеги, облачные кони и даже Железные Птицы.

В один момент Дан холодно сообщил:

— Я предупреждаю, скоро вы увидите неприемлемое. Амелис, и ты держи себя в руках. Нас не должны раскрыть ни в коем случае.

Ай повернулась в сторону дороги, вдоль были выстроены рядами высокие столбы освещения. На которых стояли, привязанные, женщины и девочки из народа Светлячков.

Их измученные лица освещали дороги Лордских владений.

Руками они держали линии электрических проводов, заодно отдавая энергию в город. Маленькие девочки в коротких платьишках стояли с заломленными руками назад, держась за ноги матерей. Каждая была коротко обстрижена, чтобы волосы не закрывали светящееся лицо.

Айен вспомнила, как в лесу Светлячков она часто видела этот народ, и знала, что для них было очень важно отрастить длинные волосы, как мужчинам, так и женщинам. Они заплетали красивые мудрёные косы с веточками и цветками лесных хрустальных камелий.

— Не может быть... их украли в рабство?

Дан словно знал всё на свете. Поэтому ответил сразу же.

— Это раса крестьян, которые на тысячу лет проданы в услужению Лорду Драконьей Горы. Ваш отец выкупил часть их, как впрочем делали многие, получившие самоцветы за работу на Лорда. Отец Ваш потратил почти все самоцветы на светлячков, поселил их в лесу. Они его рабы.

— Это неправда!!! Мы торговали с ними и очень уважали, что ты говоришь?!

— Потому что отец Ваш... Разрешил им так жить. Но они оставались его собственностью. И поэтому их не трогали. Не крали и не завоёвывали. Потому что они оставались рабами вашей семьи. Если бы он освободил, их пленили бы другие лорды. Они не уходят и не бунтуют, потому что отрабатывают долг тысячелетней давности.

— ...

— Но почему тут только женщины и девочки?

— Мужчины работают в литейных цехах и шахтах Лорда. Делают железных летающих птиц.

Лорд и его близкое окружение передвигались по небу исключительно на огромных летающих птицах. Которых ещё нужно было пробудить, отдав им часть души.

Маска осиморуса Ай намочила от слёз. Не было никаких сил сдерживать эмоции. Она заглядывала в каждое светящее вниз лицо, и только одна девочка посмотрела на неё в ответ и вдруг улыбнулась.

Сердце Айен сжалось от этой улыбки. Она вспомнила, что Светлячки очень чувствительны к чужим эмоциям, могли впитывать её переживание. Именно они учили Ай справляться с эмпатией, благодаря им девочка перестала бояться выходить в толпу, ощущая «все чувства сразу».

Следом за малышкой другие светлячки стали поворачивать головы на Ай, и излучать своими сердцами «спасибо», «спасибо, что знаешь о нас», «спасибо, что видишь нас». Доколе же женщин и девочек будут использовать для того, чтобы освещать пути и дороги для власть имущих мужчин? «Когда-то давно», «долг тысячелетней давности»... Да мы что, дикари что ли??? Они же точно такие же, как и все остальные — люди, достойные благ в этой жизни!

Дан одёрнул Ай и усадил глубже в телегу.

— Я прошу, успокойтесь. За ними же следят надсмотрщики. Вас не должны заметить.

Леди принялась грязно ругаться, припоминая такие матерные выражения, что даже лекарь покраснел. Блондин, видимо привыкший к подобным выплескам эмоций, слегка покачал головой, мол, бесполезно, пусть ругается, главное, что делает это тихо, и не бросается прямо сейчас освободить светлый народ с топором

наперевес.

Город встречал шумом и пылью.

Все изрядно проголодались и стали искать трактир. Заказали огромную кастрюлю фирменного ираншйского борща, со свеклой и свежесваренной капусткой, и, перекатывая во ртах нежные кусочки говядины, запивали красным вином, смешивая два вкуса в один, полный мечтаний и безрассудства.

Дан ел медленно, тщательно пережёвывая, задумчиво смотря в никуда.

Оплачивая счёт Амелис спросил у официанта:

— Милейший, поделитесь вашим счастьем знать, где в этом городе можно снять жильё для троих господ?

Милейший поделился.

— Удручающе, — сообщил лекарь, оглядывая комнатку-чердак под крышей женской гимназии.

Мадам, сдавшая помещение, обещалась принести полотенца и таз для того, чтобы господа помылись с дороги. Кроватей было две.

К краям комнаты потолок снижался, как во всех мансардах, но пространства было много, потому как не было мебели, кроме двух кроватей. Единственное арочное окно было распахнуто, и на широком подоконнике торчали, курлыкая, голуби.

Дан медленно подошёл к окну и выглянул вниз как бы сбоку, словно шпион.

Пока он оценивал обстановку, в комнате засветился портал и резко снизилась температура воздуха.

Но лекарь не успел. У него реакция быстрая, даже очень. Но Айен оттолкнула Амелиса, получив две тонкие стрелы в грудь вместо него.

Сколько можно постоянно получать неприятные сюрпризы, не в силах предугадывать дольше секунды?

Раздались шаги на лестнице. Дан распахнул дверь первый, принял таз и полотенца, грозно наступая на любопытную мадам, так и не дав ей войти в комнату. Прячась за дверью, Амелис держал Ай.

Дальше всё было словно в немом ускоренном кино. Вынуть стрелы, обработать раны, перебинтовать. Дверь забаррикадировали одной кроватью. Стрелы были неглубоко, поэтому Дан прибегнул к другому методу извлечения.

Он использовал трубочки, сделанные из гусиных перьев, по-очереди ввёл трубочки в рану, насадив края трубочек на острые концы наконечника, потом аккуратно вынул стрелу и трубочки, сохранившие тело от лишних повреждений.

Айен молчала. Она, конечно же, не потеряла сознание, и не упала в обморок. Она же дочь Мастера слушающего Железных Птиц, и характер у неё как у Железной Птицы. Что она, крови не видела, что-ли?

На самом деле она была в ярости от собственного бессилия перед своими же способностями. Как этим управлять, чёрт подери?

Поэтому все трое участников вечерней больнички молчали.

Айен от злости, что не может совладать с силой, Амелис от стыда, что мурчит ночью как домашний кот и ест с рук, и ночь близка, судя по сумеркам, Дан просто молчал, как и всегда. Его мысли для нас потёмки, хотя я верю, что вам очень хочется узнать, что он думает.

Лекарь быстро сбегал к мадам хозяйке, принёс ещё огромный эмалированный чайник с кипятком. Заварил нужные травы, метнул взгляд на скрывающийся бочок солнца и повернулся к Амелису.

Из-за ситуации с порталом он забыл переодеться, так что одежда снова была разорвана, и огромный чёрный пернатый Демон склонился над Госпожой, прикрывая себя и её широкими крыльями.

Этой ночью Зверь волновался за девушку, смотрел на неё блестящими глазами и выражал признаки тревоги. Она гладила его перья, а Дан спокойно сидел в углу и не участвовал. В какой-то момент, допивая свой отвар, он услышал демоническое мурчание, и, без сил к сопротивлению, погрузился в сон.

Город, по асфальту которого хочется идти босиком. Чистый, с деревянными лавочками, когда-то давно окрашенными в нежные цвета, с зелёными деревьями и прозрачным воздухом. Город с маленькими домиками, в которых, казалось, ты любишь каждую стену. И даже вид далеких многоэтажек в голубой дымке вызывает приятные воспоминания.

Город, в котором ты шла с любимым человеком, босиком по тёплому мокрому асфальту, город, в каждом вздохе которого есть память о нежности.

Вот старик ведёт внука на море, а малыш-непоседа тащит пластикового ослика на верёвочке. У ослика маленькие колёсики, малыш торопится, ослик всё время заваливается набок. И в конце концов игрушку всё же уносят подмышкой, улыбающегося, пластикового, с рваным ухом, осла.

А вот девочка с мамой. Желает идти по желобу с водой, который ведёт горную воду в море. Город создан любящими людьми, вода течёт тихонечко, она согревается асфальтом.

Наконец-то Стражник!

Ай была так рада видеть его, что бросилась обнимать, прижимаясь всем телом и подпрыгивая.

— Блин, ты где был? Меня без тебя кошмары замучили... я оказалась слаба в тюрьме-куполе... ты же знаешь, как сделать там брешь?

Стражник слушал её радостное щебетание и медленно поднимал руки для объятий. Он прижал её к себе неожиданно сильно, прикрыв глаза.

— Птичка... — еле слышно прошептал он.

Айен рассказывала и задавала вопросы, он отвечал. Солнце, пробиваясь сквозь листву, делало их лица рябыми.

— Здесь тебе не нужны будут босоножки, — сказал Стражник, — Я понесу их.

Тёплое море, яркое солнце, такое знакомое побережье, с обрывом, из которого находчивые жители сделали водяную горку.

Совсем у обрыва начиналась роща. Ай лихо взобралась на дерево и ахнула от восторга: прекрасное голубое сияющее море, с несколькими зелёными островками, возле которых стояли пришвартованные кораблики.

— Невероятно! А в этой роще я была птицей и помогала вить гнезда клану огненнодышащих птиц! Я не могла найти дорогу сюда так долго! ... У нас было задание здесь...

Тогда Локс значился лучшим по постройке локаций и стратегии. А среди птиц была война. Спасая птенцов Айен потеряла половину перьев, обгорела и мучилась от боли. Локс выполнял стратегию, обозначенную учителями, как выигрышную, и завершив, нёсся быстрее ветра к Ай, тушил своим телом огонь, проводил птенцов к гнёздам, а потом держал раненую подругу на коленях, слёзы его были горячие и солёные. Но боль Айен уже почти не чувствовала, она умирала. Сердечко стучало под руками Локса, он задышался и шептал: живи, живи, живи, только живи, птичка!

Сейчас лес почти восстановился. С высоты был виден холм тех самых событий, но Ай отвернулась.

Стражник ждал внизу.

— Пойдем купаться? — предложил он, криво улыбнувшись одной половинкой рта.

МАСКИРОВКА ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ПОЛЯ ВОЗМОЖНА.

«Зачем я вспоминаю это? — Айен хотелось ударить себя по голове, чтобы выкинуть оттуда прорывающиеся учебные программы, — Я больше не служу Учителям. Я ушла, как Локс! Я ушла!»

Спуститься с обрыва к морю можно было двумя способами. Или съехать по горке с водой, или — по ступенькам.

Жители всех возрастов выбирали горку. Поэтому Ай выбрала лестницу. Она представляла, как с каждой ступенькой уходит прошлое. И ей очень нравилось трогать рукой стену из древних камней, местами покрытых мхом.

Вода так манила, что леди заплывла прямо в платье, Стражник остался на берегу, держа её сандалики, он уселся на песок, скрестив ноги.

Бирюзовые волны, казалось, шумят громче, чем люди.

Айен вышла из воды в сопровождении огромного волка.

— Представляешь, он привязался ко мне. Выплыл откуда-то и преследует. Он не злой, правда же? Милашка! И вкусно пахнет! Настоящий волшебный волк!

Зверюга села рядом с девушкой и внимательно посмотрела в глаза Стражнику. Тот смутился.

— Это же зверь — охранник сновидений. По всему видно, что это тотемный защитник. Очень редкая штука. Большое счастье такого встретить! Похоже, теперь тебе не страшны кошмары, он вытащит тебя в случае чего.

Айен радостно тискала Волка, тот довольно прикрывал глаза.

— Мммм, ты пахнешь лавандой и лимоном, так вкусно!

— Хочешь, придём сюда в следующий раз? Сегодня тебе пора отдохнуть, но нам нужно учиться. Поднимать вещи в снах. Как я поднял твои сандали, например. Они же часть сна, которую спишь ты? Деталь твоего гардероба — это часть твоего сна. А я могу их держать. Для начала попробуй просто поднимать и держать.

— А можно вытащить что-то из сна? Было бы здорово забрать зарплату няни из одного моего сна, где я проработала два месяца.

— Именно для этого я и научу тебя... Нет, не ради той зарплаты, конечно! Ради того, чтобы ты научилась выносить предметы из сна в явь. Поверь мне, тебе очень важно это сделать.

Проснулись дружно от громкого стука в дверь. Все трое лежали в одной постели, в объятиях обнаженного Амелиса, на одном плече Айен, на другом Дан. Обоих ночной демонице к себе прижимал со счастливой улыбкой.

Глава 11. В которой Амелис снова обнажается, а леди Айен собирает мелки за детьми и ночует в витражной бане

Дан со вздохом выбрался из мускулистой лапищи и быстро бросил растрёпанной Айен чалму и маску. Девушка спихнула Амелиса с кровати, улеглась, накрывшись одеялом по самые глаза.

Утренний Демон сладко потянулся, раскинув руки в стороны, словно обнимая весь мир. Дан разбаррикадировал дверь и впустил мадам хозяйку, которая с заметным удовлетворением устала на кровать, а потом с открытым ртом на голого Амелиса, который не то, чтобы не ринулся одеваться, а демонстративно повернувшись к хозяйке задом, смотрел в стену. Свет из окна выгодно очерчивал его атлетическую мускулатуру, что хоть садись портрет пиши.

Свежая вода с тазом, полотенца и чайник были поставлены прямо на пол.

Дан вытолкал так и не сказавшую ни слова мадам за дверь со складными уверениями:

— Нам точно больше ничего не нужно.

Закрыв дверь лекарь прижал руку ко лбу:

«Как же всё теперь осложняется».

Айен шипела на друга совсем не долго, ну как злиться на него, когда он так обаятелен? Замотался в простынь и, изображая «дельтоплан», пронёсся по комнате. По утрам, после демонических воплощений, он всегда чувствовал невероятный подъём сил.

Дан умылся, перевязал себя, почистил одежду и отправился в город, закупить кое-что в аптечных лотках, найти вещи для Амелиса, и, скорее всего, заглянуть в библиотечный раздел «демонизм».

По возвращении он застал обоих, сидящих на кровати, поджавших к себе колени и мерзко хихикающих.

— ... А я стою в свете фонаря и говорю: «А я тут совсем одна!» А стража-то с другой стороны газона тоже проверять пошла, а там ты светишь своим шрамом.

— Да не виноват я, это всё зелёные жерделы, я их сколько тогда сожрал?

— Не помню, я в основном налегала на смолу!

С каменным лицом лекарь вывалил из сумки купленные вещи.

Новая одежда подчекнула красоту Амелиса ещё сильнее. Рядом с ним Дан казался таким щуплым, спина сгорбилась, он даже стал словно бы меньше. Айен вскочила между ними в позу «родина-мать зовёт», сглаживая эту нелепую разницу.

Волосы леди сегодня светились всеми цветами палитры, вот что значит отдохнуть во сне, море, пляж, красивые виды!

— У меня появился волк-охранник, — сообщила она улыбаясь и раскрывая руки, словно для объятий — Ооот такой волчара!

— Я так рад! — неожиданно тихо промурчал Амелис и потёрся головой о её руку, совсем как собака.

Дан вздрогнул.

— Так! А вы мистер, убийца волков, держитесь подальше от моего сна, мне тот волк нравится, он пахнет Амелисом!

Дан отвернулся от них к окну, все списали это на обычную его манеру игнорировать юмор.

Блондин снова завёлся на тему «Ты находишь себе во снах замену меня», но то ли ругаться не хотелось, то ли прекрасное настроение фонтанировало наружу, так что ругня звучала вяло, и в конце концов Амелис схватил леди под попу и кружил по комнате, беспечно смеясь и позволив себе поцелуи. Госпожа была не против ровно до тех пор, пока Дан не остановил их, объявив, что даме требуется осмотр вчерашних ранений.

Перевязка Айен происходила при хорошем свете из окна, и взгляд лекаря зацепился за цепочки родинок на теле Госпожи. Он осмотрел всю доступную к обзору верхнюю половину тела и пришёл к выводу, который и озвучил:

— Цепочки созвездий. Ваши родинки составляют реально существующие созвездия. Я должен это изучить и составить карту. Это может помочь в поисках амулета для вас.

— То есть как? — встрепенулся Амелис, — ты будешь сейчас раздевать и пристально разглядывать Госпожу Ай?

Его лицо покраснело, он еле держал себя в руках.

— Это поможет нам приблизиться к тайне, к связи с Железными Птицами. Каждая родинка — это отданная часть души кому-то. Птицам, котам электроэнергии. Однажды я видел, как Госпожа зачем-то пожалела чайник в трактире и отдал ему часть себя, перешёптывалась с посудой. Это конечно ваше дело, Госпожа, куда девать свою душу, но есть теория, что отдал себя всего Железной Птице, человек прорастает внутри неё деревом, получая

вечную жизнь. Я слышал о «тропинке звёзд» и о тех, кто читая родинки на теле находил ценные амулеты. Сейчас нам нужно найти амулет для силы Госпожи, чтобы она не ранилась, используя свою силу. Это важно для дела.

Айен согласилась. В конце концов Дан лекарь, и чего он на теле человека не видел?

Начался осмотр с записями и зарисовками созвездий из родинок.

Амелис стоял у окна, сжимал кулаки и боролся с желанием вырвать Дану руки. «Вот он глазами своими совиными глядит на её грудь, а вот на её рёбра, а вот... Чёрт! Зачем я это всё думаю, это плохо. Мне не стоит об этом думать», — парень то поднимал руку, то опускал её, борясь с желанием вмешаться, укрыть леди и изломать лекаря.

К слову, ни руки ни глаза Дана не дрогнули, даже при осмотре ягодиц и бёдер девушки.

Окончив, он резко встал, захлопывая блокнот:

— Надо проанализировать.

Остаток дня он занимался тем, что сличал созвездия, развернув карту звёздного неба на деревянном полу в углу мансарды. Даже отпустил Айен с Амелисом в трактир одних, что удивило обоих. Вернулись эти двое вечером пьяненькие и довольные.

В ожидании Демона Амелис всё-таки переоделся в свободное одеяние. За четверть часа до заката лекарь аккуратно сложил все бумаги в дорожную сумку и сел в уголке с кружкой настоя.

Айен лежала на коленях у любимого своего Амелиса, полностью доверившись ему. Ну и что, что Демон. Зато как мурчит, это лучшее снотворное!

Оперившись, чёрный зверь медленно и очень аккуратно поднёс лапу к лицу Ай.

Дан напрягся в своём углу. Кончиком когтя Демон коснулся губы девушки, повернул лапу, чтобы касаться её вскользь тыльной стороной, и продолжил нежно поглаживать лицо и плечи Айен.

Госпоже это нравилось, она касалась чёрных перьев и улыбалась.

Демон не останавливался и приступил к развязыванию сорочки девы Ай.

Лекарь в углу напрягся ещё сильнее. Не то, чтобы он не думал, что рано или поздно станет свидетелем интимных отношений этих двоих, но как-то не готов оказался к тому, что Амелис станет способен на это в образе Демона.

Мало того, это исчадьё ада начало тихонько мурчать, уничтожая любое сопротивление на корню.

В последнюю секунду осознания Дан успел метнуть иглу, пропитанную сильнейшим снотворным Демону в лоб.

Последнее, что он видел, это удивлённое и сердитое лицо Амелиса, падающего с кровати.

* * *

— Во сне, если ты хозяин Локации, ты можешь расширить её или сузить, можешь разрушить её или сделать непроницаемой. Или, если ты владеешь временем хоть немного, то можешь растянуть сон на долгие дни, месяцы и годы. Мы тут проведём некоторое время.

Айен лежала на холме рядом со Стражником и огромным Волком.

— А почему мы не можем вернуться к Учителям, скажи, а?

— Ты же помнишь... Что вам приходилось испытывать на заданиях? Я знаю тех, кто пострадал там настолько, что проснувшись, не мог вернуться к нормальной жизни. И знаю тех, кто не смог проснуться. Ты же умеешь спать во сне?

Ай кивнула.

— Сон во сне гораздо серьёзнее. Оттуда сложнее вернуться в свою Явь. Я пытался в таком сне умирать, но это не позволяло мне проснуться. Это на самом деле страшно.

Стражник жевал сочную часть сорванного колоска.

Облака в этой локации выглядели невероятными. Огромными и пушистыми.

«Как во сне с тюрьмой и предателями», — вздрогнула Ай.

— А далеко до города? Я бы побродила там.

Парень поднялся, вздохнув.

— Конечно. Будем учиться поднимать предметы в чужом пространстве. Знаешь, что ты чертовски талантлива? — и улыбнулся, так знакомо прищурился.

«Кто же он, я его знаю?»

Путь с холма шёл через длинный дубовый лес вечной осени. Высокие деревья, аккуратные тропинки.

— Это твоё место для одиночества? — догадалась девушка, — Слишком печальное место. В таком лесопарке можно идеально скорбеть практически вечно.

— Тебе не нравится? — слегка покраснел Стражник.

— Ну что ты, нравится. Просто я люблю ещё более дремучие места, еловые, — Ай мечтательно заулыбалась, — в которых ночь, мороз и волки.

Парень вытянул руку и сжал ладонь, словно стягивая пространство.

— Тогда я сокращу этот путь.

Переход в Город оказался мостиком над тощей речушкой. Переходя по нему Ай показалось, что меняется сама ткань реальности.

— Дальше не твоя Локация? Она как-то отличается.

— Ого! Ты чувствуешь это? Особо чувствительные снотворцы могут ощущать автора мира и понимать разницу между созданными разными людьми Локациями.

Город закручивался улицами по кругу, дома на полукруге дорог тоже были плавных неровных форм. Четырёх-пятиэтажные, кремовых и серых оттенков, много пожилых жителей. А вон тот дом за поворотом...

Ай ускорила шаг. Сердце забилось сильнее.

— Это же мой дом. Мой дом... Я тут жила, потом, когда я переехала, тут жила моя мама.

Грудь сдавила давняя боль. Что такое потерять дом? Как можно забыть свой дом? «Как я могла забыть?»

Не слыша ничего, кроме стука сердца, Айен бежала по ступеням вверх, дверь была приоткрыта. Прихожая. Эти обои, мама не сменила их. Штора, цвета синего грозового неба. Здесь никто не живёт, потому что мама умерла.

В доме не было даже пыли. Словно квартира ждала, когда хозяйка вернётся сюда.

Как такое возможно? Тот же вид из окна.

Внизу стоял Стражник, задрал голову.

Надо идти. Это был просто сон.

«Я жила тут во сне. И мама тоже была не настоящей. И дом...тоже... но как, почему я так привязываюсь к домам, в которых живу? Почему я забыла это родное место?»

Возможно, это было связано с Локсом. Когда он ушёл, он забрал часть памяти о себе. Да и Учителя знатно подчистили память Айен. Они решали, что ей помнить можно, а что нельзя.

Я НИКОГДА ТЕБЯ НЕ ЗАБУДУ

«Снова эти помехи в голове, вот чёрт. Я не хотела ничего забывать, но у меня насильно это забрали! Просто дыши. Рано или поздно, у тебя всё получится», — уговорила сама себя девушка и вышла из квартиры, тихонечко прикрыв дверь.

Ноги стали ватными и отказывались идти вниз.

Её Волк-охранник уместил морду ей на колени и заскулил.

«Иду, иду. Надо идти. Меня ждёт друг».

Стражник ничего не спрашивал. Он уверенно шёл, смотря вперёд. Степенные тётушки из окон, завидев его, приветливо махали шляпами. Несколько раз он изобразил очень почтенный поклон в ответ.

— Ты здесь всем как родной.

— Эту Локацию построил один мой друг. Давно его тут не было.

Остановились они перед зданием заброшенной бани с разбитыми стёклами. Здесь было расширение тротуара, который был зарисован цветными мелками.

— Дети полюбили рисовать на этих булыжниках, видишь, рядом остановка, когда родители ждут транспорт, дети рисуют. Но они слишком часто оставляют мелки и убегают, когда их зовут родители. Твое задание будет такое: научись поднимать и собирать эти мелки. Это очень важно.

(Обращаясь к волку):

— А ты не мешай ей тренироваться, сиди тихо и охраняй её.

На мгновение показалось, что волк закатил глаза, но он лишь вяло зевнул.

— Я пойду по делам, проверю кое-что, — задумчиво добавил Стражник и растворился.

В этот же миг Айен ощутила невесомость и поняла, что она стала словно призрак для этого мира.

«Вот как, оказывается. Он пригласил меня, его этот мир воспринимает как родного. А меня, как непрошеную гостью?»

Ночью, пока дети спали, она бродила недалеко, по дворам, заглядывала в ЖЭУ, наблюдала, как тётушки меняют имена в паспорте, чтобы выглядеть ещё более важными. Кому сейчас интересно просто «Таня» или «Оля»? Гораздо привлекательней звучит: «Лиалина», «Виолетта», «Каролина», «Дженнифер» в конце концов!

Поборов страх, Ай проникла через разбитое окно в разрушенную баню. Это было, похоже, единственное поврежденное здание в городе. Почему его не восстановят? Ах да, создатель давно не посещает это место. Стёкла в бане были очень красивыми, витражными. Через них красиво смотреть на рассвет.

«Знаешь, Ася, почему я люблю витражи? Потому что сквозь них можно увидеть в алом рассвете как оживают

волшебные цветы и сказки, королевы сияющими лицами смотрят прямо тебе в душу, и любят тебя просто потому, что ты сейчас рядом, разделяешь с ними этот момент начала света».

Так говорил Локс.

«Я тоже люблю витражи, Локс».

Об сердце бились волны воспоминаний.

Айен стала ночевать в этой бане, а днём поднимала мелки за детьми. Первыми днями было невыносимо сложно. Пальцы проскальзывали сквозь мел, доводя до отчаянья. Когда ты в своей созданной Локации, то нет проблем поднять любую вещь. Но когда ты желаешь взять вещь из чужой Локации — начинаются проблемы. Но автор согласен с мистером Стражником, всё же дело в тренировке и концентрации.

«Эти чёткие линии узоров, лепестки и травинки, в них нет ничего лишнего. Каждый кусочек стекла подарит тебе цвет, окрашивая душу в эмоцию о которых ты забыл: вот это — дружеский взгляд поощрения, это — поцелуй матери, это — гордость за себя, это — твоя улыбка, Ася, когда ты встречаешь Жанин».

«Локс точно был здесь, он наверняка видел эти витражи».

В один день Айен заметила красивую даму в бордовом плаще и широкополой шляпе и решила проследить за ней. Дама зашла в двор-колодец и резко повернулась к Ай.

— Кто ты? Зачем ты здесь?

Тут же из окон высыпали пожилые дамы и посмотрели вниз с укором и подозрением.

— Я хочу собирать мелки за детьми на асфальте. Просто собирать мелки.

Девушка раскрыла ладони и показала свой «улов» — один кусочек светло-зелёного мела.

Дама в шляпе сжала губы в тонкую красную полоску.

— Что ж. Собирай. Только не разрушай оставшиеся витражи. Это место святое для нас всех.

ЕСЛИ СО МНОЙ ЧТО-ТО СЛУЧИТСЯ, ТЫ ЖЕ НАЙДЕШЬ МЕНЯ, ДА?

Айен прислонилась к стене и тяжело задышала.

«Проснуться сейчас всё равно не выйдет, это обучающий сон с чётко заданным временем. Сейчас вспоминать о Локсе не стоит. Но почему? Я хочу вспоминать о нём, я хочу найти его. Я хочу вернуть его. Наверное Учителя вбили мне в голову то, что я должна забыть его, и всю команду, но этому не бывать. Слишком сильно мы связаны друг с другом. Я... Вспомню, как мы связаны. Я должна».

С тех пор собирать мелки оказалось гораздо проще. «Странно так. Я, выходит, получила разрешение жителей этой Локации, и сразу стала вроде как легальной?»

Волк-охранник почти всё время спал на крыше автобусной остановки. Внутрь бани заходить он не хотел, но Ай туда пускал, а значит, там безопасно.

Одним вечером, когда карманы были полны мелков, донёсся шум со стороны центра города. У Волка поднялась дыбом шерсть, он спрыгнул к ногам Ай и зарычал.

— Пойдём, пойдём посмотрим, что тамстряслось!

Автобусы ехали битком, люди бежали, подхватив детишек на руки.

— Лев! Лев сбежал!

Ай в волнении неслась по воздуху. На асфальте кровь, люди кричали.

В центре города было красивое озеро, по которому ходил морской трамвайчик. Рядом детский театр. Откуда мог сбежать лев?

Волк внезапно увеличился в размерах и оскалился. Защищая детей, он отеснил льва к воде, где восставшему зверю в холку вонзилась стрела и он обмяк.

Неизвестный мужчина с пуаровскими усами устало сообщил:

— Не знаю, кто нам помог, но спасибо ему, фууух. Этот Лев же из другой локации Хозяина сбежал. Что за новости, фуууух, теперь всё в порядке, мы его отгрузим в зад.

Очень быстро джентльмены в костюмах погрузили льва на лодочку, отвезли к середине озера и сгрузили прямо в воду.

— Ну и жуть! — голос Стражника за спиной Ай заставил вздрогнуть.

— Вот твои мелки. Я устала и хочу домой, — девушка приподняла юбки и пошла прочь. За ней, виновато опутив морду поплёлся Волк.

— Только где твой дом, Ася... — прошептал парень вслед и рассёк руками пространство.

Проснуться после стольких дней от ледяной воды, льющей из светящегося портала, оказалось неожиданно страшно. Один лишь Амелис сориентировался быстрее всех, загородив Айен своей широкой спиной. Дан, как ни странно, тоже был рядом, только что свалившийся с кровати, мокрый и растерянный.

Айен подняла руку, пробуя закрыть портал, сосредотачиваясь изо всех сил, вспоминая, как брала мелки, несмотря на свою призрачность. И у неё получилось! Портал закрылся, оставив всех мокрыми и дрожащими.

Глава 12. В которой раскрываются две личности из сновидений Айен

Амелис, как самый бодрый после сна, сбежал на торговую площадь за едой, а после занялся просушиванием белья. Энергично встряхивая простынь, он выяснял у вяло жующего лекаря, можно ли соорудить огонь в этой комнатухе, да так, чтобы не спалить гимназию.

«Как же неловко перед мадам хозяйкой за потоп. И ещё этот Амэ бесстыжий, никогда не торопится накинуть одежды. Мне кажется, на нас уже косятся на улице. Хотя, может просто кажется. Дан говорит, что я преувеличиваю, а ведь он тот ещё шпион», — завтракая на широком подоконнике размышляла леди.

Решили съезжать, пока слухи о странной троице не разнеслись по Иранши. Мадам приняла деньгами извинения и спросила, что за сонную магию применяли господа, ибо у её старика отца пропала бессонница, а гимназистки на первых парах дружно спали, едва расположившись за тетрадами. Да что девушки, многоуважаемые преподаватели засыпали тоже!

Дан прикусил губу и подарил мадам эксклюзивный порошок для сна.

На границе с Аз-Тарханью всегда была опасность нарваться на отряд Тёмных Саксинов, строго следящих за тем, чтобы никто не использовал древнюю осиморскую магию. Но нашу троицу скорее подозревали в чём-то интимном, с волшебством из легенд и романтикой, чем в совершении страшных кровавых обрядов, ведь они не скрывали ни заботу ни нежность во взглядах друг на друга.

Снова одетая под парня осиморуса, Ай подумала, что не её прятать надо, а Амелиса. Вот кто выделялся больше всех. После укуса волком этот парень стал ещё краше. Волосы отросли ниже лопаток, каждое утро он был бодрее всех, улыбался, шутил, и любил мир, словно живёт один день в жизни — этот.

Как Ай хотела быть хоть немного такой же счастливой. Но воспоминания о Локсе, Жанин и команде не отпускали её сердце.

Безумно скучала она по своей лучшей подруге — весёлой неунывающей Жанин, душе их компании. А Локс... К нему ревновал даже Амелис, после рассказов Ай о своих приключениях.

Как он мог бросить их... Её?

«И зачем Лорду такая бесполезная я? — вздыхала леди, — Я совсем не могу контролировать эту магию, когда хочет, тогда и появляется. Я уже давно перестала ожидать портала, он просто случается со мной, и всё. Дан твердит об амулете... Может это часы, которые мне передал Томейра? Надо будет рассказать».

Тёмно-серое дорожное одеяние с кобальтовыми вставками узора на воротничке подчёркивало белую кожу блондина. Ямочки на щеках бесстыдно притягивали взгляды всех прохожих. Волосы он перестал стягивать хвостом, поэтому блеск пшеничной шевелюры доставлял всем дополнительный экстаз.

«Апполон», — думали прохожие.

Лекарь одевался строго, но его рубашки поражали воображение кружевами на запястьях и у горловины. Но что кружева. Передвигался он плавно, словно зверь и гипнотизировал всех охровым взглядом и тихой речью. Айен даже нравилась его лёгкая картавость, потому что казалось, что река журчит, словно сама природа говорит через него.

«Принц в бегах какой-то», — шептались про него девушки в булочной.

«А взгляд холодный, будто монах, отрёкшийся от мирской жизни», — рассуждали в библиотеке.

«Извращенцы, — решила мадам хозяйка мансарды, — Все спали на одной кровати, я проверяла, на второй даже простынь не стелили. Странные ребята. Колдуны, без вариантов».

Про парня-осиморуса (Айен) не принято было думать, считалось, что внимание его оскорбляет. Поэтому на неё старались не смотреть. Но мысли конечно возникали... Что паренька используют для сотворения колдовства или для любви. Или для всего этого вместе. Уж больно его опекали эти красивые мужчины. Разглядеть осиморуса было невозможно, потому что скрывалось абсолютно всё, кроме кистей рук. А вот они были хоть и изысканной удлинённой формы, но с мозолями от постоянных тренировок с мечом.

Из города в город можно было приехать на железных машинах Лорда, или телегах общественного назначения. Но удалось поймать перевозку с сеном.

«Небо сегодня пронзительно синее, и заполонённое стаями Железных Птиц. Их так много. Может среди них есть та, с коротким хвостиком, в которой есть наша частичка?» — Все трое смотрели в небо с примерно одинаковыми мыслями, только у Дана добавлялось точное число птиц, которых могли увидеть его глаза, и прикидки скорости сближения их с землёй в случае, если придётся воспользоваться самонаводящейся гранатой.

Как элегантно, легко, словно живые птицы, кружили смертоносные механизмы.

Вдруг обычно такой спокойный Дан схватил Ай за руку, и принялся разглядывать запястье.

— Эй, эй! Сейчас не сеанс осмотра звёздочек, чего хватаешь Госпожу среди бела дня! — возмутился Амелис.

— Показалось... просто показалось, что вижу новую родинку, — тихо ответил Дан.

— Не волнуйся так, — шикнула на него Айен, — если успеем расположиться до вечера, то проверишь. Но я клянусь, что не жертвовала душу блестящим самоварам трактирщика Жозе. Хотя очень хотелось!

Дан молчал, Ай чувствовала, что в этом молчании таится воспоминание, и тихонько тронула его руку, почему-то быстро проведя пальцем вдоль линий на ладони, словно бы знала их наизусть. Парень вздрогнул и остро глянул на леди из-под отросшей чёлки.

— Ты видел таких птиц... которые... проглотили человека целиком?

Рука его дёрнулась в её руке, но Ай не отпустила, а придвинулась к нему ближе. И лёд растаял.

— Мой отец отдал свою жизнь Железной Птице, которую чаще всех чинил. Он так любил эти создания, готов был неделями слушать их. Я приносил ему еду, но он забывал кушать, слабел и болел. Я тоже дитя Плавучего Причала, госпожа Айен. Я рос рядом с вами. Однажды отец так и не вернулся из грота. А Лорд потерял птицу. Она получила полную свободу воли и улетела с прекрасным живым деревом внутри. Мама подняла бунт тогда, я плохо помню почему, но её посадили в темницу. Тогда я несколько недель жил у вас. Наши матери дружили.

Амелис, что было на него совсем непохоже, не ринулся отвоёвывать руку Госпожи, а слушал, слегка наклонив голову набок, лицо его выражало сосредоточенную печаль.

Дан отвернулся, скрывая слёзы. Прилюдно плакать — это всё тлетворное влияние блондина. Красавчик был приучен совершенно не скрывать своих эмоций, чуть что случись в его сердце — сразу наружу вывернет и всем продемонстрирует. Лекарь же, достигший в скрытничестве неопределённых высот, сейчас и сам ощутил себя шокированным, так внезапно прилюдно раскинув.

Леди захотелось обнять, но его раны от стрел всё ещё были ужасно болезненными, поэтому она погладила спину Дана, ощупывая бинты. Это не успокоило парня, а даже наоборот. Но он так и не дал ей увидеть свои слёзы.

Слова не подбирались. Каким ещё мог вырасти этот мальчик, рождённый на Плавучем Причале, во льдах и лишениях? Невозможно забыть голод, когда из-за снежного завала в городок не поступали запасы, а старый Лорд запретил использовать Птиц для гражданских нужд.

Тогда умерла подруга Айен, Мальва.

И во снах лидер эмпатов Ася создала Мальвину, она стала атрибутом её снов, пока не ожила достаточно, чтобы отделиться от автора. Девочка из сна принялась опекать маленького Сержа, считая его своей семьёй.

Когда Мальва умирала, её мать была беременна мальчиком, и Мальва переживала, что не увидит братика теперь. Из-за снега. Проклятого вечного снега. Никто не вёл официальную статистику погибших, запрещено ведь искать на Лорда управу. Тех, кто умер от холода и голода объявили слабаками, недостойными жить на Плавучем Причале, недостойными наград от Лорда.

Когда Ай засыпала, где-то в пространствах сна возникала Мальвина.

Дети теряли друг друга, как и взрослые, но раны на детских сердцах всегда болят неизмеримо сильнее.

Айен вспомнила, что та женщина, с глазами цвета хурмы, кричащая в ледяное море, не хотела домой и просила малышку Ай уйти с причала к маме. Но та не уходила. Слёзы на лице красивой женщины превращались в лёд, становилось невыносимо холодно, Ай не могла бросить её там одну. На Причале было правило: в бурю не оставлять никого в одиночестве. Хотела ли мама Дана тогда броситься в ледяное море, не в силах справиться с потерей любимого? Скорее всего, хотела. Но она взяла на руки малышку Айен, согрела её, встретила отряд Лорда и с гордо поднятой головой ушла в темницу, передав девочку маме.

На улицах города Аз-Тархань Дан прожил часть своего детства, помнил все тайные улочки наизусть, поэтому достаточно быстро привёл Госпожу к двухэтажному дому, из которого вышла утончённая тётушка и обрыдала его плечи.

Кованые ворота скрывали широкий двор с узкими клумбами, задним двориком, круглую беседку и увитый виноградом старый дом с трещинами в стенах.

Тётушка оказалась родной сестрой его матери и приняла гостей как своих детей. Перед ней была рассказана чистая правда про личность Айен и бегство от Лорда.

На предложение выбрать себе комнаты, все трое сконфузились.

Как бы объяснить почтенной фрау, что Айен нельзя оставаться одной из-за внезапных порталов, Амелису — из-за того, что ночью он превращается в Демона, и что единственный нормальный среди них — это раненый Дан, без которого эти двое умрут или сразу или по-очереди, усыпив всю округу и создав неконтролируемый хаос.

Тётушка чуть не грохнулась в обморок, увидев раны Дана. Пока племянник обмывался с дороги, она успела опустошить аптеку. А после обработала его раны и обмотала свежими бинтами.

Амелис от осмотра тётушки отказался, уверив, что он-то здоровее всех в этом доме, а то и во всём городе. Девушку всё-таки загнали на кушетку, и даже маленькие царапинки на теле Госпожи были смазаны цветочным

бальзамом. Стрелы из Иранши оставили совсем не глубокие раны на груди девушки, они практически затянулись и не причиняли никак неудобств. Как лекарь умудрялся так хорошо врачевать леди, и так паршиво — себя?

Наконец, помывшись с дороги в настоящей ванной, Ай вышла в розовом платье, с нежным цветом волос, безмерно сияющая покоем.

Перед закатом тётушка пыталась племянника наедине, узнала-таки правду и перестала предлагать им разные комнаты. Тяжело вдыхая, она удалилась к себе, обещав, что ни за что не выйдет к ним ночью, даже если Демон будет требовать ужин в полночь из соседских детей на вертеле.

Амелис поцеловал руку почтенной даме и обещал не буяннить.

В комнате, где им предстояло провести ночь, была огромная кровать. Дан, как обычно уже, уселся в углу, на этот раз наконец-то в удобном кресле с отваром вербены в руке, блондин переоделся в демонские одежды и улёгся на кровать посередине. Айен танцевала в комнате, наслаждаясь прикосновением лёгкого платья к коже, в сумерках к Госпоже присоединился пернатый чёрный зверь, и они танцевали вдвоём, создавая Дану уникальное зрелище на ночь.

Заснули все под сонные звуки Демона уже далеко за полночь.

Странно бывает осознать себя во сне в уже существующей истории, с прошлым, среди созданий, которых ты условно знаешь. Главное в этот момент от страха не забыть всю информацию о локации и подаренной ею личности, да не провалиться в какое-нибудь междумирье, по словам очевидцев, похожее на тёмные щели меж ящиков письменных столов.

Такие Миры, с плотной живой оболочкой, создаются поистине уникальными творческими людьми, потому что сноходцы, проникнув на территорию мира, обрастают очень достоверной историей, помимо одежды и обуви.

Хрустальный голубой пол, прозрачный купол, открывающий обзор на великолепие близких планет, мягкие туфли с острыми носами, сияющие холодным светом. Айен осознала себя, передавая мысли лохматому псу породы Пули.

«Это сон. Я, похоже, на вражеской территории».

Пули, наклонив морду мысленно отвечал: «Мы не враги. Мы дома».

Ай не сдавалась: «У меня память о том, что я житель этой планеты, это место создано для лучших людей, которые заслужили эту жизнь. Я заслужила. Но я помню, что мой брат ещё томится в ужасных условиях. И его не пустят сюда. Я долгие годы собирала деньги, чтобы купить ему пропуск сюда, заказала именной жетон. Мне нужно срочно навестить его».

Пули прилёг мордочкой на ноги Ай.

«Подожди пять минут, потом вставай и медленно иди».

«А ты?»

«Я следом».

Красота коридоров, а позже улиц, хрустального пола, сияющих цветов на аккуратных клумбах.

«Да... Дорогое удовольствие. Но мой брат... у меня тут есть брат. Жду не дожусь его увидеть».

Если во сне ты бережёшь память о Локации, не старайся запоминать маршрут. Он меняется всё время. И ты придёшь, куда нужно, только если дашь ногам привести себя. Вообще это универсальный совет. В обычной жизни тоже пригодится. Куда бы ты не шёл, ты придёшь. Главное, чтобы Путь был твоим.

Так Ай остановилась у лазейки в заборе в пустынном районе старых домов под снос. Остатки дома держались на половине стен под крышей. Обои в голубой цветочек. Снова ощущение родного дома... Мысль Пули в голове немного напугала её: «Я здесь».

Брат прятался за старой мебелью, краешек его рваной туфли был заметен, как и неровное болезненное дыхание.

— Я добыла жетон, мы уйдём отсюда вместе.

— Меня не примут, никогда не примут в ваше высшее общество.

— Дурачок, — улыбнулась Леди, — мы уходим с тобой в обратном направлении. Мы вернёмся на Землю.

— Ты не боишься? Там же будет совсем другая жизнь, не такая прекрасная! С болезнями и лишениями!

Ай обняла парня.

— Но с тобой. С тобой, понимаешь?? Я не брошу тебя, я не могу без тебя! Ты — моя семья. Какая тут жизнь, когда нельзя слова лишнего сказать, всё так строго и я... Я запуталась! Я устала быть чужой, быть шпионом, я просто хочу домой.

КОГДА ТЫ УСТАНЕШЬ ИМ СЛУЖИТЬ, ТЫ УЙДЕШЬ, КАК И Я

«Если вы готовы, то телефон здесь», — зазвучал в голове голос Пули, сбивая всплывшие слова.

Ай подошла к старому телефонному дисковому аппарату, подняла трубку и начала набирать цифры и буквы, светящиеся на жетоне.

Оператор уточнил: «Сколько вас?»

— Нас трое, ответила Ай не дрогнувшим голосом.

— Тогда проходите.

На мгновение дыхание перехватило, в Ай вцепился брат, а она старалась не выпустить из рук мохнатого пули.

Втроем рухнули в узком тёмном помещении, забитом мешками, и лишь в замочную скважину просачивался пыльный свет. Шум за дверью заставил застыть и прижать палец к губам.

Какие-то жулики пытались взломать дверь.

Но у них это не вышло, и они, разочарованно ругаясь, удалились ни с чем.

— Это двери моей комнаты в коммуналке! Я тут всё запаролит, что никто, кроме меня, не сможет открыть их!

Ты готова, сестра, идти со мной в настоящий мир?

Айен с удивлением узнала в брате Стражника, а в пули почувствовала Волка Сновидений. Дождавшись полной тишины снаружи, Стражник открыл хитрые замки и они ступили в новую локацию.

Вроде знакомый город, но Ай не смогла вспомнить его в реальности. Фонтаны, горная местность. Он словно строился с уважением к природе, дороги петляли вокруг деревьев, потому что их не вырубали ради прокладывания пути. Овраги оформлялись под прекрасные места для отдыха, с беседками и фонтанами. Многие постройки были действительно старыми, с трещинами, но настолько художественно оформленными, словно автор верил в «любовь до гроба». Старый огромный город пестрил цветами всех возможных оттенков, бабочками, птицами и добродушными прохожими в ярких одеждах.

«Тот мир, откуда мы пришли, кажется теперь таким стерильным. Там многое нельзя, и почти ничего — можно. Хрупкая земля».

— Нужно попробовать выгащить что-то из сна! — вспомнил Стражник, — Ася, давай, у тебя получится!

Айен бегала за бабочками, солнце играло в её волосах, и совсем-совсем не хотелось просыпаться. Но она оступилась над оврагом и упала вниз.

Падение во сне чаще всего становится причиной просыпания.

Солнце светило Амелису прямо в лицо. Все трое резко сели на кровати. Айен раскрыла ладони и выпустила маленькую бабочку-голубянку.

Но поразило всех не это.

Амелис прижимал к себе огромное воронье гнездо.

Айен вспомнила, что во сне пес пули забрался на дерево с целью охоты на ворон.

— Ты! Волк! Сновидений!

— Что это такое? — тихо спросил Дан, указывая взглядом на гнездо.

Пока Госпожа, радостно прыгая на кровати, объясняла лекарю, что они с Волком сновидений научились доставать вещи из сна, а и какое счастье же, что Амелис, став Демоном, ночью мог теперь ходить в её сны, да она и не мечтала уже о таком счастье, а тут вот оно, держи, Дан ошарашено пялился то на леди, то на блондина.

Айен тискала Амелиса, путала его волосы и целовала его счастливые глаза.

Лекарь облокотился на внутренний резной откос окна, скрывая своё волнение, но, спустя два полных цикла дыхания, устроил допрос Амелису, помнит ли тот себя, когда приходит Демон, и как помнит и ощущает себя, когда Демон спит.

Из всего, что можно было выудить из парня, стало ясно, что демоническое обличье не лишает Амелиса сознания, а лишь притупляет логическое мышление, выставляя наперёд инстинкты и привязанности.

— Да как это такое возможно, — шептал Дан, закрыв лицо рукой.

В дверь постучали.

— Я слышу, что вы уже проснулись, господа Демоны, я очень жду вас всех на завтрак и мечтаю перевязать спину моего дорогого племянника. Надеюсь, он там жив, Даниэль... Милый, ты же живой? — добавила тётушка с тревогой в голосе, чуть ли не протиснув губы в дверную щель.

— Даниэль? — хором переспросили Ай и Амелис.

— Ого. А мы и не знали, какой ты важный!

Как приятно всё-таки не скрываться, живя в доме тётушки Дана! Айен с удовольствием перемеряла все предоставленные ей платья и выбрала штук двадцать, чтобы менять их по несколько раз в день, пока её не заставляют снова прятаться под личиной мальчика-осиморуса.

Гуляй-душа! Платья в цветочек, платья в полосочку, платья-пачки, лёгкие платья разлетайки из полупрозрачного фатина, платья-сорочки, платья-облегашки, короткие платья для женских посиделок, она надевала их все!

Такое разнообразие было объяснено страстью тётушки хранить одежду, свою и сестры. Большая часть любимых платьев Госпожи оказались платьями матери Дана.

Когда Ай входила в этом дорогом сердцу великолепии, во взгляде Дана был замечен огонь.

«Замечен огонь», — читалось на лбу Амелиса, и он загораживал собой девушку, чтобы прекратить поток пламени, льющегося из жёлтых глаз друга.

«Тьфу, да что же это такое», — переживала за них тётушка и пыталась отвести Амелиса в сторонку, соблазнив на «наколоть дрова» или на «поправить покосившуюся калитку».

Айен любила сидеть в саду и смотреть на цветы или на небо. Застывая в одной позе она словно бы спала не засыпая.

«А это — может быть сном? Могу ли я проснуться из этой Локации? Если это сон, то лишь умерев можно проснуться. Но я не хочу просыпаться. Не хочу. Я не помню, что там, за границами этой Локации. Хотя смерть не всегда становится выходом».

В последнее время дни были слишком насыщенными событиями, и вот так посидеть у неё не было возможности. Пригревшись на солнышке, Айен уснула, прислонившись к беседке.

Амелис часто наблюдал за подругой любовь к уединённым посиделкам, поэтому не волновался и сейчас, к тому ж он был привлечён тётушкой к походу за фруктами и мясом, как самый здоровый и сильный.

В тишине дня Дан нашёл Ай в беседке, спящей с безмятежной улыбкой на лице.

Она так редко спала днём, поэтому будить её Дан запретил себе категорически.

Но он не хотел пропустить момент просыпания. Солнце зашло за высокие деревья, и там, где спала Ай появилась тень. Лимонно-розовое платье из тонкого фатина показалось Дану слишком тонким, а если накрыть одеялом, то можно ненароком разбудить. Поэтому он снял с себя батистовую рубашку и укрыл девушку ею. Невесомая ткань хоть не сильно согреет, но согреет от ветерка в тени, к тому же ткань ещё хранит тепло его тела.

Чтобы не пропустить миг её пробуждения, и помня, как тихонько она может обходить спящих, Дан привязал за пуговку на рубашке длинный волос Амелиса (волосины эти были на всех участниках ночи, такое ощущение, что Демон специально раскидывает их на всех вокруг), другой край волоса Дан держал в руке.

Тишина была настолько умиротворяющей, что лекарь задремал и сам.

Что же снилось Айен в виноградной беседке?

«Я хочу лететь ночью над морем».

Есть город, ночной город, полный огней, красивых судеб, любви, суеты, портового шума. Когда налетаешься среди города, обходишь все любимые ветки деревьев, то мчишь к пристани. Есть берег. Прохладный песок. На него неприятно становится ногами. Поэтому Айен останавливается на ближайшем к воде дереве. Смотрит в тёмную ночь. Без луны. Только чернота, звёзды и звук волн.

«Шуми, шуми, моё море».

А потом лететь над чёрными волнами, ощущать себя третьей силой между небесами и океаном.

«Я просто лечу. В этом и есть смысл. Существовать. Жить, ликовать, любить. Нет ничего лучше этой свободы. Там, впереди есть остров. Навещу его».

Сердце стало биться сильнее. Словно сердце это тоже океан. И оно шумит и волнуется. Невозможно волноваться, когда ты в клетке, сердце билось волнами воспоминаний каких-то забытых чувств.

«Я увижу его сейчас. Я знаю, что увижу его сейчас. Это невероятный подарок. Спасибо, спасибо, жизнь!!!»

«Но почему я не могу вспомнить его, кто же он такой?»

ЗАБУДЬ МЕНЯ

На берегу темно. Но красота такого полёта в том, что можно закрыть глаза, и неважно, что они видят, потому что сейчас зряче лишь сердце.

А оно невозможно стучало, и душа изливалась цветным фонтаном. Звёзды вмиг стали разукрашенными.

На тёплый песок опустились босые ступни, руки сплелись.

Не надо ничего говорить. Не надо ничего спрашивать. Здесь и так лишнее всё, чего здесь нет. Ветер закручивал волосы, приносил крики чаек, шум бьющихся волн о берег.

Спасибо, жизнь за такие сны.

Айен проснулась, обнаружив спящего напротив неё в беседке Дана.

«Как это мило», — подумалось про рубашку. Госпожа надела её. Волосок дёрнулся в пальцах лекаря, и он открыл глаза.

Айен уже выходила из беседки, кутаясь в его кружева.

На втором этаже в общей зале уже восседал Дневной Демонище со своим зверским аппетитом. Они только что вернулись с тётушкой и разместили припасы на кухне. Амелис же решил поддаться мясу, недоеденное подругой утром.

Когда Ай вошла, излучая романтическое сияние, Амелис возопил, бросив баранью ногу на стол.

— Сними это немедленно! Ты провоняешь его зельями!

— Амелис, что ты, рубашка совсем не пахнет, возможно только немного самим Даном.

Дан побледнел, зайдя следом.

— Да ты что, этот его запах, он такой сильный, что преследует меня повсюду, даже во сне...

Амелис осёкся.

Он посмотрел на Дана и взгляды их скрестили в коротком поединке осознание чужой тайны и страх разоблачения.

«Этот лекарь, поистине лучший сын маминой подруги, — наконец оформил мысли в слова Амелис, — Он же тот самый Стражник, им пахнут все локации, куда она попадает вместе с ним. Он во сне совсем по-другому выглядит, как впрочем и я... Он во сне похож на меня в реальности! Неужели он выбрал эту внешность, чтобы Ай полюбила его во сне? Чертов гений. Я в ярости. Но и немного лестно».

Айен переводила взгляд с одного на другого.

— Не сниму! Буду пахнуть Даном!

Леди забралась на подоконник и вдохнула аромат белоснежного воротничка. Лёгкий приятный запах вербены смешивался с духом ежедневных отваров и своим собственным запахом Дана, который окружал заботой и умиротворением.

Закрыв глаза, Айен слушала птиц.

В комнате повисло сложное молчание.

Дан сел напротив Амелиса, поднял со стола оставленную блондином баранью ногу и откусил.

Что тут скажешь?

Амелис поднял бровь в сторону Айен.

Дан помотал головой.

«Не надо ей говорить».

«У тебя на всё есть причины».

«Я прошу тебя. Пусть она не знает. Ты знаешь теперь, этого достаточно. Я научу тебя лучше ориентироваться во снах, чтобы ты смог стать к ней ещё ближе», — решил сыграть ва-банк лекарь.

А теперь можно пролистать все предыдущие главы, вы же знаете теперь, что Дан тоже участник снов Госпожи Айен. И да. Он появлялся в её снах только тогда, когда они спали в одно и то же время.

Глава 13. В которой Даниэль страдает, Амелис идёт в библиотеку, а Айен что хочет, то и делает

На остаток дня лекарь заперся в маленькой кухне, прозванной алхимической комнаткой, и, по мнению Амелиса, готовил отраву, чтобы его, Амелиса, сжить со свету.

Но кто бы видел, что Дан обседел все стулья и подоконники в комнате, в муках заставляя себя не ходить к Айен, чтобы не давать Демону повода сомневаться в нём. Он ушёл, оставив рубашку на Госпоже.

Лихорадило. Окно алхимической вело в розовый сад, но разве розы могут соперничать? Не было ни единой души, что знала бы о боли в сердце того, кто во снах был рядом с Айен с самого начала.

Он помог ей уйти из «золотого запаса» Учителей, которые сохраняли, как мясо в морозилке, талантливых детей в пещере спящих для особого случая.

Он знал Ай ещё в детстве на Плавучем Причале. Встретив её позже во сне, он понял, что она пробудилась, он позволил ей бежать, а после уговорил Учителей взять её в команду.

Его нельзя запомнить во снах. Потому что он забирал воспоминания у неё о себе, уходя из сновидений.

Любовь их во снах могла навредить Ай для выполнения заданий, у них было правило... Что нужно забирать память о себе, уходя. Чтобы не было больно, проснувшись. Чтобы человек не захотел оставаться всё время во снах, чтобы сохранял тело, просыпался и кушал в своей родной Яви.

Дан ненавидел это. Он сам, своими же руками забирал память о себе, лишая её памяти о прекрасном чувстве, которое так рвалось из сердца и оставляло горькое послевкусие любых дневных радостей.

Она путалась, не в силах вспомнить, кого же она так сильно полюбила, перед взором мелькала вся её команда, и Локс, покинув их, накалил чувства до предела.

Сейчас Дан хватался за голову, готов был рвать на себе бинты и вынуть сердце, чтобы рассмотреть поближе, как выглядит его любовь.

Он оставил рубашку на Ай, когда уходил. Возможно, это последнее, как он сможет прикоснуться к ней, теми остатками тепла, что сохранились в ткани. Он хотел быть своей рубашкой, чтобы обнять её снова. Он не представлял, как ему теперь быть, ведь Волк Сновидений не даст ему приблизиться к любимой во снах.

Отвыкший от проявлений чувств, он метался по комнате, вытирал слёзы бархатными шторами и в конце концов прыгнул из окна, прямо в розовый куст.

К закату его обнаружили в беседке, с холодным взглядом, в подсохших кровоподтёках.

— Пойдём в спальню, я всё ещё боюсь оставаться наедине с Айен в виде Демона, — прислонился к беседке Амелис, такой прекрасный в закатных лучах, уже с парой чёрных перьев в светлой шевелюре.

Как можно надеяться на какие-то чувства, когда с ней рядом этот бог?

Тётушка лишь покачала головой, увидев племянника, тенью вplyвшего в дом.

Айен, всё ещё в рубашке Дана, расчёсывала потемневшие волосы мраморным гребнем и не могла справиться с нахлынувшей печалью. Ей даже казалось, что печаль пришла к ней из портала прямо в сердце, будто это её печаль, но из будущего. Что же случится с ней такого грустного, что она не сможет справиться с этой грустью и отправит часть её в прошлое?

Амелис переоделся и стоял у окна.

Дан взял со столика отвар вербены, заботливо приготовленный для него тётушкой, и смотрел на Госпожу, пока Амелис не видит этого.

Демон оперился с последним лучом света и одним прыжком оказался между Айен и Даном, рыча и расправляя огромные крылья.

Не успел лекарь дотянуться до метательных игл, как был опрокинут на спину.

В плечи его вонзились острые когти.

— Амелис, не надо, — тихо сказала дева Ай, — прошу тебя. Не надо. Если ты причинишь ему боль, я заморожу тебя.

— Ни в коем случае! Вам нельзя применять силу, пока мы не нашли амулет, — прохрипел Дан под весом зверя.

— Я не готова слушаться тебя во всём, мальчик Причала, — грустно улыбнулась Айен, — есть вещи, которые я точно не хочу. Я не хочу, чтобы он делал тебе больно. Если нам всем суждено быть немного покалеченными, то так тому и быть. Но сейчас тебе хуже всех.

Дан понимал, что в ней живёт это чувство «команды» и справедливое распределение заботы обо всех участниках, и если он сейчас ничего не сделает с Демоном, то она применит магию и покалечит себя.

Собравшись с силами, он сбросил с себя чудовище, и снова попытался достать иглы.

Демон громил мебель, пытаясь добраться до противника. В момент, когда иглы оказались в руке Дана, стол обрушился на раненого лекаря, а в воздухе повеяло холодом.

Айен стояла на кровати, из рук её сыпались голубые незабудки, и оба парня застыли, покрываясь коркой инея.

— Мне жаль, я не знаю, почему вы поссорились. Я очень хочу, чтобы мы все дружили, как раньше. Сейчас, когда вы оба молчите, и не скажете мне ни слова, я буду делать то, что хочу.

Девушка быстро оказалась на полу рядом с Даном и светящимися руками лечебной силы прикоснулась к его бинтам.

Лекарь тяжело задышал, но не мог сопротивляться. Он смотрел в полные ярости глаза Демона и понимал, что становится виновником того, что Айен получает повреждения прямо сейчас.

Что делать, когда ни один из участников событий не может другого заставить действовать так, как хочется ему? И каждый из них обладает волей, чтобы поступать по-своему.

Дева Ай ощутила головокружение, согнулась, руки перестали светиться. Боясь растопить созданный лёд, Госпожа прекратила лечение, медленно прошагала к кровати, отодвинула щепки от погрома. Сняла рубашку с одного плеча, но передумала, и легла спать прямо так, в платье и рубашке сверху.

Накрывшись одеялом, зарывшись в кружева, она вдыхала ароматы батиста, пока не уснула.

На полу Дан был заморожен в жутко неудобной позе, поэтому заснуть не мог до рассвета, пока Айен, проснувшись от света солнца, не пришла, хромя, трогать его ледяные лицо и руки.

С обеих парней ручьями лилась вода, а леди Ай снова забралась под одеяло. Амелис в ужасе от того, что натворил ночью, выскочил из комнаты.

Дан же, внезапно оказавшись на свободе, медленно подошёл к кровати, и не помня, что делает, забрался под одеяло к Ай, как в детстве, когда он ночевал у её семьи.

Амелис, вернувшийся извиняться, увидел картину, от которой не в силах был уйти. Его Ай, спала, улыбаясь, в объятиях Дана, в кружевной рубашке.

Они сейчас наверное были во сне вместе. И об этом нельзя рассказать ей, по каким-то причинам, в которых Амелису пока было сложно разобраться. Счастлив должен быть тот парень, что выглядел так, словно спал всю ночь после расслабляющего массажа, а не рычал до рассвета на друга, ставшего соперником.

— Я громил мебель и хотел его убить. Что же мне делать? Если я не подчиню себе Демона, я поставлю под угрозу жизнь Айен.

Амелис переборол желание вырвать лекаришку из постели и как тряпичную куклу бросить вниз, обратно в розовый куст.

«Надо поискать библиотеку и потратить время их свидания во сне с пользой для себя, коли я, как «я», не годен ходить в сны. Подчиню себе Демона. Наверняка есть методики».

А парень не только красив, пожалуй. А ещё достоин восхищения таким стремлением. Пожелаем ему удачи!

Просыпаться одновременно, из одних объятий выскальзывая через сонные врата, попадая в другие объятия (или в те же самые?), всё ещё верить в то, что можешь летать, — прекрасные романтические сюжеты перехода из сна в явь.

Айен вдохнула полной грудью, но на выдохе закашлялась. Обнимавший её Даниэль, помог приподняться девушке повыше на подушках. Он отчётливо увидел, что кашляла она кровью. Миру словно добавили резкости.

Быстро ощупав её, лекарь обнаружил причину — сломанное ребро. Возможно, повреждено лёгкое.

Он бегал за травмами, раздавал распоряжения тётушке.

И вдруг осознал, что его ран больше нет. Снял с себя бинты.

«Я чувствую отчаяние».

«Я причинил ей боль».

«Я лежал с ней под одеялом».

Вот это вот последнее заставило его смутиться, чай не малые дети уже.

«Нельзя так себя вести. Я взрослый мужик, надо держать себя в руках, я и так еле держусь, когда мне приходится осматривать её родинки!»

На пороге комнаты, когда Дан уже собрался бродить по саду в панике, он столкнулся с Амелисом.

Не дав тому ни слова сказать, лекарь закрыл дверь снаружи и быстро зашептал:

— Прошу тебя, верь мне! Я трус и ничтожество, я принимаю облик, похожий на тебя в её снах, чтобы ей нравится. Понимаешь? Она всегда любила только тебя, у меня никогда не было ни шанса. Я могу быть десять раз крутым создателем Локаций, но я не ты, только твоими чертами лица и твоими запахами я добивался её внимания.

Дан задыхался, слёзы позора текли по его лицу, такого его Амелис не видел никогда. Сейчас, видя отчаянье соперника, его становилось безумно жаль.

Амелис вытер пальцем слезу на щеке Дана и спокойно сообщил:

— Я читал о дыхании подчинения и изучил формулы. Как думаешь, какая формула лучше подойдёт?

Поможешь мне с этим?

Растерянный парень бормотал что-то о дыхании, лимонных пирожках, повторял услышанные слова, не веря, что этот прекрасный Аполлон не будет его сейчас бить, и что его не нужно уговаривать.

— Подчинение, да... ДЫХАНИЕ ПОДЧИНЕНИЯ! Боже мой, почему же я раньше не догадался? Да ты гений!

— Не я гений, а библиотека в городе хорошая, — Амелис приоткрыл дверь, прислушался к ровному дыханию Ай, — давай посидим неподалеку от неё, я расскажу тебе, что узнал.

Так они и сидели в коридоре, дышали, считали, пробовали с секундомером и без него. В итоге так успокоились, что диалог их напоминал беседу двух практикующих осиморские медитации.

До вечера они всё-таки вошли ремонтировать мебель в спальне, не переставая дышать, подчиняя себе эмоции.

Тётушка заглянула в комнату и трагическим шёпотом протянула в дверную щель:

— Даниэль, почему вы так странно дышите и молчите? Даниэль, мне же страшно, я благородная дама и не чужда современных методик, ну расскажите мне! Может я тоже... Смогу?

— Просто попробуйте дышать вместе с нами, — ответил ей Амелис, очаровательно подмигнув.

Тётушка мигом влетела в комнату со всеми своими юбками и пристроилась вытирать пыль, дыша в такт молодым людям.

К ночи мадам выпроводили в коридор, наказав ни за что не входить, ибо Демон может разорвать на себе одежды и напугать почтенную леди демонической наготой.

Тётушка сбежала по лестнице и зашумела по первому этажу, прижимая полотенца к пышной груди, выпрыгивающей из корсета:

— Господь всемогущий, демоническая нагота у этого божественно красивого мальчика, да я сойду с ними с ума!

Айен, проспавшая весь день, к вечеру очнулась от спазма легких, и напугала парней, начав задыхаться.

Дан бросился к ней, приподнял её голову повыше, обнял руками её лицо, внимательно вглядываясь.

— Ты что, будешь делать ей «дыхание рот-в-рот»? — ужаснулся Амелис.

Дан ответил в своей привычной холодной манере:

— Можно коня пригласить.

Но ни конь, ни дыхательный поцелуй не пригодился. Лекарь использовал массаж и акупунктуру.

На закате Дан старался не приближаться к ней, если она не подавала признаков ухудшения состояния. Чёрный Демон был встречен дыханием подчинения, посему сидел на подоконнике в позе лотоса и продолжал дышать. Дан дышал в такт с ним, так было уговорено, чтобы, в случае сохранения остатков сознания, Амелису было бы за что уцепиться и продолжить дышать по отработанной схеме.

В середине ночи Демон добавил к дыханию усыпляющее мурчание, и все погрузились в крепкий сон.

«Волк сновидений рядом, а значит тут не будет страшно», — подумала Ай, озираясь в огромном котловане под строительство.

Вокруг ощущались люди, были то сноходцы или тени от создателя Локации, сложно разобрать.

Людям хотелось выбраться из котлована.

— Господа! Это же наш с вами сон. Давайте возьмём себя в руки и вспомним законы физики! — девушка создала из камней и палок катапульту и, заставляя волка прыгать на одной части доски, помогла всем выбраться.

— А теперь наша очередь.

И верхом на волке выпрыгнула из ямы. Люди сбились в кучу пёстрой толпой и восторженно возопили на разные лады:

— Ты наша предводительница! Ты же нас выведешь отсюда?

— Я не могу проснуться, это странно!

— Помоги нам выйти из этого страшного места!

Некоторые сноходцы прям плакали, в ужасе ощущая беспомощность. Каково, когда осознал себя во сне, а его стены настолько крепки и дверь настолько хорошо спрятана, что ты в западне! До тех пор, пока сам хозяин Локации не соизволит выпустить тебя.

Пустыня.

Айен закрыла глаза, вдохнула полной грудью, почувствовала, что дышать стало легче и ровнее, представила, что видит края Локации. Они оказались очень далеко. Туда нужно было ещё дойти. Своими силами сокращая пространство, Ай смогла довести людей до изменения ландшафта всего за два часа.

Перед ними лежали бетонные плиты, из которых выкладывалась площадь, постепенно заворачивающаяся в лабиринты.

После совершенно мученического пути по песку люди обрадовались ровным плитам, но... Те оказались покрыты тонким слоем липкого геля, который плавил человеческие тела, заставляя сноходца умирать в ужасных

муках.

Пробовали использовать воображение, но сил не хватало, чтобы справиться с такой доминирующей Локацией. Волк заскулил, спрятав мордочку в лапах.

— Стойте! Перестаньте пробовать менять их. Это локация очень сложного уровня. Похоже, её создал сам Мастер Создатель Локаций, если вы не слышали о нём, то знайте: он давно отошёл от дел и больше не сотрудничает с учителями, не делает локации для них, но и не вмешивается в жизни снотворцев. Говорят, он давно сошёл с ума. Я помогу вам выбраться. Вы же все умеете летать?

Это первое, чему человек учится в своих снах. Летать. Кто с крыльями, кто без них. Кто превращается, кто нет. Все присутствующие смогли показать свое мастерство полета. Оставался Волк.

Он всё ещё прятал мордочку под лапами.

Обнимать и приободрять друга — это Айен умела.

— Ты же демон, летающий демон, милый мой друг. Вырасти крылья. Пожалуйста. Ты теперь можешь ходить в снах, я верю, что ты самый лучший парень на свете, и ты победишь свой страх.

«Страх? У меня страх?», — в глазах Волка вспыхнул огонь.

Он вскочил на лапы, завертелся на месте, поднял песок вверх и остановился, расправив огромные демонические чёрные крылья.

Лететь было легко ровно до начала лабиринта. В лабиринте смертоносные плиты были со всех сторон, и ещё один человек проснулся в реальность от жуткой смерти во сне. Зато стало понятно, что лететь нужно медленно, не касаясь стен. Волку было тяжело, он несколько раз был в миллиметре от стены, и один раз всё же припалил крыло. Многие впадали в панику, не в силах выдержать нескончаемый лабиринт.

Айен ощущала, что безмерно устала, накатывало отчаянье.

«А смогу ли я помочь им? Не сильно ли много я взвалила на себя?»

НАСКОЛЬКО ТЫ СИЛЬНАЯ, АСЯ?

Но дитя Плавучего Причала просто так никогда не сдастся, особенно, когда есть ответственность за других людей.

«Я сломаю эти барьеры, сломаю их!»

И направилась напрямик в стену, выставив руки вперед, сосредоточив силу на кончиках пальцев. Волк зарычал за её спиной, но никто сейчас не мог остановить Леди.

Глаза опалил свет.

Полутьма лабиринта заставила забыть, какой он может быть яркий.

В разломе стены виднелся край локации, Айен создала деревянную площадку, на которую приземлялись сноходцы, перед тем, как попрощались с леди и улетали прочь. Волк сидел на краю и глядел в сияющую бездну.

— Всё бы разрушать... А строить кто будет? — раздался за спиной усталый хриплый голос.

Мастер Создающий Локации стоял, опираясь на метлу.

— Каждый блок я создавал с таким старанием и аккуратностью. А ты, невоспитанная девчонка, что натворила?

— Я спасала людей, что случайно забрели сюда.

Мастер прислонился к разлому и из глаза его выкатилась слеза.

Невозможно хладнокровно смотреть на то, как плачут дети и старики. Ай почувствовала, что этот дедушка невыразимо одинок здесь. Она взяла его за плечи и в этот момент Мастер поднял на неё взгляд.

Один глаз его был словно с бельмом, но если приглядеться, то вместо зрачка и радужки в глазу его крутилась настоящая галактика.

— Я создал слишком много миров, девочка. Я заплатил за это. Я частично не принадлежу реальному миру и уже давно не могу проснуться.

Волосы старика развевал ветер, и подумалось, что он был безумно красив в молодости. Сопереживание — сильная сторона Айен. Она не могла бросить его вот тут сейчас одного.

— Я останусь с тобой и помогу починить всё.

Дева обняла Мастера, искренне желая, чтобы он стал для неё отцом здесь. В это мгновение вдруг показалось, что ей так его не хватало, что она давно переживала за него, и вот, наконец, может обнять и остаться с ним.

...ЗАБУДЕШЬ МЕНЯ... ТЫ ВСЁ РАВНО... ЗАБУДЕШЬ

— Я обучу тебя строить Локации, девочка. Ты станешь единственной ученицей Мастера, — довольно проговорил дед, растворяя возникшие в пространстве слова.

Утро встретило Айен в постели болью в ребре, Амелиса — падением из окна в розовый куст, Дана — радостью, что можно теперь обучать Госпожу во сне, и Волк не будет ему мешать.

Ведь если во сне быть стариком Учителем, то кто к тебе будет ревновать?

Вынимая красавца из колючего куста тётушка охала и суетилась.

— Конец этим розам, я вам говорю. Сколько можно его посещать? У вас культ падения в розы? Только девочку в него не скидывайте, а то она вырубит и вас и мой сад своим топориком. Дорогой мальчик, эти штаны вам слишком велики, неужели Демон так громаден? О-бо-же-мой. Пойдёмте, я смажу ваши царапины, такое красивое тело не должно страдать!

Амелис «намотал на ус», что в момент обратного превращения он может потерять равновесие, и решил более не размещать свое тело на подоконнике.

Лечение девы Ай затягивалось. Зато парни больше не ссорились, спать ложились дружно, тренируя дыхание Подчинения. Дан принёс себе матрас, понимая, что Амелис больше не допустит его к кровати. Иногда они ночью целили друг в друга перья, когти и иглы, но лишь когда леди Ай не видит этого.

Зато во снах шёл прогресс.

Мастер Создатель Локаций(он же Дан) учил Айен своему мастерству. Много из этого она раньше знала и сама, только Учителя забрали у неё слишком много памяти и знаний.

Как находить дороги из чужих лабиринтов, где видеть слабые места локаций, способы вырваться из навязчивого сна, и, конечно, как выносить из сна предметы.

По утрам Амелис грустно демонстрировал какую-то дичь: дохлого кролика, клубок мусора из-под дивана, птичье гнездо.

Айен удавалось вынести маленькие камешки, мелки, кусочки шпукатурки.

Дан быстро прятал по карманам добычу из редких трав и целебных корешков, чтобы Ай не заметила, и не догадалась, кто он таков.

Он был снова холоден, лучше других всё знал, чем вызывал раздражение у всех, кроме тётушки.

«Ах, Даниэль, боже мой, ну как ты можешь быть уверен в такой пропорции! Я же точно помню, что 87,4 грамма толчённой жабьей кожи, ах нет, прочла! Ты абсолютно прав! 87,7 грамм! Мой племянник самый умный на свете, у него такой интересный череп!»

Демон был подчинен дыхательной техникой, Амелис чувствовал себя великолепно и даже оставлял себе после ночного облика несколько чёрных перьев в волосах, Айен была так счастлива, что исполнилась мечта, ведь её любимый Амэ ходит в сны вместе с ней!

Обсуждая ночные приключения они светились счастьем, а Дан молчал, ведь его там как бы не было. Тяжело всё-таки врать!

Главная причина, по которой нельзя это сказать ей — конечно, чтобы не путать её чувства. Ясно же понятно, что любит она Амелиса.

«А кто я? Лишь раздражитель. Она любит его частички, напоминания о нём в любом облике. Незачем ей знать, кем я был. Стыдно будет и неловко».

Стоит ли говорить, что теперь Амелис старался не допускать ситуации, чтобы Ай спала в другое от него время. Но иногда она всё же засыпала днём. И в такие сны её не мог сопровождать волк-охранник.

В такие сны за ней ходил Дан, вкалывал себе иглы в нужные точки и мгновенно попадал в сон.

Он ложился спать в другой комнате, чтобы Ай не узнала, проснувшись, что он тоже спал. Хорошо, что Амелис был на стороне этого секрета. Он охранял тело Ай от внезапных порталов, а Дан ходил охранять её в сны. И не зря.

Глава 14. В которой Амелис впадает в спячку, а за дверь рассказчика случается драка зоологов

Зима в Аз-Тархани начиналась волшебным образом. Лёгкий мороз создавал корочку льда на лужах, с серого неба срывался пушистый снежок, жители зажигали гирлянды на витринах магазинчиков и тёплый свет озарял город даже вечерами, когда по идее, должно быть серее серого и промозгло до тоски.

Всю осень дом тётушки Даниэля был отличным пристанищем для беглецов.

Айен научилась вынимать предметы из снов, размером с ласточку, а Амелис, похоже, решил свить себе гнездо. Он вынес несколько штук из снов, однажды ночью перебрал их на ветки и соорудил одно гигантское.

Следующей ночью случилось то, чего он сам опасался так долго: Демон, несмотря на дыхание подчинения, смял Госпожу в лапищах, уместил в гнездо, обвился вокруг неё и заснул, без мурчания, надолго.

Утром он превратился в Амелиса, но не проснулся.

— Судя по всем признакам, он впал в спячку, и как долго это продлится, нам неизвестно, — прозвучал вердикт Дана, собравшего пучок чёрных перьев себе за пазуху.

Мало того, что о Демонах такого рода не нашлось ни одной книги в библиотеке, так ещё и решения о безопасности принимать приходилось в экстремальных условиях.

В городе становилось беспокойно.

Границу с восточной империей лихорадило, город хотели забрать себе осиморусы, дескать, так было раньше, ещё до вашего молодого Лорда.

Сам Лорд, принявший правление несколько месяцев назад, после смерти отца, не проявлял интереса ни к расширению границ, ни к сужению оных. Однако, объявил награду за поимку леди Айен, дескать, такие талантливые волшебницы нам очень нужны подле трона.

Аз-Тархань очень надеялась на защиту Лорда, ждала, что он пришлёт Железных Птиц. В этом древнем городе новые дома не строили лет сто. Особняк тётушки представлял собой музейный экспонат, трещины в стенах любили, ежегодно аккуратно измерялись и обрисовывались местными художниками на бесконечных пленэрах.

— Надо уходить, — выдал своё решение Дан, разглядывая, что творится в городе через подзорную трубу, — Если начнётся война, придут легионы Лорда.

— А если не придут? Если город будет захвачен? — сомневалась леди.

— Горожане просто так не сдадутся. Я их знаю. Будут беспорядки на улицах, в итоге проверят каждый дом. Надо уходить, Госпожа.

— Старый Лорд оставил после себя так много недовольных его политикой. Справится ли со всем этим его юнец?

Даниэль наполовину торчал из крыши особняка, в руках он держал любимую «позорную» трубу, она, как и всё в Аз-Тархани, была старинная, древняя, возможно, принадлежащая ещё маленькой Изольде, пока та не стала тетюшкой. Леди Айен ходила по крыше, как во сне, не боясь упасть, словно она в любой момент может полететь. Дан уже замечал, что леди порой не относится к своей Яви, как к настоящему миру, и знатно напрягался.

— Госпожа, нам следует начать собираться прямо сейчас, — настаивал на своём лекарь, когда они спустились в комнату.

Рядом с гнездом коротала время тётушка, попивая кофе и любясь на спящего блондина.

— Но Амелис спит, — упорно твердила Айен, отказываясь принимать маячившее решение оставить его тут и бежать с лекарем.

Все дружно посмотрели на орла, который во сне улыбался и потирал ногой ногу. Тётушка, не веря в успех предприятия, всё равно предложила:

— Ах, оставьте его со мной, Даниэль! Скажу, что это мой пропавший племянник, болеющий редкостной болячкой, весьма заразной. И пусть спит, ангелочек, я буду ухаживать за ним всё время, сколько бы ни проспал! И никто его не тронет, я вам собою клянусь.

Из окна послышались выстрелы и шум людской суеты.

— Я его не брошу, — твёрдо сказала Ай, — давайте повезём в карете скорой помощи.

Если она чего хочет, то так и будет. Дан выдохнул весь воздух из лёгких и вышел, круто развернувшись на каблуках. Он молчал, но всё, что желал, он высказал себе, Демону и Леди молча, не стесняясь в выражениях.

Через два часа лекарь вернулся, управляя каретой для перевозки больных. Перед входом стояла железная машина, частично разумная, частично управляемая, почти как Птицы Лорда, наспигованная всем необходимым к перевозке болеющих людей: саркофаг с электромагнитными импульсами и иными магическими силами для восстановления человеческого тела.

Амелиса погрузили вместе с гнездом, Айен спешно собирала вещи. Как жаль, что нельзя взять все платья.

Тётушка рыдала(читать грудным голосом с одесским акцентом).

— Даниэль, я вас прошу уже который год, обязательно выживите. Не надо умирать, это такой моветон, как мне смотреть в глаза людям, если вы умрёте. И этого юного бога сохраните ради Железных Небес и меня, я же, Даниэль, не сделала вам ничего плохого, в отличие от Небес, Даниэль. Я пришлю вам платья, новые штаны и прочие гостинцы, только ради всего святого, не ругайтесь вы так ради этой девочки. Все девочки очень милые, Даниэль, но такого юного Бога я вижу впервые, пришлите мне хотя бы фотокарточку, если он таки разорвёт свои ночные одежды. Если мне суждено умереть в одиночестве, то хотя бы от удовольствия, Даниэль.

Дан вздыхал, собирал вещи в дорожные рюкзаки, дожидался Айен. Ей нельзя было одеваться под осиморуса сейчас из-за осады города, поэтому на ней просто была шляпка с вуалью и традиционное городское платье.

«Путешествовал бы я с ней вдвоём, так нет, надо этого чудовища тащить за собой». Хотелось пнуть, но лекарь сдержал себя, всё ж лежал Амелис в лечебном саркофаге.

Шляпка и платье на леди быстро извлеклись из гардероба его матери, сердце Дана полыхало, но вслух была сказана только пара сухих прощальных слов тётушке.

Нужно успеть пересечь границу города по реке и уйти дальше, возможно даже, навстречу легионам Лорда, но шанс встретить их, был ничтожно мал.

Люди, понимавшие, что защищать город им придётся самим, создали ледяные заслоны и выстроили из них высокие защитные стены.

Уже близ реки до Ай донеслись крики, что мэр Аз-Тархани сам лично сдал город осиморусам, так как Молодой Лорд издал указ не сопротивляться.

Это ли не предательство?

«Или спасение города от разрушения, — подумал Дан, — тётушкин дом останется в сохранности, это хорошо. Вот какие решения принимает «этот юнец», даже интересно. Все ценности Аз-Тархани останутся в целости, вместе со всеми тайнами».

Машина оставляла ровные следы на льду. Наступила тьма.

«Уедем как можно дальше. Лучше заночевать на холмах, до следующего города тут очень далеко».

Так думал Дан. Айен же гладила чёрные перья своего персонального чудовища, не закрывая крышку саркофага, и погружалась в сон.

* * *

Свою детскую комнату она узнала сразу. Вот её постель, вот полочки с бумажными куклами придуманной страны Глории Монти, вот письменный стол. Только почему в комнате так темно, она одета в дорожное платье, в котором уснула, и напротив неё стоит странный господин в шляпе, которому тут совсем не место.

«Это пространство моего сна, почему здесь чужой?»

Серый шум. **ТЫ ОСТАВИШЬ МНЕ ВСЕ СВОИ ПАРОЛИ, ДА?**

Мужчина в шляпе был одет в модный клетчатый костюм, рюши на его рубашке напоминали Дана.

— Эй, девчонка, я долго буду ждать? Мне нужен билет, проход, что ты там можешь делать у входа? Давай же, я должен идти.

Господин отряхнул от пыли рукав.

— Так трудно было сюда добраться, а теперь так долго жду!

«Его тут быть не должно! Я не могу пустить его, это же мое пространство, моя Локация!!»

Серый шум. **ТЫ ВСЕГДА МОЖЕШЬ ЗАХОДИТЬ В МОИ МИРЫ**

Защищать свой дом от врагов, чужих, взломщиков, воров — это больное место любого человека, у которого в детстве был дом. А уж защищать во сне свою Локацию, снотворец, у которого в Яви тревоги, будет со всем доступным отчаянием.

Айен сотворила полочку над собой с вазами и баночками из разноцветного стекла. Отпугивать непрошенных гостей во снах нужно громко и желательно острыми предметами.

— Убирайся! Прочь!

Цветные осколки летели во все стороны, полочка пустела, а Клетчатый господин лихо прыгал от стеклянных снарядов с шуточками и напускным весельем.

— Посмотри! Ты же поранила меня! Вот, кровь на рукаве! Ай-яй-яй! А мне ещё путь держать. Немедленно открывай, кому говорю, несносная Леди, я заплачу тебе настоящими денежками!

Он приблизился прямо к её лицу, от него пахло конфетами-леденцами «монпансье» и ветхостью одежды цирковых клоунов.

«Я больше не могу. Если за плату, то пусть идёт, я, может, просто не помню, что договаривалась с ним о чём-то».

Ай устало махнула рукой, письменный стол пропал и засветился коридор, усыпанный мишурой из хлопушек.

— Вот так бы и сразу, ты же просто привратник, слуга. А я путешественник, куда хочу туда и иду, — Клетчатый больше не улыбался, он сунул ей кучу бумажных денег, и шагнул в открывшийся портал не оборачиваясь.

«Боже мой... я открыла ему путь в свою же Локацию, в мою же личную Локацию, зачем? Заеееем я это сделала? Теперь неизвестный чужой мне человек бродит там?» — Ай рухнула на кровать.

«Чужой, непонятный, Клетчатый. Ощущение, что мы были знакомы раньше, но я не могу его вспомнить. Почему он назвал меня слугой? Я больше не работаю на Учителей... Тут хорошо пахнет домом всё-таки. Как хорошо».

Леди Ай зарылась в запах подушек, сунув под них пачку денег, и начала засыпать.

Засыпать во сне. Вот зачем это делать, если ты итак уже спишь?

Звучит логично, но когда ты хочешь спать, а кофе никто не несёт, организм диктует свои правила. Ай поднялась из своего тела слегка светящимся духом, оставаясь в этой же Локации, видя себя спящую.

«Тааак. Странно. Такого я ещё не делала. Учителя вроде не пускали меня на второй уровень сна. Тут так тяжело».

Белый шум. **ТЫ БЫЛА ДАЖЕ ТАМ, ГДЕ Я НЕ БЫЛ**

Тело светилось, но вес его чувствовался словно удвоенным.

Попробовать полёт — это всегда выход и способ занять внезапно появившийся урок практической частью.

Ай встала на карниз.

Темно. Ночь. Все спят.

«И я сплю. Дважды». Лететь было сложно. Но опыт есть опыт. Надо бы проснуться.

Обычно, при такой мысли мозг получал команду очень быстро, и тело просыпалось. Но сейчас было всё странно. Ай не просыпалась. Попытка улететь в высоко небо тоже провалилась. Обычно, полёт вверх сулит быстрое просыпание.

(То есть, проще говоря, можно вылететь за края локации, оказаться в нигде и легко пробудиться).

Но сейчас Ай летела в космос, видела планету внизу, и это очень пугало. Пустой одинокий космос и очень большие расстояния между планетами — всё это было страшно.

«Я буду летать бесконечно вечно одинокая в чёрном холодном космосе».

Ай повернула обратно на землю.

«Тогда разбиться!»

Набрав скорость, Леди Ай мчала вниз, чтобы умерев, проснуться.

Но за секунду «до» вдруг всё затормозилось, даже дыхание, и Ай медленно легла на землю, не повредившись.

Да что же это такое! Даже помереть во сне не дают!

Шум. **Я НИКОГДА НЕ ДАМ ТЕБЕ УМЕРЕТЬ**

«А что если есть ещё более глубокий сон, если заснуть в него из этого? И в нём я уже не смогу летать, да и проснуться будет там ой как нелегко, труднее, чем сейчас! Люди будут тратить всю жизнь в таком сне на то, чтобы «проснуться», создадут кучу мифов на этот счёт, возникнут чёртовы лже-учителя, которые будут продавать свои «кейсы», но это будет всё ложь, ложь, ложь!»

«Любое осмысление СНА ведёт к тому, чтобы понять, как тебе жить прямо сейчас, и неважно, спишь ты или нет. Потому что есть сон во сне, и в нём тоже можно уснуть. Ты постоянно обманываешься, то реальностью, то людьми, которые транслируют тебе свою реальность. Так легко попасть в обман, когда ты не веришь в себя. Куда тебе надо идти? Точнее, вопрос нужно ставить не так: Куда Ты Идёшь Сейчас? Твой путь в итоге и есть твоя цель, потому что не важно, дошёл ты или нет. Ты уже у цели. Поэтому нет мишуры ожиданий и соплей страданий о несовершенстве».

Так говорил Локс.

Паника нарастала. В домике напротив зажёгся свет. Из окна выплыла механическая обложка открытой книги, в которой светились слова:

«Ася, дыши спокойно и сможешь проснуться. Это я, Стражник. Сюда очень сложно пробиться, но я вытащу тебя. Дыши на счёт, я буду прописывать точки и тире. Точки — это короткие вдохи. Пробелы — задержки дыхания. Тире — выдохи. Всё, сосредоточься, поехали».

Дыши. Просто дыши, Ася.

Пробуждение оказалось каскадным. Сначала она проснулась на кровати в Локации своей комнаты, а через пару секунд — в машине скорой помощи, на крыле Амелиса. Над ними светился маленький порталчик, из которого сыпались ароматные весенние цветки вишни.

— Почему ты спишь, когда ты мне так нужен! — в сердцах Ай шлёпнула друга по плечу, но это не нарушило его сон.

Машина не двигалась. Кругом замело. От города отъехали настолько далеко, что тьма обступила со всех сторон. На водительском сидении, прислонив голову к окну, зашевелился Даниэль.

— Подождём, пока закончит идти снег, — тихо проговорил он, словно зашелестели листья, — Оврагов не видно, навигационная система этой машины не показывает неровности ландшафта.

Леди Ай стало тревожно. Не за остановку, конечно. От Дана ощущались эмоции. Поток чувств лился ещё несколько минут, пока лекарь не взял себя в руки. И снова между ним и миром встала непробиваемая ледяная стена.

Дан установил палатку, машину скорой помощи решено было спрятать в овраге, замаскировав ветками.

До утра оставалось совсем немного, парень развел костёр и сотворил бодрящее зелье.

С первыми лучами солнца из машины выполз Амелис, в цветках вишни.

Ничего, что зима?

— Современники! Не позволяйте мне умереть от любопытства в полном невежестве! Покайтесь перед миром и предо мною: зачем мы в этом снежном овраге так далеко от жареной баранины тётушки Изольды?

Явно наслаждаясь реакцией, блондин продолжил:

— Господа! Почему вы такие грустные? Вы сложили все вещи без моего участия. Теперь облагородьте меня знанием, где у нас мои тёплые штотки лежат, я без перьев страшно замёрз.

Парень разговорился, словно рождён был исключительно ради этого момента.

— Сколько я был спящим? СКОЛЬКО? Пять дней спал, мама дорогая моя кузнечиха, я не ходил в туалет пять дней и ночей, срочно за холм, создам ещё один холм, или целую Фудзи.

Дан закатил глаза.

— Горный хребет, давай сделай горный хребет! — поддержала Ай, — только не мочись в овраг, а то затопишь костёр рекой, иди дальше.

Закутавшись в шерстяной плащ, Амелис удалился за холм.

Вскороости он заорал дурниной и примчался к костру с новостью:

— От этого саркофага мои чресла выросли втрое, я взбирался на холм, помогая себе такой огромной шпуковиной! Во! — из-за спины он извлёк кривую палку, похожую на посох волшебника.

Дан закатил глаза снова.

Айен, укатываясь со смеху в снег:

— Втрое? Чего у тебя там ещё три? Три ягодицы?

Лекарь поднял бровь, медленно встал и удалился в палатку точить иглы. Дескать, я один тут серьёзный человек. А эти двое — бесстыжие глупые дети, тоже мне, нашли тему для разговора.

В рассветных лучах сияли серо-голубые жемчужины смеющихся глаз Амелиса. Айен его просто обожала. Они обсмеяли абсолютно все варианты утроения частей тела, причём блондин отродясь не произносил матерных слов, используя лишь биологические термины частей тела и метафоры.

— Когда доберёмся до Космеи, сделаем фотокарточки тебя в демоническом облике, мы тётушке обещали!

— Без штанов?

— Без штанов.

Лирическая зоологическая ремарка. К сюжету отношения не имеет, можно пролистать.

Сцена первая. Комната рассказчика, без окон, с одной дверью. За дверью — слегка озабоченные зоологией читатели делятся на три группы.

представляют, что у Амелиса в демоническом обличье значительно увеличиваются чресла

считают, что на фото будет просто мохнатый зверь, типа Йети

абсолютно уверены, что в демонском виде у Амелиса пропадает некий орган совсем, то есть вот нет его, и всё.

Там ничего, как у пупсиков

— Минуточку! — поднимет палец Внимательный Вдумчивый Читатель, — Давайте потребуем всё-таки объяснения у автора этого опуса и выясним, к какому типу Демонов относился Амелис, выясним раз и навсегда размер и наличие органа по ночам у этого парня.

Некто, откусывая лимонный пирожок:

— А помните, в главе 11, Дан переживал, что станет свидетелем их близости, и пульнул Демону в лоб иглу? Это ж значит, было об чём переживать? Вы же доверяете Дану?

Из тьмы возникает Чопорный Читатель с учебником зоологии.

— Господа, если Амелис становится птицей, то у него, стало быть, создается клоака.

За дверью слышится шум, потом возня, и в конце концов, драка.

Рассказчик сидит за столом, лицом в стену, скрипит чёрным пером по бумаге. Слыша шум, он откидывается на спинку стула, останавливает время и изучает массивный материал. Спустя некоторое безвременье, рассказчик выносит вердикт:

— Амелис не инкуб и не астарот. И вообще, видимо, не птица. Амелис стал таким после укуса железным механическим волком, созданным в гротах Лорда. Как мы помним, дедушка Виктор утверждал, что в зубах волка был яд, вызвавший изменения состояния укушенного: преобладание инстинкта над разумом. Но Амелис нас удивил, научившись Дыханию Подчинения. Как же он выглядит? Начнем сверху, а дальше, как пойдёт.

— Голова Амелиса покрывается пёрышками, обрамляя лицо, от мелких к крупным перьям на макушке. Волосы темнеют, но не исчезают, просто среди них торчат чёрные перья. Лицо остается лицом человека. Темнеет радужка глаз. Тело становится крупнее, мощнее, на руках и ногах появляются когти. Между лопаток вырастают огромные крылья. Он может закрыться ими практически целиком. Торс, руки и ноги покрываются чёрными перьями и пухом. Чресла — стандартного человеческого вида, сокрытые перьями и пухом. Задница со шрамом от топора — присутствует.

— Лысая? — Появляется в дверном проёме Свидетель Мохнатого Зверя, радостно вращая глазами в сторону автора.

— Нет, дорогой мой, определенно, мохнатая.

Партия большого органа разочарованно удаляется. Приверженцы пупсикового лона отзывают заказы на пластиковых Амелисов. Орнитологи пьют за несостоявшуюся клоаку.

И только Свидетели мохнатого Зверя заискивающе шаркая, получают автографы и аккуратно прикрывают за всеми дверь. Они оказались правы лишь наполовину и направились клепать мемы, ибо «если не мы, то кто».

Читатели уносят побитых и за дверью снова рождается одиночество.

Рассказчик вспоминает, что в интернете нашлось что-то совершенно дикое, крайне сложное для осознания.

В природе есть особые птицы, у которых для спаривания есть специальный орган, напоминающий вывернутую наизнанку клоаку, которая проникает в самку во время спаривания. И он может достигать в длину метра, что превышает размеры вместимости самки к несколько раз. Есть над чем задуматься. Если бы такое могло быть у демонической версии Амелиса, то не избежать ещё парочки безумных миниатюр в воображении.

Анекдот, записанный на полях чёрным пером, но не вошедший в официальную историю.

Сидят на дереве Дан, Айен и Амелис. Прячутся. И тут кто-то кладёт Дану на плечо «руку». Умом-то он понимает, что это не рука. Но все равно вежливо говорит:

«Благодарю, что почистили мой сюртук, дорогой друг, на меня как раз недавно птичка брызнула».

Или такое:

На берегу сидит леди Ай, загорает. Боковым зрением замечает, что к ней что-то ползёт. С криком «банзай» разрубает змею пополам. Приглядывается.

Ну как-то так. Ужас, правда? Говорю же, в официальную версию это вот всё не вошло.

Глава 15. В которой Волк Сновидений тайком кусается, но всё равно показывает свой шрам лекарю, а леди Айен учится управлять стихией воды

Одного взгляда на сияющего Амелиса хватило, чтобы принять решение всем по-очереди воспользоваться восстанавливающей капсулой.

— Отличная идея, но месячные от этого не закончатся раньше времени, это не так работает, — ворчала Айен, но влезла в саркофаг.

Через пару минут она ощутила расслабление мышц и постепенное отключение болей в области крестца, яичников и молочных желёз. В голове словно бы отжали кнопку, тяжесть в глазах прошла, мысли прояснились.

Когда через час её попросили из «хрустального гроба», как окрестил лечебную кабинку Амелис, она просила оставить её там дней на пять.

— Нельзя. Ещё одна ночёвка, и надо идти в город, надвигается снежная буря. По этим холмам машина не проедет, увы, — грустно возразил Дан, протянув руку, чтобы помочь даме подняться.

Айен улыбнулась. Этот парень умудрялся так естественно подавать свою галантность в любых условиях быта, что на его фоне блондин казался неотёсанным мужланом.

— Давай-давай, теперь твоя очередь! — подтолкнул лекаря «мужлан».

Даниэль сжал губы и неловко погрузился в кабинку, словно добавляя ей углов от своей фигуры. Амелис не выдержал медленной возни и всё-таки вмешался, прижав грудь Дана и захлопнув крышку. Система заработала, лицо лекаря заметно расслабилось, казалось даже, что он задремал.

— Наверное, надо было сначала вытащить оттуда моё гнездо, — задумчиво рассудил демонище, поглаживая подбородок, — Ай, посмотри, спящий царевен, — нежно добавил он театральным шёпотом, наклонившись над саркофагом. В этот момент Дан резко открыл глаза и сердито сдвинул брови.

— Страшно, — ужаснулся блондин и выпучил глаза, надеясь рассмешить леди.

— Хватит над ним шутить, ночной мой волчара. Я без тебя скучала во снах. Сегодня будем видеть сон вместе.

«И он тоже конечно с нами...», — покосился в сторону саркофага Амелис. Он всё ещё не знал, как относиться к этой тайне, но не нашёл для себя причин, которые бы сильно тревожили, поэтому решил оставить, как есть. Зачем беспокоить Ай таким известием? Хорошо ведь общались.

Ветер усилился, снег повалил сильнее. Палатка удачно стояла в овраге, закрытая от порывов бури.

Белый шум. СНЕГ МОЖЕТ БЫТЬ ТЁПЛЫМ

Звуковой сигнал саркофага отвлек Айен от созерцания метели. Дан выбрался из кабинки, проигнорировав шутовской поклон с выставленной рукой от Амелиса. Аккуратно прикрыв за собой двери машины, тройца пробралась в палатку. Гнездо своё демон всё-таки забрал, ведь из него можно получить великолепный костёр!

— Дан... Ты же теперь подданный Осиморуса? У тебя в документах стоит печать жителя Аз-Тархани? — задала леди мучивший её вопрос.

Но Даниэль вынул свои ножи, проверил остроту, принялся точить. Вопрос повис в воздухе, даже Амелис не встрял и сдержал шутки, да скорей занялся растапливанием снега, лишь бы дождаться ответа. Спустя минут шесть лекарь ответил.

— У меня в документах стоит печать жителя Плавучего Причала.

«У меня тоже» — не озвучила Айен. А ведь она долгое время была уверена, что парень прописан своей шикарной тётушкой в восточном солнечном городе. А оказывается, чёрная метка Причала ему краше.

«Зачем ему эта страшная печать, когда он там не живёт? Все, уезжая оттуда, ставили в документы отметку о новом месте, потому как не хотели больше иметь ничего общего с этим жутким Гротом».

Сама Ай хранила штамп ради Мальвы. Чтобы никогда не забыть её. Видимо, как Дан не хочет забыть родителей.

Машину скорой помощи можно было просто бросить. Но дети Плавучего Причала не могли взять и «забыть» в пурге механизм, который способен обрести дух и свободу, стоит лишь поделиться с ним частичкой души.

Ещё до заката лекарь поднялся.

— Я хочу отпустить машину. Для этого я поделюсь с ней душой.

— Ты умеешь СЛЫШАТЬ? Ты не упоминал об этом, — встрепенулась Ай, — Тогда я с тобой. ЭТО НЕ ОБСУЖДАЕТСЯ. Ты один можешь отдать слишком много. Сделаем это вместе.

Амелис глядел на них, мысли мелькали на его лице, сменяя друг друга, но он так ничего и не сказал.

Дан и Айен вошли в машину и прислонились к внутренней обивке ладонями.

От неожиданности, ощутив открытую добровольную готовность Слышащих, машина сбивчиво рассказывала свои истории, перескакивая с одной на другую, не вдаваясь в подробности леченых болезней, ведь у неё был особый кодекс лекаря, и она давала клятву хранить эти тайны. После того, как наговорила, машина получила в благодарность за свой труд части духа и смогла управлять своим передвижением. Железная «каре́та» легонько дёрнулась в снегу, проверяя свои силы.

«Может, подождёшь, пока ветер не разнесёт снег?»

«Нет, я всё же уйду сейчас, хорошие люди. Вернусь в город. Спасибо вам, что выслушали, что дали мне шанс ещё поработать. Берегите свои тела».

Дан получил пару родинок под и над правым глазом, а родинки Айен решено было осмотреть в городе, чтобы не нервировать Амелиса перед превращением.

Выходя из машины они его и встретили.

Взъерошенный Демон ждал их. Он обхватил Госпожу и улетел к палатке, оставив Дана одного брести по колено в снегу.

«Когда идёшь в этом белом крошечке, во тьме, кажется, что это длится вечность. Я вот так иду и мёрзну всегда, всю жизнь, возможно я и умер так. Просто это мой персональный ад», — мысли плыли в голове Даниэля, словно лодки по длинной нескончаемой белой реке.

В убежище оказалось темно. Видимо Демон затушил огонь. Сейчас он ритмично дышал, что говорило о том, что Амелис помнит о технике подчинения, леди Ай, уютно устроившись в его объятиях, тихонько гладила перья на запястье. Лекарь понял, что забыл приготовить вербену, вздохнул и сел поодаль, обхватив колени руками и надеясь согреться.

Айен глядела во тьму, где сел Даниэль, и не могла понять этого человека. Его причин сопровождать её. Просто слово, данное подруге его матери? Неужели этого хватило настолько? Дитя Причала, несгибаемый Сейд. Причём сам Дан, скорее всего из коренных жителей, тех, которые считают людей с жёлтыми глазами детьми Солнца. Сейчас он дрожит от холода и ни за что не сдастся, не пойдёт против своих убеждений. Не станет провоцировать Демона и зажигать костёр.

Но Амелис всё же очень добрый парень. Превращение выдвигало на передний план его бытия основные эмоции характера, и сейчас, подчинив себе ярость, он жалостливо глянул в тот же тусклый угол, куда смотрела Ай, поозирался, качая головой из стороны в сторону, и замурчал, усыпив обоих, после чего притянул Дана к себе за ногу, уложил его на одно плечо, Госпожу на другое, плотно обнял крыльями и тоже погрузился в сон.

* * *

Во сне можно лететь за эмоцией, словно по светящемуся следу бабочки. Можно протянуть нить между собой и тем, кого любишь и ждёшь.

Но Айен не могла дотянуться ни до Локса, ни до Жанин... Воспоминания о команде были туманными, будто скомканными кем-то специально. От этого становилось тоскливо и страшно.

«Я не хочу больше их *konterompale*. Никаких договоров. Мне слишком больно, я хочу их всех увидеть снова, а не выполнять, как слуга, работу для улучшения жизни».

Так думала леди Ай, держась за тонкое дерево, уносимая ветрищем, в незнакомой Локации. Рядом за фонарный столб ухватился всеми лапами Волк Сновидений. Его прижатые к голове уши и «собачьи брыли» трепетали на ветру чёрно-белыми тряпочками, выглядел он так смешно, что Ай решила непременно нарисовать его таким, когда и если доберётся до блокнота.

Из-за странной воздушной стихии все жители подчинялись строгим правилам поведения и очерёдности в передвижении. Когда ветер успокаивался, в воздухе просто висели торнадо разных размеров, и горожане внимательно за ними следили.

Вот и сейчас, случилось затишье, и Айен осознала, что находится высоко над землёй, а внизу уже столпились люди, среди которых она опознала Стражника, активно занимающегося приставлением лестницы к дереву. Волка ещё и уговаривать пришлось. В итоге он проигнорировал помощь, оскалился на висящие в воздухе торнадо и, к восторгу толпы, просто съехал вниз по столбу.

— Не переживай. Я знаю эту локацию, — хлопнул Ай по плечу Стражник, — будешь учиться управлять водой на чужой территории.

Оказалось, что вода, то есть самое настоящее море, находится в отдельной комнате большого здания мэрии. Здание можно обойти со всех сторон, а комната с морем внутри него — возможно, бесконечная.

Каждый горожанин должен был провести в этой комнате сутки наедине со стихией. Все по-очереди и строго по списку.

Стражник подтолкнул девушку к двери, мол, «твоя очередь, я договорился».

Встретиться со стихией. В чужой локации. Это и будоражило, и внезапно вызывало головную боль.

Белый шум. БЕССТРАШНАЯ АСЯ, ОТКУДА ТЫ ЗНАЕШЬ, ЧТО СМОЖЕШЬ ПРОЛЕТЕТЬ ТАК ДОЛГО?

Чистая, блестящая, голубая вода. Только вот потолка в комнате не было. Как и стен. Что делать тут, Айен никто не объяснил. Море словно заманивало прыгнуть и уплыть.

«Как с тобой договариваться? — Ай потрогала его, — Мокрое».

Во снах море не всегда бывает мокрым. Оно может быть жидким, плотным, густым, сухим, царапающим, кипящим, удушающим. Но для леди сейчас оно было просто «мокрым», потому как задача у неё стоит не только понять, что делать в этой локации, и что от неё хочет Стражник, но и как управлять водой во сне в принципе, чтобы в итоге заполучить «водяные браслетки», которые, как утверждал наяву Дан, помогут ей контролировать свою силу, и, возможно, управлять порталами времени.

«Этот Стражник совсем не такой, как Дан», — Ай нахмурилась, глядя в шумящую даль.

Просто ли сидеть на берегу моря, не понимая, что нужно делать?

«Я не хотела этого всего, но оно в моей жизни всё равно есть».

Море дышало волнами, блестело солнечными искрами и вальяжно растягивалось до горизонта.

Айен так бы и просидела в раздумьях, если бы не маленькое торнадо, учинившее шторм. Тогда девушка поняла, что надо делать. Море просило его понять, войти, так сказать, в положение, и стать частью его, разумной его частью, заметьте. Ведь чтобы чем-то управлять, разум должен быть. А море чаще всего желает быть стихией и жить в едином моменте с бытием, какое уж тут управление.

И леди Ай задышала вместе с волной. На приливе вдох, на отливе выдох. Руки сами тянулись вслед, когда волна уходила. К утру она вымоталась, но смогла не дать морю с торнадо затопить комнату.

Шагнув в открытую дверь она проснулась, так и не успев побеситься с Волком Сновидений, как планировала.

* * *

Проснулась Ай за несколько минут до рассвета. Под крылом Демонического Амелиса тепло и спокойно. Только вот под другим его крылом безмятежно спал и улыбался господин лекарь, лучший мальчик вся деревни, сын маминой подруги.

Прямо над Амелисом в палатке зияла дыра, из неё торчала ветка, упавшая от снега. Рядом в овраге росло несколько деревьев, никто не предположил, что они могут подпортить инвентарь.

В дыру сыпался снег, прямо на лицо Демона. За палаткой по звукам ощущалась буря. С рассветом Амелис лишился тёплых крыльев, но не проснулся, зато очнулся Дан и с каменным лицом высвободился из крепких объятий.

— Как только утихнет буря, собираемся и идём к дороге. Будем ловить телегу, — Распорядился лекарь, стоило только блондину открыть один глаз.

— Угум...

— Недалеко город Дебрин, я знаю, там живёт Космея. Мне ваша матушка рассказала про всех, у кого можно остановиться.

Амелис почему-то не склонен был к разговорам и просто мычал в ответ что-то похожее на «Мхм» или «Угу». Все трое сидели рядышком, пили горячее питьё, что сотворили вместе. Непременно сегодня захотелось Амелису бросить в отвар лимонный базилик, припрятанный из дома, а Госпожа сыпанула в котёл цветков розовой акации, давно засохших в кармане штанов.

Айен гадала, что же случилось с Амелисом, он НИКОГДА не был таким странным. Блондин следил взглядом за Даном, прятал глаза от леди, не смеялся и не шутил.

— Ээй! Чем ты занимался там, пока я усмирляла море? — леди поймала его лицо и глянула в голубые озёра глаз своего Амэ.

«Это что... Паника?»

Зрачки глаз его расширились и сужались в бешеном темпе, он так ничего и не сказал, а лишь вырвался из рук Айен и бросился вон из палатки.

«Ей точно нельзя об этом знать. По крайней мере пока... — Амелис прыгнул в снег, как лисичка, лицом вперёд, продолжая говорить сам с собой, — Рану на его руке она и не заметила. Собачья Мать! Как я мог??? Так некрасиво повздорил с лекарем и укусил руку, которая кормит и лечит... Как я мог?! Я негодяй. МНЕ НЕЛЬЗЯ БЫЛО ЭТО ДЕЛАТЬ. Рана почему-то не осталась во сне... он вынес её из сна? Или есть такие вещи, которые по любому выйдут из сна? Это опасно. Мне так нужен твой совет, мама...»

— Я просто резвился в снегу, — мрачно сообщил Амелис, вернувшись в палатку.

Когда настало время собирать вещи и уходить, блондин поймал момент, когда Ай вышла, схватил Дана за плечо и развернул его к себе.

— Прости меня. Я не знал, что рана останется. Мне не следовало... — вдруг волна чувств накрыла Амэ с головой. Дружба, любовь, преданность, нежность. Он зажмурил глаза, закусил губу и прижал офигевшего лекаря к груди.

Даниэль отсчитал пятнадцать секунд и, мягко высвободившись, молча вышел, оставив Амелиса одного собирать вещи.

— Что с ним? — тревожно спросила Айен.

Дан неопределённо дёрнул плечами, он и сам хотел бы знать.

Спустя некоторое время Амелис всё-таки вышел, резво стрёб палатку в аккуратный прямоугольник с лямками и укутал живот подруги в дополнительную одежду демона, чтобы не простудить «женские яйца», как он говорил о яичниках.

* * *

Чем ближе к дороге, тем тише ветер, и тем больше поднималось настроение. А когда удалось поймать крытую телегу и ехать в комфорте с людьми, то и поговорить с ними было за счастье. Но главное — это всё-таки слушать.

— Представляете, молодой Лорд не послал Железных Птиц к Аз-Тархани, а заявился туда сам! Прилетел, покружил сверху, говорят, поглядел на город, что он цел, и высыпал на город тонну лепестков роз. И след его простыл!

— Ну надо же! Какой романтичный!

— Да не романтичный, а со странностями. С тех пор, как старый Лорд умер, творится чёрт знает что. Всё летает молодой Лорд, ищет чего-то. Говорят, ищет девчонку-колдунью, хочет подле себя как собачонку держать.

— Ага, слышал ещё, что она из деревни какой-то захудалой сбежала, когда туда господин нагрязнул. Сама-то деревня что, а вот солдаты легиона рассказывали, что лес там у деревни странный, светящийся, вот-те крест! Туда страшно было заходить, всё песни оттуда заунывные да пугающие доносились. Вроде как колдунья уходя, околдовала лес-то.

— Да ну...

— А какая она, колдунья-то?

— Девчонка, говорят. Всё время меняет внешность свою, поэтому запомнить её никто не может. С нею один красавец околдованный путешествует, истинно бог. Говорят, она его в сексуальном плену держит.

— Ого как. И зачем Лорду она нужна? Ещё и его в рабство околдует. Тьфу!

«Вот как, — поглядела Ай насмешливо на Амелиса, — ты у меня в секс-рабстве, парень, понял! А ну принимай к сведению!»

«Госпожа! Я лично выдам вам хлыст», — наконец улыбнулся Амелис, сжимая руку Айен.

«Блиин... а про меня даже сплетен нет... Будто меня и не заметили, — приуныл Дан. Впрочем, это к лучшему. Ищут двоих. А нас трое».

Лирическая зоологическая ремарка. К сюжету отношение имеет.

Сцена вторая. Комната рассказчика, без окон, с одной дверью. За дверью —

Свидетель Мохнатого Зверя, со скрипом отворяя дверь, он глядит на рассказчика.

Тот улыбается и приглашает Свидетеля войти.

— Конечно, дорогой, тебе нужны подробности. Я знаю, что тебя интересует. Хоть он и становится громадным Демоном, хоть он и любит внимание публики, но ещё в детстве получил топором по жопе от своей подружки.

Амелис рос в тепле и довольствии, всегда сытый красивый любимый мальчик. Но мать его — кузнец. Лучший кузнец по всей округе. Представляете эту женщину, с нежными, но строгими чертами лица, мощными бицепсами, в пылу кузни творящей лучшее оружие воинам? Она воспитывала сына так, как ковала мечи — контролируя силу, внимательно, точно желая видеть тот результат, о коем думала, собирая материал. И сын стал лучшим её мечом. Он встрянет лишь туда, куда вселенная уверенно его направляет. А если происходят события с сомнениями, то силы подачи не хватит, чтобы довести острие до блуждающей цели. В отношениях с Ай он был аккуратен и внимателен, словно скрестил свой клинок с её в дружеском спарринге.

Айен получила в детстве опыт жизни в Военном Городке, холод, голод, лишения, и это не сломило, а закалило её характер. Во снах она стала лидером команды. По приезду в теплую деревню, — Ай с Амелисом не разлей вода. Он тянется к ней, потому что она похожа по сути на его мать, она к нему — потому что мальчик единственный, кто выдерживает её тяжелый характер и всё равно приходит играть.

Он может победить толпу воинов, встряхнуть волосами под восхищенные ахи толпы и ускакать в поле искать цветков для Айен.

Она может долгое время сидеть в лесу в одиночестве, но именно Амелис станет тем, кого она будет искать для компании.

Определённо, он лично выдал бы ей хлыст, его это не пугает. Когда нужно, он сам становится хлыстом, может смеяться и подтрунивать над ней, защищать её, хотя леди и сама прекрасно владеет мечом.

— И топором... — заискивающе прищёптывает читатель.

— И топором, — соглашаюсь я. Тот удар он получил за чрезмерные шутки над Леди в период кровавых дней, и так ему и надо. Он с гордостью готов показать свой шрам, ибо урок выучил на всю жизнь.

Телегу сильно дёрнуло на кочке, леди Ай прижалась к Амелису и уже не захотела отстраняться.

«Просто греются», — отчаянно приуныл Дан ещё немного.

А потом он думал кое о чём. Все в телеге замолчали и, наверное, представляли сексуальное рабство красавчика у ведьмы, возможно, с будущим участием молодого Лорда.

— А Лорд, говорят, тоже очень красив!

И снова все затихли, предавшись размышлениям.

— А может он не ведьму ищет, а этого красавчика?

Немного удивленных возгласов, и снова повисла тишина.

Так и доехали, в совершенно нецензурной обстановке мыслей. Дан пулей выскочил из телеги и резко направился в переулки, словно жил здесь всю жизнь.

За ним едва поспевали, даже несмотря на вес рюкзака двигался он очень быстро и через четверть часа уже нашёл обиталище Космеи, старшей сестры леди Ай.

Дверь открыла рыжая женщина, сразу впустила всех в скромный дом, ничего не спрашивала и поспешила накипятить воды.

Доброта Космеи не знала границ, у неё прятались сбежавшие от хозяев дети-светлячки и одна грустная женщина.

— У меня негласный приют для девочек, попавших в беду. Как же можно бросить. Никак нельзя.

Сёстры долго обнимались и плакали. Пока не встал Дан и не сообщил вежливым, но не требующим возражений голосом, что теснить детей ночью не сможет, поэтому сейчас пойдёт договориться о ночёвке в трактире неподалеку.

Амелис же развесил вещи свои и Ай просушить перед камином, выпил чего-то горячего и сел зашивать палатку, раз есть время.

Космея рассказывала, что Ледяные Холмы, среди которых живёт старик Маг времени, по легендам, блуждающие. Так, чтобы на карте их нарисовать — было дело, но все рисовали разные места. А так да, они тут рядом, за городом, где начинается Долина Холмовья.

Так что искать мастера, что научит Ай управляться с порталами, будем уже на днях!

Когда рассказали почти всё и даже про молодость мамы, вернулся Дан и вежливо попросил всех расходиться, ибо вечер скоро, а у нас ещё баня по расписанию.

Минуточку. Баня???

— Определённо, нам всем уже следует принять банные процедуры, леди Айен это пойдет на пользу. Я нашёл купальни неподалёку, это чистая удача, — будничным тоном рассказал господин лекарь, натянув на лицо скупую маску «сына маминой подруги».

Сёстры поджали губы, припомнив сразу всё из детства, где они были в чём-то «хуже», чем этот гений...во всём, можно сказать.

— Ещё увидимся, сестрёнка! — рыжий ангел прикрыл за собой дверь и плотно задёрнул тёмные шторы.

Купальни выглядели шикарно. Большой особняк, из труб которого валил ароматный пар. Трое стояли, задрав головы, словно этот пар волшебным образом уже расслабляет их уставшие тела.

Вообще-то это было весьма рискованно. Бани-то женские отдельно, мужские отдельно. А если с Леди Ай случится временной портал? Но помыться в этих волшебных бассейнах хотелось до невозможности. Любые доводы разума отвергались, и все махнули рукой, понадеясь на авось.

Оказалось, что зимой в бани девушек ходит гораздо меньше, чем мужчин, поэтому Айен плавала в купальне совершенно одна, наслаждаясь тишиной. К тому же, при заявлении о месячных днях, девушке всё равно выделялся

отдельный персональный бассейн с необходимыми травами, снимающими мышечные спазмы.

В воде сразу стали чувствительны царапины, которые Демон ей оставлял по ночам регулярно, не в силах справиться с желанием сжать Леди в объятиях. Даже дыхание подчинения не особо решило эту проблему. Силу когтей Амелис всё равно ещё не контролировал на все сто процентов. Айен ничего не говорила парням, чтобы не будоражить снова их отношения.

«Кстати, об их отношениях. Что же между ними произошло?»

Обняв себя за оцарапанные плечи Ай улыбалась. Амелис такой милый, невозможно не любить его. Особенно в последнее время, когда он по ночам стал активнее проявлять к ней свои чувства, чего раньше очень стеснялся. «Демонизм в итоге пошёл ему на пользу, — подумалось Ай, — хотя... В первые ночи с ним было трудно. Но Дан уникам, потрясающе приручил такого страшного Зверя! Дедушка Виктор бы гордился им».

В телеге, пока ехали, Амелис совершенно бесстыдно забрался рукой под одежды Леди и поглаживал её голую спину, от лопаток до ямки над ягодицами. Айен горела огнём, как хотела, чтобы тогда в телеге исчезли все, кроме него.

И сегодня ночью этот прекрасный Демон снова будет рядом.

«Хлыст?...»

Воображение Айен наполнилось чем-то любопытным. Над купальней с травами стояли клубы ароматного пара.

Тем временем в мужской части бани несколько мужиков скромно мылось, разбросанные по бассейну, как резиновые уточки. Дан тщательно намыливал голову, словно хотел стереть кожу.

Амелис, широко раскинув руки стоял перед бассейном. Определённо, банные процедуры в приятной компании улучшили его настроение до отметки «всё просто офигенно!»

— Современники! Не лишайте себя удовольствия окунуться в пучину радости изо всех сил! Я вас научу наслаждаться таким количеством воды, собранном в одном месте.

Далее последовал бросок прекрасного тела в воду, яростные ныряния и сатанинский хохот.

Из скопления нескольких мылящихся мужиков прозвучало тихое одиночное матерное оскорбление.

Из-за ширмы появилась озабоченная физиономия управляющего.

— Благословенен хозяин сия заведения! — возопил Амелис, широко улыбаясь.

Физиономия удовлетворенно скрылась.

Мыла на радостях оказалось так много, что всё лицо Дана было в нём. На ощупь он понял, где край бассейна, и нырнул в него. Но вот не мог он предугадать, что в это время как раз под водой будет разворачиваться, в попытках изобразить дельфина, Амелис.

Головой Дан упёрся прямо в мускулистые ягодицы. От ужаса открыв глаза он во всех подробностях увидел тот самый шрам от топора.

Немного возни в воде и два дельфина посмотрели друг на друга. В воздухе запахло грозой. Мужики в углу засуетились, дескать, нам пора, мы наверное пойдем, уже помылись и хватит.

— Стоять! — завопил пунцовый лекарь, — всем мыться, как раньше.

Мужики послушно взяли в руки куски мыла и по второму разу дружно намылились.

Амелис вдруг похабно улыбнулся и зашёлся в хохоте.

Из-за ширмы появилась озабоченная физиономия управляющего.

— Он видел мой шрам! — первым делом сообщил сатана своей леди.

За его спиной показался покрасневшийся Дан.

«Это от горячей воды, а не то, что вы подумали. Мало ли я задниц видал в своей жизни? Я лекарь, мать вашу, я уколы в жопу делаю всем без разбору. Хотите докажу? Давайте свою!»

Расплатившись за бани, троица удалилась в трактир, чтобы расположиться и переодеться до заката.

Комнатка была маленькой, две кровати дружно сдвинули, а на третьей, отдельной, предполагалось, будет спать Дан. Но чаще всего Демон «берёт под крыло» обоих и спит с ними, крепко держа руками и обнимая крыльями. Для этого двух кроватей хватит. Третья постель находилась ещё в стадии отрицания.

Чтобы предупредить и заранее предотвратить возможный разврат, помятуя разговорчики в телеге, Дан заварил нужный порошок и всё ж напоил Амелиса, якобы, для лучшей концентрации при дыхании подчинения, а на самом деле, для снижения эрекции, ибо не дай бог, что взбрѣдет в голову этому вымытому сатане.

Зря или не зря он это сделал?

Оперившись, Амелис смотрел на Госпожу блестящими чёрными глазами. И всё таки протянул лапищу к её лицу, нежно погладил щеку пальцем. Губы нашли её губы и поцелуй всё-таки свершился, прямо на глазах похолодевшего лекаря.

Но на этом весь разврат и закончился. Демон вздохнул, почему-то отчаянно зыркнул на Дана, да так, что у того зашевелились волосы на затылке, и сразу замурчал свою сонную песнь, прикрыв глаза с длинными ресницами, даже не предпринимая попытки подебоширить.

«Любимый мой пёстро-лоскутный рынок!» — обрадовалась леди Айен знакомой локации. Все продавцы знали её, здоровались с ней, давали пробовать леденцы ручной работы, мороженое, предлагали одежду.

В платье цвета розовый пюс в мелкий цветочек, босиком, Айен была абсолютно счастлива здесь. Она шла меж узких рядов, с платком на плечах, подаренным улыбчивой бабушкой, с конфетой в руке. «Где же мой Волчище?»

В небе вихрем закручивались цветки вишни и абрикоса.

— Как это прекрасно! — закружилась в танце Ай и не сразу заметила, как несколько торговков ушли со своих мест, показывая пальцем в сторону заката, повторяя: «Стихия идёт! Стихия всё сметёт на своём пути! Берегись, маленькая леди!»

«А чего же её бояться?», — подумалось Ай. Она недавно училась быть с морем на ты. Очень захотелось понять, что же так испугались почтенные женщины.

Гаражи закрывали обзор заката. Пришлось влезть на цветущую вишню и наконец увидеть.

Невероятных размеров светло-бирюзовую волну, что неспешно надвигалась на локацию. От неё шёл такой восторг и ужас одновременно, что Айен не могла разобраться в своих чувствах. Конечно, управлять такой громадиной сразу она не сможет. Лепестки сыпались и уносились ветром, солнце сияло короной, пряча румяные свои щёки в неотвратимое.

Внизу под деревом стоял мужчина в чёрном костюме и шляпе. За руку он держал мальчика лет шести, в белой рубашечке и шортиках на подтяжках.

— Спускайся к нам! — просил малыш, протягивая свободную руку к Айен.

— Нее, я лучше тут посижу! — отвечала Ай.

Почему от этой волны не хочется бежать?

«А чего мне бояться неизбежного? Да, говорят, я дурной и отчаянный, типа псих, да? Но на самом деле, Ася... Почему я должен бояться того, что мне всего лишь снится? Даже если оно очень качественно снится, даже если это реальность, что с того? Неизбежное или убьёт меня, или я стану победителем», — так говорил Локс.

По телу побежали мурашки. «Пусть приходит волна, пусть снесёт. Я никуда не уйду».

Но волна двигалась словно в замедленном кино и никак не хотела прямо сейчас сносить локацию Айен.

Глава 16. В которой Айен строит новый мир, Амелис берёт в руки перо, а Дану становится стыдно

Дан проснулся самым первым, и в кои-то веки на отдельной постели. Демон обнимал госпожу достаточно целомудренно.

«Милая моя девочка. Такс... Это что?»

На плече леди отчётливо красовались глубокие царапины от когтей.

«Она ему позволяет и прощает эту неосторожность», — ужаснулся лекарь.

Когда чужую любовь можно рассмотреть вот так близко, и при этом ничего невоз... Минутку! Что за нелепое отчаянье? Конечно, что-то определённо можно сделать.

1. Заставить Госпожу показать все царапины.

2. Тренировать это зверьё быть нежным.

От этих простых решений Дану стало ещё хуже, сердце сжалось.

«Я могу только рассчитывать на свидание с ней в дневном сне, когда Он не может спать». Дан схватился за лоб и рука скользнула по испарине.

«Как бы устроить это».

«Так, стоп. Хватит так загоняться. Нужно думать о том, как её защитить от Лорда. «А любовь всё живёт в моём сердце больном», — как любил петь дед Виктор. А я может вообще сейчас агонизирую в снежной пурге, и этого всего не происходит».x

Смотреть на кровать не было уже никаких моральных сил, остались одни аморальные, поэтому Дан ушёл вниз договариваться о завтраке.

Рассвет проник в окна, скользнул по волосам Айен и остался наблюдать. Волосы девушки, словно перебираемые незримым колдуном, волной сменили несколько цветов и остались золотистыми. Перья постепенно таяли на безупречной коже Амелиса, открывая лишь ключицы и одно плечо, ибо остальное всё закрыто одеждой, к сожалению. Но рассвету хватило и этого.

Дан задержался внизу в трактире. Он, конечно же, не считал леди Айен «своей» девушкой, но воспоминания о чувствах, что были между ними во снах, терзали его. Стыд, ревность, страсть, горечь, — да его просто разрывало от эмоций, которые нужно было тщательно скрывать, ведь леди Ай всё забыла.

«И, наверное, хорошо, что забыла...», — утешал себя парень.

Просто пить утренний кофе из громадной пивной кружки, что может быть лучше, когда прекрасное утро случилось не с тобой?

Трактирщик открыл ставни, впусив пыльный свет в заведение. Дан ощутил тепло и повернулся к солнцу.

Если бы кто видел его сейчас, то подумал бы, что парень сын бога Митры, не иначе. Древние верили, что Митра при рождении вышел из скалы, вооружённый ножом и факелом, и являл собою свет. Вот таков был и Дан.

Он превосходно метал ножи и мог добыть свет из тьмы при любых условиях жизни. А что в это время происходило в его душе, никому было не ведомо. Выживать он учился и практиковал. Но то, что хладнокровие выстилается обычно на задавленных своими же собственными руками живых сильных чувствах, никому не показывалось.

Даже знакомство с ним или счастье быть его пациентом не давало никому ни права, ни разрешения знать о нём больше, чем он расскажет.

Однажды (нет, не единожды, кстати), он поранился во время изготовления метательного ножа. Сделал обезболивание алкоголем внутрь, огнём снаружи и зашил себе рану на ноге. Несколько дней чувствовал себя «не очень». То есть, вот если у вас оторвалась голова, и вы такие приходите к нему, мол, смотри, Дан, вот, висит моя голова на ниточке, что делать, скорую вызывать или пластырем заклеить? А он пришьёт вам её обратно и расскажет, как за швом ухаживать и какие уколы в жопу колоть.

Наверху послышался топот, и пыль из старых досок, медленно вальсируя в золотистом свете, спустилась в опустошённую кружку.

Поднявшись в комнату, Дан увернулся от меча, присел, отклонился, сделал три шага и уместился на подоконник, словно всё так и задумывалось.

Айен и Амелис тренировались с мечами, хорошо, что мебели в комнате было немного.

— Нам надо купить фотоаппарат, — неожиданно сообщила леди, — Сделать ночью снимки для твоей тётушки. А то дама будет грустить!

Дан поднял бровь.

Амелис, делая рискованный выпад:

— Госпожа Айен, ты уверена, что хочешь показать мою подноготную этой почтенной женщине?

Они скрестили клинки очень близко.

— Конечно! Пока без хлыста!

Дан закатил глаза.

Амелис под напором Ай прижался к стене, сделал рывок и откинул её на середину комнаты.

— А ты сегодня в хорошей форме, моя леди.

Девушка, отдышалась и опустила меч:

— Ты тоже, мой цветочек.

Дан впервые услышал, чтобы Айен его так называла. Когда-то был вроде разговор про имя, что назван Амелис в честь редкого цветка, но такое обращение прилюдно было сказано впервые.

После разминки Леди принудили-таки показать свои царапины, отчего Демон был пристыжен и виноват за содеянное, а все ранки лекарь нежно смазал специальной мазью из крохотной баночки.

Вниз итак спустились кушать молчаливые, так Дан ещё и сообщил будничным тоном, что после завтрака планирует осмотреть Госпожу на предмет новых родинок.

Амелис поперхнулся супом. Пришлось снова объяснять про «тропинку звёзд» для поиска амулета.

— Ну и как это использовать конкретнее-то? — не выдержал парень.

— В каждом городе я хожу в библиотеки и ищу Книгу Троп. Но пока не нашёл.

— А может, мне поискать во сне? — встряла Айен.

Дан не моргая уставился на леди.

— Да, поищи. Действительно. Вот сегодня ночью и поищи. А лучше днём.

— Но я выпалась.

Амелис исподлобья глянул на Дана.

«Что за наглость? Знает ведь, что днём из меня сноходца не выйдет, не умею я ещё в сон падать, не став Демоном. Хочет с ней побыть без меня», — блондин сжал челюсти и раскусил ложку пополам.

— Тааак, вы закончили есть? Пойдёмте в город, поторопимся, надо успеть купить фотоаппарат, — перевёл внимание лекарь от своей дерзости, которую понял лишь ночной Демон.

До вечера троица слонялась по городку Дебрину, Айен училась фотографировать, Амелис, конечно, позировал. Несколько раз парней удалось запечатлеть вместе.

Примерно вот как это выглядело:

Кадр 1. Мрачный Дан стоит у дерева. Амелис в состоянии нападения обнимает его за шею.

Кадр 2. Дан закатывает глаза, Амелис выглядывает из-под его плаща сбоку.

Кадр 3. Дан мученически смеётся, потому что Амелис напал и щекочет его.

Кадр 4. Амелис позировает, глядя вдаль, волосы его развеваются на ветру, с краю в кадре (не зная того) находится Дан, глядя на Амелиса острым взглядом из-под полуприкрытых глаз.

К ночи Демон был продышан всей компанией, и во время фотосессии дышали все синхронно, что постороннему примерещился бы вызов Аццкого Сотоны.

Но получилось всё потому, что Айен купила днем плётку.

Демона не пришлось стегать, боже упаси. Но при виде хлыста он делал такие удивлённые невинные глаза и соглашался на всё, что говорит Госпожа. Так получились фотографии, на коих, если рассматривать подряд и быстро, можно было увидеть движение обнажённого чёрного крылатого Демона, который поворачивается из позы «к вам спиной» в позу «в пол-оборота», и с закрытыми крыльями, и с раскрытыми, и с демонстрацией бицепсов рук, но во всех случаях интимное место оказывалось прикрыто, то бедром, то крылом, то рукой.

Тётушка, когда получила карточки и просмотрела их все по много раз, бегала по дому и обтиралась мокрыми полотенцами.

— Святые негодники!!

* * *

Улеглись спать лишь под утро. А для Дана это значило, что Волк Сновидений пробудет с Айен во сне совсем недолго, лишь до рассвета.

Перед самым засыпанием в комнате открылся портал времени и оттуда выпало лассо, которым ловят Железных Птиц. Неожиданный вброс, но ясно только одно: когда-то они столкнутся с Ловцами, такими специальными ребятами, использующими пыточные инструменты для отлова сошедших с ума механических Птиц.

Сегодня в первой части сна Дан обернулся Стариком-Мастером и обучал леди строить островки и мосты между ними в пределах одной локации. Волк демонстрировал гигантские прыжки между островами, как бы

показывая на бессмысленность урока, но об ноги Мастера тёрся слишком уж часто, что сама Ай заметила:

— Дедушка, кажется, моё тотемное животное полюбило вас! Хочешь остаться с Мастером, да? — девушка почесала Амелиса за ушком, тот заскулил, но всё-таки растаял, потеряв демонический облик с первыми лучами солнца.

Архитектор локаций тоже не остался надолго, попросившись с ученицей, он исчез в глубине сно-миров. Спустя пару мгновений леди ощутила приближение эмоционального поля Стражника.

— Идём со мной! — сходу предложил он, — я нашёл прекрасную локацию с набережной!

— Слушай... Я вспомнила! Мне нужна книга Троп. Слыхал про такую? Карта звёзд по моим родинкам уже составлена, — не особо надеясь на реальную помощь, спросила девушка.

— В снотворческом пространстве есть места общественного пользования, — задумчиво проговорил парень, — Библиотека, архив Локаций. Вот в архиве есть древняя Локация Поиска артефакта. Туда следует приходиться с картой звёзд твоего тела и накладывать на карту поиска из Книги Троп.

— Ты маг? У тебя есть амулет? Ты тоже его искал по такой карте? — сыпала вопросами Ай, развернувшись к Стражнику.

Тот опустил глаза.

— Да. Есть.

— Покажи!!!

Парень засмутился, завёл длинную светлую прядь за ухо и вытянул руки, держась за перила набережной.

— Нннет. Всё-таки амулет вещь таинственная. Вдруг пропадёт, если покажу тебе?

Истинная причина такого отказа была, конечно иная. Амулет Стражника — метательный нож с гравировкой Плавучего Причала. Если Айен увидит его, то догадается, кто он такой, уж слишком много совпадений.

— Мы найдём книгу, — заверил парень, — Нужна актуальная карта твоего тела. Когда в последний раз всё проверяла?

— Планировали сегодня, но много было дел... и это немного неудобно, в последнее время.

Стражник поднял бровь. Айен нервно дёрнула перила и вырвала их из бетона.

Железные трубы, падая вниз, рассыпались в пыль.

— Мой волк очень ревнивый, когда становится Демоном. Вот так-то.

В это мгновение Дан явственно ощутил, что там, наяву, его хотят разбудить. Ну блин, точно же! Проснувшийся Амелис понимает, что она осталась во сне с лекарем, и хочет помешать. Стражник сосредоточился, зажмурился, сжал кулаки, и ещё явственней ощутил: этот демонический засранец взял в руки перо для писем и щекочет сейчас спящего Дана во всех доступных местах.

Пообещав себе придумать жуткую месть, парень дёрнулся мурашками и предложил:

— А давай-ка создадим тебе личную Локацию?

Айен, единственная ученица Мастера Создающего Миры, великого Архитектора (кстати, тоже Дана) радостно кивнула:

— Я даже начала такую делать, могу показать тебе, летим!

Над морем. Отражаясь в нём.

До материка они летели около часа. Дан, затаив дыхание, глядел на прекрасное создание. Новый мир его Аси. Невероятный, живой, тёплый мир. Остров с высокими скалистыми берегами, рекой и набережной.

Жёлтый песчаник, гладкие бульжники, словно булочки разных габаритов составляли горную часть ландшафта. Прямо в скалах созданы жилища. Крыш не видно, потому что они выглядят как часть горы, покрытые мхом, с цветущими кустами и редкими красивыми цветочками.

— Это амелисы.

Леди нежно потрогала голубые лепестки и улыбнулась.

Повернув голову она глянула на Стражника, сияя мечтами. А его была крупная дрожь.

Там, наяву, Амелис расстегнул ему рубашку и щекотал кончиком пера пупочную ямку.

«Я его убью».

Свою Леди будить он не рискнёт ни за что на свете, а то получит хлыстом. А вот пробудить лекаришку, это за счастье, нечего с его Госпожой им самим притворяться, а то мало ли что у него там в голове его лекарской делается???

— Мне надо на пять минут отлучиться, у меня наяву проблемы, я скоро! Как мне сюда вернуться?

Ай протянула ему цветок.

— Он приведет тебя.

Сначала был удар в улыбающуюся челюсть Амелиса, и только после — открытие глаз. Дан резко сел на кровати.

— Что ты творишь, зверьё? Мы ищем книгу «Троп», ради всех Богов, вспомни о человечности!

— Искать будем вместе, почему нет? — Амелис состроил обиженную мину.

— Мы уже почти у цели, прошу тебя! — отчаянно прошептал лекарь, конечно, он слегка привирал, но это был его единственный шанс побыть с леди наедине.

Блондин недовольно сложил руки на груди.

— У тебя десять минут. Мне без вас скучно.

Амелис отвернулся, но перо из рук не выпустил.

Дан лихорадочно схватился за живот, ибо тело отреагировало на такую щекотку весьма недвусмысленно, отчего неловкость момента просто зашкаливала. «Да что он тут делал со мной?»

Руки дрожали, но он изо всех своих медицинских сил воткнул себе иглы в нужные точки и рухнул в сон.

* * *

Перед тем, как прийти к Айен, лекарь перелистал свои Локации, как страницы огромной книги, быстро нашёл библиотеку и шагнул в неё.

Полутьма и тишина, как обычно. Локация Поиска Артефакта была спрятана в форме свитка, перевязанного красной тесьмой.

Свиток отправился под рубашку, уходя, Дан заметил (или показалось?), что на полке Легенд что-то поменялось, но времени было крайне мало, поэтому решил в другой раз проверить, что как.

Цветок светился, нужно было лишь потянуться к нему сознанием — и ты на месте. Айен уже создавала комнаты в своём доме.

— Мастер бы гордился тобой! — улыбнулся Стражник, осматриваясь. Широкая кровать, ростовое зеркало, кирпично-красная стена переходила в голубой коридор, окно во всю стену открывало горный пейзаж.

— Интересно, а можно ли тут создать людей? — задумалась Ай, глядя на себя и Стражника в зеркало.

— В общем, да, конечно, можно. Даже больше скажу, люди могут тут сами появиться, когда Локацию ты осознаешь, как законченную.

Во сне можно растягивать время пребывания в Локации, поэтому «десять разрешённых минут» Дан изо всех сил растянул на целые сутки с Айен.

Они бегали по созданному дому, потом вместе придумывали реку и мост через неё, набережную, мостовую с блестящими цветными булыжниками, фонари от мастеров кузнечного дела с красивой ковкой и солнечными лампочками, магазинчики.

Цветочный лоток, булочная, магазин юбок, оружейная, ювелирная, аптека. Спустился пьянящий вечер, и к удивлению создателей, на улицах появилась парочка художников, ребёнок, бегущий за мелкой собачкой, на крыше оружейной возник рыжий кот, и наконец зажглись фонари.

Айен бегала, раскинув руки и смеялась.

Белый шум. Я НИКОГДА НЕ СМОГУ ЗАБЫТЬ ТЕБЯ, НЕ ДЕЛАЙ ЭТОГО

Стражник шёл позади, улыбался и наслаждался ухваченным счастьем, здесь и сейчас. До и после, конечно, агония в снежной пурге. Но только не сейчас. Только не сейчас!!!

Ай обернулась и обняла его, от переизбытка чувств случился поцелуй, на который Дан не задумываясь ответил, обняв её крепко, как только мог. Словно боялся, что это всё миг, смерть его уже наступила, и только эта секунда в его воображении — это разум хватается за нереальное счастье перед тем, как исчезнуть навсегда.

Близость Айен взбудоражила его не на шутку, и не сразу пришло осознание, что он возбужден и там, наяву, и плюс ко всему, чудовище снова взялось за перо.

Амелис был не в силах смотреть на такого счастливого лекаря в последние оговоренные минуты, но раз дал слово, держал. Как только они истекли, перо снова пошло в ход. Но чёртов лекарь не просыпался!!! Даже несмотря на откровенное сексуальное возбуждение, видимое через одежду, и учащенное его дыхание, и румянец! Румянец на его обычно бледных щеках!

Ревнивец припомнил несколько матерных выражений, но, не привыкший их употреблять, тихохонько, чтоб не разбудить Леди, зашипел:

— Негодный лекарь вводит меня в искушение на причинение особо тяжких повреждений... если бы его не просила не бить моя Ай, я бы его уже давно скрутил в рогалик... костлявый дурнопахнущий рогалик!

Поверьте мне на слово, это были сильные ругательства от Амелиса. Тем не менее, он принялся гладить взъерошенные волосы лекаря, наматывать его чёлку себе на пальцы, даже нежно трогал его родинки и шрам на виске, ловя себя на мысли, что «сожрать его целиком» — вот верное решение проблемы.

— Просыпайся, иначе я тебе кишки выверну, — голос проник в сон Стражника и он растаял в объятиях Госпожи, очнувшись на кровати.

Дан в шоке лицезрел на свое состояние, на сдвинутые брови Сатаны с пером и на улыбающуюся во сне Леди. Застала их Ай уже дерущихся, лекарь крепко держал болевым захватом Амелиса, кружева рубашки грустными клочьями почивали на полу.

Айен было жаль рубашку.

* * *

Увидев, что Леди глядит на них, драку свернули до лучших времен.

— Дан, осмотри мои родинки, пожалуйста, мне нужна актуальная карта к ночи. Мы с Амелисом пойдём в следующем сне в локацию поиска артефакта.

— Амэ, а ты выйди. Иначе я подерусь с тобой. И накинь капюшон, ты слишком заметен.

Вот так, под триумфальное раскрасневшееся лицо лекаря красавчик был изгнан на два часа в город, с просьбой разузнать о передвижениях Лорда и его личного отряда. Блондин собрал клочки рубашки с пола, почему-то высокомерно вскинул голову, выдал жест «я гляжу за тобой, глаза в глаза» и удалился.

По истечению времени в комнату вошёл снежный человек и голосом Амелиса сообщил:

— По слухам, Молодой Лорд — та ещё бешеная макака. Он появляется на заседаниях Палаты Лордов внезапно, может и не прилететь, если вопрос, по его мнению — фигня. Сегодня говорят, что он сжёг какой-то остров, изверг, чесслово. Так что он далековато, а мы в глубине континента.

Из снежной шубы вышел Амелис, встал на одно колено и поцеловал руку Госпоже.

— Моя Леди, я вернулся. Этот извращенец не настаивал на проверке родинок внутри вашего тела?

Дан открыл окно, снежинки впорхнули вместе с ветром, став украшением целого молодого мужчины ростом 177 см, с головы до ног.

«Мужчина — это я, — подумал Даниэль, — и если сравнивать рост с Этим зверем, то да, он меня выше. На целых 11 см выше».

На полу в углу лежали звёздные карты и злополучное перо. До вечера ещё много времени. Решено было побродить по городу, поспрашивать народ о странном дедульке, возможно, колдуне. Как ещё разузнать, где прячется Мастер Времени, если не на ярмарке, да по трактирам?

Площадь хорошо очистили от снега и торговцы предлагали буквально всё: от покушать до сходить в туалет.

Айен трескала пирожки с мясом, Амелис сходил с ума по леденцам из засахаренных груш, Дан присматривался к ножам и диковинным наконечникам стрел, аппетита у него не было.

Палатка с предсказателем будущего, привлекла их, без сомнения. Хотя и написано было «заходить по одному», дневной сатана с непререкаемым лицом вошёл вместе с Госпожой.

Опустив монетки в горшочек, девушка скомкала бумагу и подожгла её от факела. Бумага горела, отбрасывая тень на стену, дед-предсказатель чесал бородёнку и вещал:

— Ты приглянулась высокопоставленному господину, но женою его не станешь. Будет скоро опасность, но спасет тебя твоя же душа, что разделила ты на многие части. Птица не клюнет ту, что кормила с руки.

Выйдя на яркий свет Амелис даже не зажмурился, лишь резко уменьшились его зрачки в пристальном взгляде на Дана: «Он случаем не высокопоставленный? Хотя то про Лорда скорее всего».

Дана не удалось затащить к предсказателю, ибо что возразить этому Льду во плоти на: «Я сам решаю свою судьбу. Что там интерпретирует чужой человек по тени от горящей бумажки, не моя забота, ещё деньги за эту хтонь платить».

Проходя по ряду с украшениями, Айен обратила внимание на впечатанные в смолу её же собственные ледяные незабудки. Продавали их как редкое колдовство, увековеченное в янтаре. Дед с длинными бровями, усами и бородёнкой вскидывал трясущиеся руки к небу и вещал:

— Многие тогда растаяли, спустя две луны, а эти удалось сохранить. Приносят удачу в любви и защищают любимых! Говорят, что такое украшение носит сам молодой Лорд!

Айен вдруг почувствовала себя, как на ладони. Будто Лорд просто знает всё, где она, с кем, что делает и куда собирается. Даже носит её незабудку.

Всё под его контролем, будто он просто выжидает нужный ему момент, чтобы напасть.

Серый шум. ТЫ НИКОГДА НЕ ИЗБАВИШЬСЯ ОТ НИХ, ИХ ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ ПОЛЯ НАВЕЧНО В ТВОЕЙ ПАМЯТИ

Внезапная паника была прекращена волевым усилием.

«Даже когда о тебе знают все, и сидят в твоей голове на твоих мозгах, ты можешь сбросить их и уйти, сказав: с

меня довольно», — так говорил Локс. С ним никогда не было страшно, а вот без него так одиноко.

Отговорили Амелиса от покупки коней. Ну как отговорили. Дан оттащил его как дитя малого из конюшни, целующего лошабочек.

— Нам не придётся тащить все эти вещи на себе! — вопил Демон, — Может хотя бы телегу с одним конём купим, а?

— Нет.

— Айен, скажи ему, я ж дело говорю!

— Нет, — вторила лекарю Леди, — Дан лучше знает, как скрываться, а тебе лишь бы показуху устроить.

К ночи Амелис трепетно разложил на кровати добычу: леденцы из грушевого пюре в форме лошадок.

— Да что вы понимаете в радости. Я может чую, что скоро будет что-то тревожное, мне надо коней и сладкого. И вообще я бешусь, хочу вырвать Дану руки, но и другое тоже хочу. Он мне всё-таки очень нравится.

Лекарь вздрогнул от такого откровенного признания, но промолчал.

Зато Госпожа обняла своего цветочка за шею и зашептала:

— Он тебя лечил и перевязки делал, стыдно непочтительно относиться к Лекарю. Руки у него золотые!

Остаток вечера до заката Дан посвятил воспоминаниям о поцелуе, закрывая глаза и мстительно думая, что его мечты у него никто не сможет отнять.

(Кстати, жаль, конечно, но ошибается).

Госпожа вынула хлыст из-за пояса и положила его на кровать.

Амелис склонил голову набок, изо рта торчала палочка леденца.

— Так, ну ладно, я напрягся.

Смех смехом, но превратившись в Демона, парень косился на хлыст, дышал Подчинением и жаждал, чтобы Госпожа его принудила к чему-нибудь.

Но так и не дождался, сам обнял свою Леди под пристальным взглядом лекаря на когти. Они днём ещё договорились, что или он учится нежности, или иглы летят ему в лоб.

В сон погрузились одновременно.

Стражник вынул из-за пазухи свиток с красной тесьмой. Вместе с листом бумаги развернулось пространство. Локация Поиска Артефакта выглядела как асфальтированная дорога с видимыми глазом перекрёстками. Вдоль дорог стояли дома, но они были выстроены из огромных книг. Местами то там, то тут, лежали Спящие люди. Кто под одеялками, кто просто так.

— Кто это такие?

— Ясно дело. Спящие. Не все снабжены таким сокровищем, как твой Волк. Он впитывает защитные поля локаций, поэтому они на нас не действуют. Эти люди пришли сюда за артефактами, но теперь, похоже, застряли надолго. Наяву это может выглядеть так, словно человеку некоторое время совсем не снятся сны.

Айен отвязала от Волчьей лапы карты родинок её тела.

— Вот. Очень важный документ! Над ним старался один очень хороший человек.

Волк фыркнул.

— Идём, нужно найти сначала Книгу Троп, — командовал Стражник, — Смотри на корешки, читай надписи.

Чтение во сне — очень интересное занятие. Рекомендую читать лишь первым впечатлением. Потому что оно у нас единственное. Все остальное — второй, третий и тд — это уже совсем другое прочтение, потому мы уже изменились.

Вот вам и ответ от знатока на вопрос: почему во сне меняются буквы при чтении. Когда видишь надпись, то расслабься (а не наоборот, как часто делают новички) и читай одним махом, не возвращаясь к прочитанному. Это очень важно. Текст, информация становятся частью тебя сразу же. И назад пути нет, ты уже изменился, ты уже другой, поэтому там — уже совсем иные буквы, порой иероглифы, кодировка прошлого в нечитаемое. Прекрасный повод не заикливаться на том, что было. Айен, конечно знала про это.

Возле одного «книжного» дома встретился человек, который не спал.

— Я хочу выйти отсюда, пожалуйста, помоги мне!

Парень начал заваливаться вбок вместе с горизонтом.

Волк закрутился вокруг несчастного, словно хотел поймать свой хвост, и мальчишка растаял, как столб пара.

В голове Ай возникли мысли Волка:

«Я выпустил его. Оказывается, и это умею»

Книга Троп была толстенным томом. Страницы её пахли все по-разному. Как будто разными людьми.

Стражник вложил в руку Ай карты родинок её тела и показал движение, словно листаешь книгу. При касании картой страницы вздрагивали и вот одна из них засветилась, открылась книга. Карта легла на страницу и вырвался пласт новой Локации.

Водоворотом троицу затянуло в хмурое небо другого пространства.

Куда ни глянь — повсюду лужи на асфальте. Волк задумчиво бродил по ним, аккуратно приподнимая лапы.

Шёл дождь. Капли расходились по лужам кругами.

— Водяные браслетики. Они здесь! Я смогу поднять их! — возбуждённо проговорила Айен.

Не зря Стражник, какой полезный парень вообще в жизни попался, тренировал её обращаться с водой во снах!

Леди вдруг увидела себя крошечкой в розовом платье, рядом маленького румяного Амелиса.

— Смотри, водяные браслетики, Ай! Бери их, бери! Они все для тебя упали прямо с неба!

Маленькая пухлая рука потянулась за кружочком от капли, и вот пальцы погружаются в теплую воду и...

Айен взяла их. Тонкие, прозрачные, водяные браслеты, две штуки.

Голос Стражника возник очень близко:

— Теперь нужно вынести их из сна, Ася, это важно. Ты же можешь это сделать. Они не большие.

Сосредоточившись, как раньше, Леди проснулась.

Невероятно. В руке переливались два больших водяных кольца.

— Теперь я не позволю вам драться, — победоносно улыбнулась Айен, готовясь использовать магию прямо сейчас.

Глава 17. В которой Дан сжигает библиотеку, Айен припоминает школу, а Амелис красавчик

Дан лежал на матрасе лицом к стене и прислушивался к шёпоту Ай.

Она пыталась разбудить Демона, но тот, уже сбросивший перья, продолжал сладко спать. Тогда лекарь подал признаки жизни и тут же был обнят Госпожой.

— Я их получила! Я их вынесла из сна! Вот они, смотри!

— Наденьте на руки, не бойтесь.

И в самом деле, это было страшно. Что если исчезнут? Станут просто водой? Но Ай это сделала. Браслеты на руках плотно обтянули запястья и стали почти незаметными.

Дан даже позволил себе улыбнуться, в тот же миг девушка обхватила его лицо, пальцы её засветились, и исчез фиолетовый фингал под его глазом — след вчерашней драки. Не успел ни отодвинуться, не испугаться, как она уже использовала магию, от которой раньше повреждалось её тело.

Так и застыли. Леди словно гладит парня по щеке, находясь очень близко, соприкасаясь с его бёдрами своими коленями. Её тонкая рубашка сползла с плеча, взгляд лекаря машинально опустился к декольте.

Такими их и увидел Амелис, распахнув глаза.

Дану даже показалось, что он распахнул их со звуком открывающегося гаража, настолько обострились его чувства от близости Ай.

— Госпожа, — обиженно заговорил Демон, — наверняка у меня тоже есть что подлечить!

А вот это было не так. На нём всё затягивалось, стоило ему обрасти перьями.

После сна в волосах его оставалось теперь несколько пёрышек, что добавляло облику особую прелесть.

Сегодня он смог вынести из сна воду. То есть вот лежит мокрый, будто вымок под дождём.

Закрывал гешгалт 14ти лет! Когда он был маленький, то в лужах не прыгал. Потому что там — драгоценности для его подруги Айен. Чтобы не разрушить водяные браслеты, этот малыш отказывал себе в прыжках в лужах и всячески берёг лужи в принципе. Сегодня же, когда его подруга наконец обрела мечту, парень изо всех своих сил в облике Демонического Волка Сновидений прыгал по лужам, валялся в них, взрывая Локацию радостью и брызгами.

Ни капли не смущаясь наготы, Амелис скинул с себя огромные одежды, распахнул окно и выжал их прямо на улицу. Можно любоваться этим прекрасным телом прямо сейчас, пока мы никуда не спешим. Кто с обожанием, кто с завистью, кто в полуобмороке, на него смотрели внимательные глаза, и команда поклонников этого парня росла в геометрической прогрессии.

Несколько людей, увидевших его с улицы, теперь тоже входят в их число.

К слову, окно было достаточно низкое, чтобы дочь трактирщика, нёсшая замороженную рыбу с рынка, встав на цыпочки могла увидеть край волос в нижней части живота обнаженного на морозе тела.

— Амелис! Закрой окно, простудишь Госпожу! Мороз же! — крикнул лекарь, употребив ещё пару крепких выражений, для пущей убедительности.

Но снежинки так красиво летели на проснувшегося Демона, украшая чёрные перья в волосах серебряной пылью, что долго злиться на него не было никаких сил.

— Это что за пух у тебя на заднице? — удивилась Ай, направив перст указующий в сторону затемнений в ямках недавно пернатых ягодиц.

Амелис пощупал свой зад и смахнул на пол немного крохотных чёрных пёрышек и горсть пуха.

— Во дела! А раньше всё исчезало. Может я сохраняю это вместе с тем, что хочу вынести из сна, когда сосредотачиваюсь?

«Главное, чтобы он не стал целиком Демоном, на круглые сутки», — мысленно проворчал Дан.

Лирическая зоологическая ремарка.

Цена третья.

Свидетель Мохнатого Зверя долго сверлит дверь глазами, но так и не рискует войти ни к автору, ни к персонажам. Слышится лишь глубокий тяжёлый вздох разочарования. Рассказчик думает, что это потому, что Демон не показывает себя читателю спереди.

— Но что поделать, — шепчет рассказчик в закрытую дверь, — уж это ты можешь себе вообразить и самостоятельно. Крепись, впереди истории много красивых сцен.

Вчерашние выспрашивания про странного деда принесли свои результаты — информация получена, но весьма расплывчатая. То есть надо было собираться и идти. Поэтому Айен с Амелисом заплели друг другу волосы, дружно оделись и выжидающе устали на лекаря, который, словно восковая фигура, так и сидел на матрасе, положив руку на бедро там, где Леди касалась его ногой.

Медленно его руки симметрично легли на колени, и, будто ученик боевых искусств, сидел он с ровной спиной и отсутствующим взглядом.

— Подождите внизу. Закажите мне кофе.

Ему так нужно было побыть пару минут одному. Продышаться. Успокоиться.

После ведра кофе для Дана, мясных котлет для Айен и овсянки с орехами для Амелиса наступил этап поиска магического деда.

На окраине города начинались холмы и офигенные облака, сахарной ватой с круглыми бочками лежащими чуть ли не на земле.

— Через облака я люблю летать, они мокрые, пушистые, пахнут свежестью, — обрадовалась Айен.

— Ты что, мы же не спим! — одёрнул её Амелис.

Путь на гору оказался длиннее обычного. Сверху стало видно, что это целый облачный город, лежащий среди холмов и, неожиданно, среди зимы, — цветущего тамарикса.

«Как такое возможно? Цветущие кусты зимой?? Что же не так с этим местом?»

Где-там, внутри пушистого одеяла был вход.

Улыбка на лице Ай то появлялась, то исчезала, ведь облака — это сахарная вата из детства, но и обманчивый путь, ведущий во снах к тюрьме, к предательству и боли.

А Амелис оказался готов к приключениям.

— Мокнуть, а потом на мороз идти — это же как получить ледяную броню, — весело вещал он, поглядывая на Дана. Тот хмурился, но соглашался:

— Что ж, любопытно.

На лице лекаря лежала печать равнодушия, но он был встревожен. Цветущий тамарикс. Он что-то упускает. Что-то очень важное.

Мастер времени жил в этих местах. Не таясь, он вышел навстречу гостям.

Дан вытянулся в струнку и, кажется, стал выше. Рука его инстинктивно легла на место хранения метательных игл.

— Даниэль, голубчик, не надо окружающих принуждать к невежеству! Что ж вы, хотите выколоть мне глаза? Я всего лишь старый библиотекарь, вы были лучшим моим посетителем за многие мои годы работы. Такой любознательный мальчик.

Айен растерянно смотрела на седого дедушку с перламутровым переливчатым блеском в прядях, и в её голову хлынула волна воспоминаний. Она маленькая, приносит стопку книг, которую принимает из её рук этот старичок. Он гладит её по голове. Она, повзрослевшая, приносит ему книги.

— Простите... Дедушка, я тоже училась там, где вы работали?

— Проходите, детишки, я угощу вас мороженым, хотите? — проигнорировал вопрос хозяйин.

Изрядно подмёрзнув по пути сюда, детишки не хотели. Они вошли в белую комнату с облачными стенами. Айен никогда не видела такого наяву. Дедушка мягко опустился в пушистое кресло.

— Я знаю, кто ты, девчонка, тебя ищет Лорд. Ты леди Айен, Госпожа Слушающая Время. Тебя любит мироздание, оно дало тебе так много, зачем испытываешь судьбу и убегаешь от неё?

— Это в каком смысле Лорд её судьба?? — встрял возмущённо Амелис, — ты дедушка думай-то, что говоришь.

Справившись с удивлением, Дан обошёл вокруг облачное кресло и изрёк:

— Мы пришли просить вашей помощи, Мастер. Госпоже нужен учитель, знающий как обращаться с временными порталами. Это же и есть вы?

— А что если и я? Но я не смогу её ничему научить. Время играет с каждым из нас свою партию, и то, что дано ей, не дано мне. Вы зря потратили драгоценное время, оно вам этого не простит.

Айен в отчаянии опустилась на колени и взяла в руки морщинистую руку.

— Возможно, что вы обучали меня раньше? Почему я не помню этого?

— Потому что я забрал твои воспоминания, конечно.

Глаза их встретились и вдруг стало очень холодно. Амелис подумал, что это Ай колдует, но её лицо раньше прочих стало покрываться инеем. Дан метнул в деда приготовленные иглы, но тот растворился в воздухе, как белая пыль.

— Уходим отсюда немедленно!

Дан подхватил Госпожу, встряхнул: «Леди Айен, придите в себя, надо бежать».

Стены стали сужаться и обратная дорога изменилась до неузнаваемости. Облачные стены из пушистых стали каменными и коридор с невероятной скоростью удалился от Ай, унося Амелиса куда-то в скалы.

— Спрятать во времени, пока цветёт вишня... — шептала Ай.

— Что? Что вы говорите, леди? — переспросил Дан.

— Я обучалась на Острове Учителей, меня, как и многих других девочек, учили лекарской магии. Этот дедушка преподавал Исцеление. Он давал мне читать книги из закрытых секций, про Время. Про открытие Порталов Времени. И у меня кое-что получалось. Но потом старый Лорд заболел, девочек больше не приглашали учиться. Или только меня? Голова ломится от воспоминаний. Он отдал мне их, когда я взяла его за руку. Мне плохо.

Айен прислонилась к каменным стенам. Её лихорадило. Дан снял перчатки, согрел дыханием пальцы. Массаж некоторых точек и лёгкие поглаживания лица дали Ай успокоиться.

— Есть ещё кое-что, Дан. Мы спим. Как это случилось, в какой момент, я не заметила, это странно. Он куда-то запрятал Амелиса, я не чувствую его по-близости совершенно. И границы Локации очень расплывчатые. Похоже, что мы вошли в сон прямо на холме.

Сердце Дана забило сильнее. Он сейчас во сне с Айен в своём реальном облике. И он не хозяин этой Локации. Вся ситуация, как и правда о нём, балансировала на острие ножа.

— Ау, Госпожа! — трагическим шёпотом звал Амелис в узкую расщелину скал, — Ну почему хода нет никуда более, только в эту трещину?

Чтобы туда протиснуться, парень снял с себя шубу и остался в облегающем дорожном костюме.

— Блин! Почему я такой мускулистый?

С некоторыми проблемами он всё же влез в щель, и был рад, когда узкая её часть закончилась. Шубу свою он протатил в руке, изрядно оборвав об острые камни.

— А ты интересный малый, снотворный защитник? Как любопытно, — раздался голос деда из воздуха.

— А ты дедушка меня не пугай, а то обосрусь.

— (смешок)

— Я не шучу. Во сне я ещё не гадил. Ты думал, я не понял, что происходит? Я сплю.

«И чудно, что в своём теле, а не в Волчьем». Но все козыри он противнику открывать не хотел.

— А раз я сплю, то могу проснуться!

— (смешок) Попробуй-ка...

Амелис пытался проснуться. По всем историям, что он слышал от Айен и которые читал, надо было:

— использовать падение

— упасть в воду

— сделать себе любимому больно

— умереть

— захотеть проснуться

Из всего этого он решил не использовать смерть. А вода ему не будет способом проснуться. Увы, вода стала его другом и родимой стихией во снах, теперь как точку возврата её не использовать.

Ничего не выходило!

Дед хихикал где-то поблизости. Амелис пришёл к таким умозаключениям:

«Пока этот псих развлекается с моей персоной, Айен под защитой Дана, тьфу, руки вырву, и, надеюсь, они смогут решить эту проблему с просыпанием, или уйдут в ту Локацию, из которой смогут проснуться, а там и меня вытащат».

«Главное не забыть, что она не знает, что я Стражник и Мастер Локаций. Я просто «сын маминой подруги», — так думал Дан, поражаясь, что он немного припоминает место, в котором они с леди оказались. И когда они

вышли к знакомым стеллажам с книгами и свитками, у Дана задрожали колени.

Библиотека Учителей. Эта локация существовала обособленным миром, но находилась в обычном месте на Обучающем Острове. Здесь хранились все знания, добытые учениками в заданиях.

— чемодан со свитками всех снотворных языков, добытый Айен у мерзкого педофила

— свиток тайны будущей локации

— книга о границах локаций

— книга об уровнях сна

— филологический справочник иероглифов сна

— теория изменения фотонов в секунде снотворческой жизнедеятельности

С этими знаниями стало возможным проникновение в чужие сны, борьба за чужие локации, пытки на разных

уровнях сна, помимо научной деятельности.

И прочее, прочее, прочее...

«Это всё нельзя оставлять теперь. Дед явно сдаст нас и все эти знания Лорду. Если ещё не сдал... Я должен уничтожить библиотеку».

Сжечь. Все. Добытые. Трудом. Знания.

Дан схватился за голову, мысли словно разрывали её, в попытках материализоваться.

«Останутся же люди, умельцы, знающие. Но с ними ещё нужно договорится. Это даст время. Поэтому надс жечь, для спасения леди. Это всё должно было принадлежать всем сновтворцам, а не быть лишь у избранных, и даваться лишь избранным с барского плеча Учителей, или только ради выполнения задания.

Библиотека связана с моими Локациями тропой, я сам её создал. Мы сможем выйти отсюда».

Дан вынул из потайного кармана спички. Да. Во снах есть спички. У каждого свой способ делать огонь. Например, Госпожа делала возгорание от взгляда. Жанин любила факелы, молчаливый Андрик носил с собой в сны зажигалку, хотя давно бросил курить. Серж романтично делал огонь щелчком пальцев.

— Что ты делаешь? Ведь это наверное важные вещи! — бросилась к нему Ай.

— Нет, что Вы. Это информация противника о нас, её надо уничтожить, чтобы она не попала к Лорду, сгорит. И мы уйдем отсюда, нам же ещё будить нашего зверя надо. Спит, наверное, на холме, замерзает.

— Дан, ты плачешь? — Айен взяла лицо Дана в ладони, действительно, всё в слезах.

Огонь поднялся высоко, в пламени исчезали результаты их работы. Ведь он тоже был с ней в одной команде. Но с другим лицом. И он поступил, как последняя сволочь, выполняя команду «стирать память о себе, уходя из сна».

Но нельзя так просто взять и стереть себя из жизни другого человека. Всё равно остаются «следы» в памяти. Чувства.

Сейчас он в своём настоящем облике, чёрствый сухарь, идеальный убийца, внимательный лекарь, плачет, как тот парень во сне, как Стражник, и как бы он не прятал свою душу под другими лицами, Ай рано или поздно рассекретит его.

Воздух сотряс вопль ужаса. Архив рукописей горел, дед-предатель наконец почувал это. Земля перестала быть опорой, мир вывернулся наизнанку.

Дан ощутил своё тяжёлое тело и понял: их погрузили в сон во сне.

Многоэтажка строилась долго. В процессе поменялось несколько хозяев проекта. Айен выбежала из соседнего дома, Мара снова прогоняла её.

Как тяжело, когда сестра не признаёт твоих достижений ни в чём. Сны? Да бога ради, это же бред. Пишешь стихи? Да выкинь на мусорку свой диплом. Создала бизнес? Эксплуататор, буржуазия, жидовка. И Амелис твой мудака, вот мой лесник, это дааааа.

На восьмом этаже стройки сидели рабочие. Зачем-то Ай поднялась туда. В памяти замелькали воспоминания. Это был её дом. Ночами ветер колыхал полупрозрачные шторы. Широкие панорамные окна. Маленькая дочка любила тут играть. Амелис обнимал Ай за поясницу и уводил в спальню.

Минуточку...

Этого же не было. Или было?

Айен подошла к краю. На улице была видна красная машина, из которой вышла внушительная дама в шляпе с пером. Она подняла голову и посмотрела прямо в душу Ай.

В этот момент строители перестали смеяться и по-очереди заговорили:

— Простите, ребята. Я вас не знаю. Как я здесь оказался?

— Что происходит? Я тоже тут впервые.

— Вообще домой хочу. Я вроде спал? Я с любовницей заснул, мне полная жопа, если жена вернётся.

Женщина в шляпке мгновенно оказалась на кухне бывшей квартиры Айен.

Но девушка уже поняла, как работает эта ментальная ловушка памяти.

— Ты проиграла, я знаю, как ты действуешь. Я знаю, как тебя победить, — бесстрашно произнесла Ай.

«Просто оказаться раньше тебя во времени».

Айен вспомнила эпизод, когда с ней работал психолог, и нужно было представить, что ты сама берёшь себя на руки после рождения.

Рыжая в шляпе засмеялась:

— Ты думала, что я не прочту твои мысли? Я просто окажусь ещё раньше! — засмеялась дама в шляпе и растаяла в воздухе тонкими нитями розового дыма.

Айен осталась на кухне одна. Ведьма окажется ещё раньше её рождения, и, возможно, уже это сделала. Страхи, неуверенность в жизни, всё комплексы... это всё дала ей рыжая ведьма через её прошлые жизни. Чтобы

родившись, Ай не смогла вырваться отсюда.

— Но я поняла, как это работает! — закричала Ай в ночь.

Развевались на ветру полупрозрачные шторы. В пустой квартире темно. Страх, что кто-то может влить на тебя, пользуясь твоим детством прямо сейчас, разрывал душу.

Старая кукла без руки и глаза валялась возле балкона.

«Из такого сна у меня не получалось тогда проснуться. Что же делать. Дышать. Надо дышать». Айен отлично овладела дыхательной техникой Подчинения.

Осталось лишь дышать.

Лето, ночь. Но почему-то идёт снег. Дом недостроен и опустел одновременно, и ещё без истории, и уже одинок.

Стараясь не впустить в душу крадущуюся печаль, Айен вытирала слезы.

Волк Сновидений аккуратно тронул её влажным носом.

— Амелис... я так ждала тебя.

Так уж вышло, что ночь наступила, Демон, спящий на холме, оброс перьями и во сне обернулся Волком. А это мгновенно дало ему преимущество.

Он разорвал зубами удерживающее его пространство, застыл в темноте, а потом, пригнувшись, скакал по разным локациям в поиске Айен.

— Разбуди меня, прошу!

«Разбудить» он тоже умел. Обернулся вокруг неё, словно хотел поймать свой хвост, создал сонный коридор и вывел Госпожу на заснеженный холм.

— Дана нужно тоже найти и разбудить! Он не так опытен во снах, как мы с тобой, он может там погибнуть!

Ах, Айен, Айен. Ты вот переживаешь за него, а он между прочим, Мастер Создающий Локации. Конечно он выберется, ещё и надерёт морщинистый зад этому деду.

Поднявшийся Демон мотал головой, дескать, не-не, не пойду опять в сон, надо хватать тебя и его тело и нестись греться в трактир.

— Нет, его надо найти! К тому же тебя на подступах к трактиру начнут атаковать, ты же неведомый ДЕМОН, забыл? Иди в сон, иначе возьмусь за плётку!

Демон грустно опустил руки, лёг на спину и мгновенно заснул.

Уж откуда он вытащил Дана, нам неизвестно, но это произошло очень быстро.

Лекарь поднялся, посмотрел на Демона, сказал одними губами: «Спасибо».

Амелис в такой форме, кстати, ни разу не заговорил вслух. Одежда на нём снова порвалась, но за это было грустно лишь Айен. Уж очень ему шёл этот синий дорожный костюм. Демон молча раскрыл крылья, обнял людей и взмыл вверх.

Притаившись сначала на крыше трактира, чёрная тень вскоре проникла в комнату на втором этаже. Не зажигая свет, все троём сняли обувь и залезли на кровать, поджав подбородки к коленям.

Так и сидели.

Демон, девушка и лекарь.

Утром Дан привычно сходил за новой одеждой для Амелиса, принёс завтрак в комнату, и пока мистер мускул рассказывал, как он деда за жопу трепал во сне, а Госпожа упаковывала воспоминания в коробочки памяти, засел в углу точить иглы.

Внезапно игла вонзилась в лоб Амелису.

— За что? — возопил блондин, раскинув руки в стороны, — Ты просто кинул мне в лоб иглу, она теперь во лбу моём какбэ торчит! Это как вообще?

— Это инстинкт, как чихнуть, — невозмутимо ответил Дан, — Не бери на свой счёт. Просто ты голый рядом с Леди Айен. Не подходит.

И сидит такой, с наждачкой, точит, точит.

Глава 18. В которой Локс целует снежинки

— Надо уходить, пока Лорд не заявился сюда по твою душу, Ай.

— Ну и зачем я ему нужна, когда у него есть такой верный и мудрый дед?

Амелис облачился в новую одежду и медленно расчёсывал волосы широкой щёткой, рассуждая вслух. Айен кивала во время пауз и повторяла последние сказанные другом слова.

— Потому что ты открываешь порталы (кивает, Ай повторяет). А дед такого не может (кивает, Ай повторяет). Он вообще иллюзионист какой-то (кивает, Ай повторяет). Так пугал меня, какой он крутой (кивает, Ай повторяет), (фырк) пока я не стал Волком и не навалил ему кучу на его прекрасном белом холме.

Айен кивает, потом мотает головой:

— То есть как, ты нагадил во сне?

— Ага!

— Моя ж ты лапочка!

— Вот смеху-то было! Видели бы вы его рожу. Он осознал всю мою крутость. Истинная вонь! У него тогда заслезались глаза, возможно даже, он ослеп.

Дан закатил глаза.

— Да прекрати уже, можешь начинать вести мемуары о приключениях твоего зада, только письменно.

Амелис обрадовался, подняв указательный палец вверх:

— Тоооочно! Начну с топора. Где моё перо?

Лекарь вздрогнул и покосился на блондина. Как тут не поразиться лёгкости по-жизни, с коей этот демон преодолевал проблемы, и уж конечно, завидовал его прекрасному настроению по утрам.

«Чудовище», — был его вердикт.

Железные кони продавались и на ярмарках, но Дан решительно заявил, что коня надо брать только по благу, который был получен за любовь к кофе. Трактирщик нашёл в лице Дана страстного ценителя его увлечения и наградил контактом конных дел мастера.

— Нужен конь. Я от Васи, — немигающими глазами вошёл в щель забора плоский лекарь и поднял бровь.

— А вы-таки зайдите сначала, посчитаем ваши деньги, — отделился от стены дома мужчина со здоровенными усами.

Дан зашёл один, вышел один, а через пару минут ему привели из тьмы неосвещенного сарая крупного Железного Коня с отстегивающейся каретой на двоих.

Они всё равно, конечно, впихнулись туда втроем. Быть друг к другу так близко уже никого из них не смущало, а Амелис, похоже, даже наслаждался создавшейся теснотой. Лекарь опустил руку на плату управления и мысленно поговорил с животным. Теперь задача была: «Выбраться из города».

Коней на трассе двигалось много, но все мчали в одной скорости, подсвечивая дорогу глазами. Постепенно путь опустел.

Знакомый крик с неба заставил Ай похолодеть. Их настигала Железная Птица в золотой броне.

— Это Лорд. Он нашёл нас.

Только великолепный Молодой Лорд одевал свою Птицу в такой богатый шмот.

— Когда битва неизбежна, готовься нападать, — повторила Айен слова отца.

Первый топор в её жизни был подарен папой ещё на Плавучем Причале.

«Перед тем, как достать оружие, хорошенько подумай. Если вынула — значит бей. Другого не дано». Видимо так и получил свой шрам Амелис. Дева в гневе — топор в жопе. Сейчас Айен ещё не готова была убивать, поэтому просто использовала дыхательную технику, чтобы сосредоточиться перед боем.

Конь ощутил приказ и остановился. Приняв неизбежное, все трое вышли из кареты.

Дан встал перед Госпожой, приготовившись метать ножи.

Птица слегка накренилась назад, открывая кабинку пилота.

Айен не верила своим глазам.

Из-под крыла Железной Птицы на неё смотрел Локс. Тёмные, словно спелые черешни, глаза светились из-под длинной чёлки.

— Ася! Ты улетишь со мной.

Туманные воспоминания о нём больно сжали сердце когтями терзающейся памяти.

Серый шум. Я НИКОГДА НЕ БРОШУ ТЕБЯ, АСЯ

Дан сделал шаг вперёд:

— Ты.

«Он тоже узнал его?» — не поняла Айен.

Но Лорд проигнорировал лекаря, он скрестил руки на груди и улыбнулся.

— Я никогда не брошу тебя, Ася. Ты нужна мне. Хотя тебя здесь зовут Айен, но какая ж разница. Можешь даже взять с собой твоего пёсика, — Лорд щёлкнул пальцем в сторону Амелиса.

— Она не пойдёт! — возмутился Амелис, хватая девушку за плечи.

— Хватит решать за меня! — Леди раздражённо вырвалась из рук друга. Как такое возможно. Её дорогой человек, которого она так желала увидеть во снах, сейчас стоит в Яви перед ней.

Птица резко приблизилась, Локс вынул птичье лассо, невероятное оружие ловли бунтующих Железных Птиц для наказаний, и нацелился ловить Айен. При соприкосновении будь то с человеком или с птицей, лассо выдавало мощный заряд молнии. Но бросок закончился неудачей. Перед Леди открылся портал и оружие просто вылетело туда.

Как мы помним, в прошлое, в 16ю главу.

— Строптивая Ася, как же я тебя люблю, — Лорд Локс ухмыльнулся, вынул из внутреннего кармана рубашки маленький сосуд с блестящей жидкостью и бросил его прямо в лоб Ай.

— Это твоё, Ася. Твои воспоминания, которые забрали Учителя обо мне.

Прозрачная блестящая жижа залила девушке глаза, Дан бросился вытирать, но всё мгновенно впиталось.

— Амелис, немедленно уходим, в карету! — крикнул он, подхватив леди на руки.

Железный конь не заставил себя ждать, и как только все погрузились, выдал хорошую скорость.

Локс дал команду своей птице, но она не сдвинулась с места.

— Я не сссстану их прссследовать, мой Госссподин. Они отдали мне очень важжжжное, они дали мне жжжжизнь. Я бы не сссмогла вернуться к вам, госссподин...

Молодой Лорд схватился за плётку и в ярости стегал Птицу.

Она поджимала свой отремонтированный хвостик, в котором до сих пор виднелись ножны меча Амелиса.

Не подумайте, что Локс такой изверг. За плётку он схватился за кожаную. Такие плётки бессмысленны для Железных Птиц совсем. Он стегал её, выпуская отчаянье и невозможность преследовать цель. Да и лассо его было тысячу лет как разряженное, если бы он ухватил им добычу, то просто поиграл бы в родео, утаскивая леди в машину связанной. Конечно, в успех этого трюка он не поверил ни на секунду, думал, что она схватит лассо и вырвет из его рук, отстегает его, дурашку, за то, что так долго не приходил за ней, изрубит лассо на куски, вынув острый меч. В конце концов, со злости метнёт в него лекаря.

Воспоминание он хранил на самый крайний случай.

То, что он увидел — мгновенный временной портал в момент опасности, превзошло даже самые смелые ожидания Лорда.

«Она смогла. Она практиковала! Как же я рад за неё!»

Птица жалела своего человека, но преследовать этих людей тоже не могла. Она улыбалась чёрным холодным клювом. Когда Локс выдохся и прислонился к ней лбом, она, как мама, обняла его железным крылом.

— Просто вспомни меня, моя Ася. Сначала просто вспомни, — шептал Локс.

* * *

Белый шум. У НАС ВСЁ ПОЛУЧИТСЯ

Горящие холмы птичьего народа. Ася координировала команду минёров. Чтобы прекратилась война, нужно взорвать склады оружия обеих сторон. Нет оружия — нет войны! Птицы кланов в этом мире были невероятно красивые, огненные и водяные. Локация могла бы стать прекрасным курортом: бирюзовое прозрачное море, уникальные деревья, но война между кланами никогда не прекратится сама, поэтому Учителя решили вмешаться.

На этом задании команде выдали радио-передатчики, потому что работать придётся вблизи птичьих гнёзд, а там шаманы устанавливали защиту от эмоций, «чтобы враги не могли проклясть детей».

Вот когда уже все бомбы были на местах, ещё оставалось время на перепроверку. Ася решила сама пойти, чтобы не тревожить маленького Сержа, он был ближе всех.

Оказавшись рядом, она увидела, как в нору со складом оружия влезает птенец.

— Нет, нет, малыш стой! — крикнула Ай, но он упрямо лез туда.

Леди заглянула в нору, создав свет взглядом.

В пещерке жались друг к другу птенцы, и мама огненная птица обнимала несколько красных яиц. Никакого оружия тут не было. В висках застучало.

— Срочно! Выньте все мины! Мы ошиблись! Учителя ошиблись с картой!

Но связь не работала.

Карта. Которую им выдали учителя. Они отметили там гнёзда, а не склады оружия, планируя убить птенцов обоих народов, устроив геноцид на этой Локации.

Мина была вжата в землю, вынуть её не выходило. Тогда Айен бросилась вынимать птенцов, и вот, обняв одного малыша она упала, опалённая взрывом.

Умереть во сне — значит проснуться? Но не всегда, поверьте мне, не всегда ты готова и хочешь этого. Как и зачем было возвращаться в мир, когда ты только что убила птенцов обоих народов?

Айен осталась в Локации, когда все участники команды уже проснулись.

Птенчик пискнул в её руках, Ай повернулась на спину. Он жив! Господи, он жив!

— Локс... вернись, ты нужен мне, — позвала леди.

Да, такая связь тоже есть. Недавно проснувшийся человек может снова заснуть в предыдущий сон и увидеть продолжение. Локс, почувствовав её зов, заснул снова.

— Ася, Ася, просыпайся, это уже не исправить!

— Нет, он живой. Прошу, спрячь его от учителей. Прошу тебя, Локс!

Парень вынул испуганного птенца из обгоревших рук и исчез из Локации.

В когда-то зелёном месте с холмами, деревьями и морем полыхали костры смерти. Несколько оставшихся в живых взрослых птиц обоих народов стенали, раскачиваясь возле горящих гнёзд. Для размножения им требовались какие-то слишком особые условия, по расчёту Учителей, это уже невозможное событие. В воздухе стоял плач. Разочарование в уважаемых людях, смерти прекрасных созданий и боль.

«Это я сделала. Я их убила».

Айен не хотела больше жить. Она осталась тут умирать. Когда преисполняешься уверенностью, что делаешь добро, а по итогу глядишь на созданную тобою смерть, то жизненные силы растворяются в пепле собственной важности.

Но Локс всё равно вернулся за ней.

— Я не брошу тебя, — он обнял её за плечи, приподняв из грязи и пепла, — Ты жива, не смей умирать, — голос его сорвался на крик, — Я люблю тебя, Ася! Не смей умирать!

Под его поцелуями оживала её кожа, пропадали волдыри и почернения.

— У тебя безупречная, нежная кожа, Ася. Ты спишь, и это всё происходит в треклятом сне.

Локс погладил её по волосам трясущейся рукой, с ужасом наблюдая, как тело отказывается быть целостным в этом сне.

«Я схожу с ума. Я не могу позволить ей тут умереть».

На ней сгорела вся одежда. Кожаные ножны в огне вплавились в бедро, никчемный нож лежал в пепле. Да, Учителя предали их, подставили. Знали бы эмпаты, что идут убивать, они бы отказались. И не предполагалось, что кто-то узнает правду. Но сейчас выходило всё так, что Лидер команды вкurse. И чтобы идти учинять скандал Учителям, для начала следует выжить.

Локс, ни капли не хладнокровный характером, тихонько зарычал, пытаясь придумать нужные слова.

— Ты не умираешь. Ты просто спишь. Это не происходит по-настоящему.

— А что по-настоящему, Локс? — прошептала Ай, — Я не знаю, где я существую по-настоящему.

Локс разорвал пространство обгорелыми руками и вынес Ай в её личную Локацию со снежным ночным лесом.

— Смотри, родная, тут снег. Это твой снег, он идёт тут только потому, что этого хочешь ты. Он приятный, не холодный, тут не простудишься. Тёплый красивый снег.

Его руки сантиметр за сантиметром прикасались к повреждённой коже девушки и лечили её.

— Не оставляй меня одного! Только не оставляй меня одного...

Нужно, чтобы она захотела жить. Ася не могла простить себе смерть птенцов, хоть миссия и считалась выполненной.

Зачем было устраивать эту бойню? Айен больше не могла так продолжать, выполнять эти задания, верить в эту жизнь, которая бессмысленна, если нельзя просто спасти детей. Ты выполняешь всё, как от тебя требуют, а в итоге ты убиваешь своими руками, не зная этого!

Но хуже было другое. Погибли шаманы и защитные от эмоций поля пропали. Прижимая к себе птенца, тогда, Ася пропустила через себя всё горе остатков обоих кланов. Скорбь, гнев, отчаянье. Как теперь это пережить?

Локс целовал её и говорил, говорил, говорил. Иногда речь его становилась для Ай шумом реки, иногда он вскрикивал, плакал и снова целовал, целовал.

Невозможно было остановить его, да Айен и не хотела, чтобы он прекращал. Он говорит, что она нужна ему? Что хочет быть сейчас рядом? Что ж, пускай.

Снег начал таять на её лице. Может ли любовь исцелить душу?

Душу, тело. Вытащить с того света.

Айен отказалась думать сейчас. Смерть не наступала, а вместо неё происходило что-то невыразимо прекрасное. Хоть раньше Локс не претендовал на интимные отношения с ней, но он был самым первым и лучшим другом Ай, её компаньон, её эмпат, с которым она случайно встретилась, а потом стала работать в паре на Учителей. Их дуэт был лучшим. Много времени спустя, команду расширили на ещё несколько человек, но он был первым.

Его поцелуи, его прикосновения заставляли тело дрожать. Он чувствовал её, как самого себя, и страдал, отчаянно желая помочь. Боль всё ещё была рядом, и желание смерти никуда не делось, но Локс умел лечить, умел любить, и он не давал Айен умереть.

— Ты чувствуешь это, чувствуешь? Ты живая. Моя родная Ася.

Вскоре в лесу завывали волки, но Ася не боялась их. Это её волки.

Она почувствовала себя живой. Невероятно живой.

Руки и ноги сплелись в узлы, вокруг них таяли сугробы, снег мягко сыпался на их головы.

Даже если она умирает в этом снежном крошечке, прямо сейчас (или уже целую вечность), то пусть так и будет. Мы никогда не знаем, в каком виде с каким лицом к нам придёт смерть, и сколько раз она уже навещала нас. Сейчас смерть хотя бы была Локсом и так увлеченно её любила.

«Я могу любить. Просто любить его сейчас, словно это единственное мгновение в моей жизни. Первое. Последнее».

Ловить снежинки губами и дарить их друг другу в поцелуе.

Останавливать падение снежинки, чтобы поцеловать её с обеих сторон.

Зарыться в волосы друг друга и вдыхать запах.

Чувствовать, как горят пальцы от прикосновения к спине.

Ася, ты живая.

Они провели там несколько дней. Бродили в лесу, любили друг друга, кричали, смеялись. Летали над чёрным лесом. Укрывались снежными одеялами.

И в конце концов, решили выйти к границе Локации, где начинались владения Жанин.

Деревянный домик Жанин с настоящей печкой и низкой маленькой дверью, с вязаными ковриками, давно стал тайным убежищем их команды. Они встречались, когда кто-то из них ставил на столик у окна букет лесных цветов днём, а свечу — ночью. Тогда образ этого дома сигнализировал в мозгу как навязчивая реклама, и нужно было идти на помощь. Сейчас в Локации было ближе к полуночи, стояла тихая летняя погода.

На пороге Ай скинула снежное одеяло и повернулась к Локсу.

— Я не умерла, да? И учителя, наверное, ищут нас. Как мы будем дальше жить, Локс?

— Разберёмся. Уйдём от Учителей. Станем свободными. Не бойся, Ася. Я с тобой. И Жанин всегда на твоей стороне. Разве что Даниэль будет не рад, что мы с тобой провели столько времени наедине так близко.

— Даниэль? Почему?

«Какой Даниэль? Почему я не помню в нашей команде такого человека?»

— Не важно, — вздохнул Локс, зарываясь в светящиеся волосы Аси.

Внутри было тепло. Печь никогда не переставала греть, на подоконнике сияла свеча. Круглый вязаный коврик. Интересно, Жанин, наверное, сама вязала его?

Двое залезли на печь, и лоскутное одеяло, которое Серж и Мальвина подарили Жанин на день рождения, стало самой уютной вещью на свете.

Хозяйка пришла утром, с нею зашли два волка и облизали голые ступни Локса.

— Эй, пупсики! Мы вас обыскали! Сержа снова лечат наяву от бессонницы после миссии. Мальвина скитается грустная да вялая по ярморочным Локациям. Даниэль заколебал орать в каждом сне, чесслово, ужасный паникёр. А вы тут чего-то делаете? Ляяяя, классные, я никому не скажу, — выпучила глаза хозяйка.

— Жанин, отстань, — улыбался Локс.

Но эта веселушка облокотилась на грудь Локса и повела бровью в сторону Аси, отвернувшейся к стене.

— Как она? Я сходила с ума. Мы все переживали.

— Ты присмотрела за НИМ? — шёпотом спросил парень.

— Да. Я спрятала его на границе реальности и сна, в укромном местечке. Ей уже можно сказать?

— Пока не надо.

Ася повернулась, скинув одеяло.

— МНЕ МОЖНО ГОВОРИТЬ ВСЁ. И ВСЕГДА.

Вот что значит, Лидер команды. Жанин вытянулась по стойке смирно и отчеканила:

— Птенец спрятан, вылечен и присмотрен! Даниэль создал очень сложную Локацию, и только я имею от неё ключ. Мало того, дом спрятан во времени сна, пока цветёт вишня.

Ася выдохнула. С воздухом из грудины вышел стон и боль.

— Вас преследовали учителя?

Жанин стащила с них одеяло и протанцевала по комнате. Стройняшка, с короткой стрижкой, с огромными чёрными глазами, красotka, одним словом.

— Ну и что? Больно я их боюсь. Я даже никогда не выполняю команду о стирании памяти об отношениях. Я просто им вру. Учителям. Я читер, ясно? У меня такой парень есть в одной Локации, закачаешься! Спускайся, расскажу!

— Выдай нам сначала штаны, — попросил Локс.

Создавать вещи в сердце чужой сонной Локации мог только её создатель, поэтому ходить им голыми, если б стройняшка не сжалилась и не выдала им одежду.

Теперь они выглядели как брат и сестра — в одинаковых светло-серых потёртых шмотках.

Жанин предпочитала платья — облегашки и туфли на шпильке.

Возле костра вечером все сидели рядком и наблюдали, как на границе с Локацией идёт снег.

— Вам бы всё-таки проснуться, там же переживают. Твой друг, Амелис, наверное не отходит от тебя, да? — пихнула локтём подругу Жанин.

— Он не отходит, потому что в детстве дал клятву защищать меня. Очень упёртый парень.

— И ревнивый, наверное, Локса порвал бы на труселя?

— Не знаю, — задумалась Ай, — У Амэ интересные отношения с ревностью.

Да что эта Жанин знала об Амелисе? Он может и ревновал, но никогда не давал себе позволения быть неуважительным к Леди. Госпожа имеет право любить кого угодно. Иметь кого угодно. Спать с кем угодно. Это непререкаемо. Он, конечно, мог позволить себе ревность, но Любить — это фундаментальное право женщины. И если она желает получить эти чувства — она их получает. «Как ты посмел отказать моей Леди!», — орал как-то Амелис на одного мужика, который не понял заинтересованности Ай в его персоне. В итоге решили, что тот тупой и недостойн. Айен просто понаблюдала за ним ещё недельку и охладела. А как Леди с Амелисом следили за Даном, когда он появлялся в деревне, если б вы видели!

Ей можно любить кого угодно и сколь угодно. И точка. И да будь проклят тот суслик, что посмеет ограничить Госпожу в движениях сердечной мышцы. К тому придёт Амелис и воткнёт ему топор в жопу. Вот так то.

Глава 19. В которой ничего не происходит, хотя минуточку...

Амелис вытирает слезы, и то не свои

Предупреждение: в речи персонажа будет слово «ихняя».

Конь мчал, Айен лежала на руках у Амелиса, но из-за тесноты в карете, ноги Госпожи покоились на острых коленях лекаря. Леди не спала. Она просто лежала с открытыми глазами, принимая все воспоминания о Локсе.

«Ну конечно. Как я могла забыть тебя, мой дорогой друг! Мой смешной, милый, верный, обожаемый Локс! Мы с тобой так долго работали только вдвоём, так сроднились, что я знаю, из чего обычно состоит твой завтрак, и какое бельё ты носишь под штанами, — Девушка поймала озабоченный взгляд блондина и слегка улыбнулась, — и ты говорил мне, что так будет».

Воспоминание из серого шума. ЭТО ОПАСНО!

Ася потягивала мартини в скромном ресторане. За окном осень, ветер приносит крохотные листочки и лепил их к стеклу.

— Это опасно, Ася! — голос Локса вывел её из романтической дремоты, — смотри, ты снова, ты теперь ВСЕГДА носишь это кольцо. Но знаешь ли ты, кто подарил тебе его?

— Хватит. Может я не хочу прекращать движение чувств. Ты говоришь, что я забываю после каждого задания, но может так и должно быть? Я давала клятву доверять своей команде. И ему тоже. Пусть я снова не помню его, но я же доверила ему свою жизнь на усложнённых заданиях, а я должна себе верить.

Локс так переживал, что выпил свой бокал залпом, а после наклонился через стол и сжал лицо девушки в ладонях.

— Я так боюсь совсем потерять тебя. Я боюсь, что кто-то из них налажает, и нам всем сотрут память. Я не хочу забывать тебя. Мои локации для тебя открыты, но я могу забыть пароли от них.

Он бросился на кресло и коснулся лбом стекла. Ася взяла его за руку.

— Я понимаю, что тебе страшно, — начала она тихо, — Но я никогда не забуду тебя. Даже если мне сотрут память, я всегда узнаю тебя по эмоциональному следу. Я чувствую тебя, наши сердца бьются в одном ритме, ты помнишь это?

— Когда нас было лишь двое, всё было проще. А сейчас так много ответственности, словно они все — наши с тобой дети. Если со мной что-нибудь случится, ты найдёшь меня? Не бросишь меня?

— Я найду тебя, Локс.

Серый шум.

Амелис легонько поглаживал лоб Айен, смотря в маленькое окошко.

«Как же смешно вышло, Локс, что не я нашла тебя. А ты. И что мы из одной Яви. Ты, став лордом, навёл справки и отыскал меня. Я бежала от «лорда», думая, что ты страшный чёрт, а ты брат мой. Друг мой. Которого я забыла».

Слёзы потекли из глаз леди, Амелис машинально ловил их пальцами и слегка массировал виски девушке.

«Ко мне вернулась память про Жанин. Милая моя подруга! Ты рассекречена! Наяву ты дед Виктор».

А вам, читатели, теперь с этим жить. Можете глянуть в 7 главу, чтобы посмотреть на ситуацию с точки зрения Жанин. К ней заявила подруга наяву, с ТЕМ САМЫМ Амелисом. А ещё этот Даниэль. Он же, выходит, знал, что Жанин это Виктор. Или не знал? Я вот думаю, что знал. Он был учителем травником для Дана, а значит Дан знал с его доме. Поэтому увидев эту избу во сне как прибежище Жанин, паренёк догадался об интересной личности дедушки.

Надо же, как мы привязываемся к дому... во сне и наяву.

Теперь-то понятно, почему дедушка Виктор с таким ажиотажем лез в окно с букетом цветов. Чтобы поставить его на стол. Потому что часть команды наконец встретилась!

И знаете ещё что... Нам всё равно, где мы, снотворцы, встречаемся, во сне ли, наяву ли. Какая разница?

И всё ещё есть вопрос. Почему Айен не помнит, что Дан был в команде? Потому что он лучше всех умеет скрываться. Настоящий Шпион.

Леди закрыла лицо руками. Локс очень давно начал разговоры о свободе. Вся эта «работа на благо всех» перестала мотивировать после мерзких заданий, в которых результат достигался сомнительными средствами.

ОСТРОВ УЧИТЕЛЕЙ

В океане стоял прекрасный остров. С горами, песчаными пляжами и белым замком, выдолбленном прямо в скале. Под самой крышей замка продувалась всеми ветрами беседка с колоннами, а внутри скалы хранилось ценное: пещера спящих тренирующих сон во сне детей, библиотека с научными трудами по снам и добытыми знаниями в других Локациях, тайник учителей с изъятими у снотворцев воспоминаниями.

Талантливых детей забирали в каждый сон на остров, внушали нужное и обучали жить во сне. Как только малыш засыпал, его за ниточку осознания вводили напрямиком на остров. Там внушали, что вокруг — Вечная Вода, а Благородные Учителя открывают истины избранным детям. В этом обучающем сне у малышей забирали память о яви, а перед просыпанием — память об обучении. Только входя в сон снова, память об Острове возвращали с барской руки.

Ежедневно Учитель водил свою группу на Процедуры Омования, на самом деле вода успокаивала, и ребяташки становились более внушаемыми.

В воде, далеко, но всё ещё видимые глазу, стояли поросшие мхом Столбы Края, за которые заплывать было нельзя — смерть грозит тем, кто не верит Учителям.

Все же в детстве боятся края?

Но слухи о тех, кто нарушил Запрет, ходили.

«Они умерли в пучинах Вечных Волн».

«В страшных муках», конечно.

Дан познакомился с Локсом на острове. Прошло много лет обучения во сне. И вот однажды произошла эта история.

КАК ЛОКС БЕЖАЛ С ОСТРОВА

Солнечное утро расплескало кричащих чаек по небу, Даниэль был счастлив, что Локс больше не говорил о побеге. Ужас сковал его, когда во время купания Локс подмигнул: «Айда со мной!».

Дан поплыл за ним, пытаясь вернуть, но сам пересёк линию Столбов Края, волны и страх победили, он чуть не утонул. Был возвращён и наказан за попытку побега. Посажен в клетку на холме, где жил настоящий леопард.

Но учителя, похоже, не знали, что зверь давно приручен этими двумя безобразниками, так часто отбывающими наказание в клетке.

Кстати, клеточка ничем не прикручивалась к земле, леопард мог сожрать человека, просто скинув клетку. Днём, когда не были наказаны, ребята приносили зверю еду, дали имя. А ночью, если оказывались в клетке, пускали к себе Ласку, так было теплее.

Тогда Дан был подростком, Локс был его лучшим другом. Парень не мог простить себе, что оказался слаб, не смог вернуть его, не смог остановить, не смог уплыть вместе с ним. Наставники думали, что за ночь Даниэль смирится с потерей друга. Но вышло наоборот. Дан решил последовать за ним.

«За большой водой есть Земля. Я обязательно уплыву туда».

«Прощайте, стены, вырастившие меня», — парень оглянул их общую с Локсом комнату, фотографии на стенах, небрежно заправленную постель друга. «Процедура Омования сегодня станет для меня последней».

Когда все зашли в воду, Даниэль бросился в сторону Столбов Края и стремительно удалился от группы. Только отплыв настолько далеко от Границы, что люди на берегу стали точками, он сбавил темп и отдохнул, лёжа на воде.

Двигался до самой ночи, долго, изо всех сил. Во тьме показалось, что впереди берег и свет. Мокрого, дрожащего подростка встретила незнакомая девушка, что-то радостно говорила, но всё было так неразборчиво, будто на другом языке.

Тут стоит пояснить, что во сне, когда ты пересекаешь линию Локации, может произойти всякое, в том числе то, что ты перестанешь понимать человеческую речь или видеть определённые или вообще все цвета.

У входа в пещеру, прислонившись к неровным камням, улыбался Локс. Пьянящая радость одни звуки приглушала, другие делала громче. Огонь костра, искры от поленьев, тепло. Дан узнал, что ребята, уплывшие с Острова, уже давно сохраняют это место для тех, кто приплывёт. Ночью поддерживают огонь. Днём ищут по берегу тех, кого выбросили волны.

Учителя более не могли ухватить их за ниточку осознания при засыпании.

Поэтому очень рекомендую: даже во сне старайтесь преодолеть любые препятствия, если вы уж совсем не конченный деградант и вам всё ещё интересна ваша жизнь.

Однако, приплывшие с Острова трудно адаптировались к новому миру. Потому что основа учения учителей — это ЛОЖЬ. Ну не говорить же детишкам, что их воспитывают как сонное мясо, для чёрной работы на власти имущих, для того, чтобы их руками расчистить мир снов и познать всё. Нет, выгодней рассказать, будто дети избранные, особенные, что могут постичь прекрасное и важное, а там, за этим островом, живут только дикари. На этом строится любая идеология: расскажи одной части людей, что они избранные, и управляй ими, чтобы угнетать и обворовывать остальную часть.

Сбежавшие спали в пещере, под тёплыми одеялами, на куче сухих веток, утром ходили в Город. Кому принадлежала эта Локация — неизвестно, но в ней была ярмарка. Именно там парни остановились перед лотком с украшениями. Среди бесчисленных камешков, листьев и бабочек светились и словно гудели медальоны.

Торговка тревожно забормотала:

— Берите мальчики, с вас по 8 сыщенов, и бегите отсюда подальше. В город заявились Монахи,

разыскивающие беглецов с Острова.

В пещере удавалось прятаться ещё некоторое время, пока их не обнаружили.

Хоть и были они возвращены на Остров, и связи с ниточками осознания были сцеплены снова, но память им стереть уже не удавалось. В ночь покупки медальонов они друженько вынесли их из сна в реальность. И это заставило Даниэля и Локса долгое время хорошо притворяться. Оба не снимали этих амулетов вообще никогда. Даже в бане.

Прошло время. Дан стал участвовать в снотворческих экспедициях за Сонный Край, охранять спящих детей и давать им сбегать, конечно. Локс же встретил леди Асю и они вместе развивались, как эмпапы, а после и стали работать как сонные наёмники. Спустя время в команду добавились остальные. Задания стали всё более жёсткими. Локс убеждал Асю, что нужно уходить от Учителей, но в конце концов ушёл первым.

Недавно он, как единственный родственник старого Лорда получил власть наяву и решил во чтобы то ни стало причинить благородную месть алчным Учителям. Что самое поразительное — он нашёл Остров наяву. И сжёг его к керам.

— Минуточку! — воскликнет читатель, — Это как понимать. Остров же был во сне!

А вот так, дорогой мой. Не все Локации, что вам снятся — выдуманнные. Иногда вам снятся вполне реальные места, и вы там можете действовать. Только, как правило, это происходит под контролем Учителей. Щаз, они бы позволили вам там творить всякое, ага.

Помните, что даже Амелис смог вынести из сна целое Гнездо. Так вот. Учителя смогли вынести из сна целый Остров. И Библиотека, и архив существовали одновременно и во сне и наяву. Вам же встречались такие места, когда сердце ёкало и вы восхищенно шептали: «Блин, ощущаю себя, как во сне!». Возможно, это уже частично вынесенная локация, мелькающая на границе сна и реальности. И вот эти тени сейчас, кажущиеся вам за левым плечом, это не «показалось», а вполне себе снотворцы.

И надо же, какая ирония. Дан сжёг библиотеку, спасаясь от Лорда, которым оказался Локс, сжёгший до этого Остров, но оставивший книги. Ученички.

Берегитесь, лживые учителя! Пока вы учите нас ненавидеть друг друга, глумиться на слабыми, убивать невинных и гордиться физической силой и деньгами, вы ходите по лезвию бритвы. Чувствует ли ученик в современной школе, что ему нагло врут? Вся система образования прогнила насквозь.

Все в команде обожали Асю, только вот Дан стирал её память, уходя из сна, а Локс отказывался это делать.

В итоге у леди Учителя подчистили воспоминания, после случая с Локацией Птиц. А парни оба сохраняли свою память, благодаря Медальонам.

Почему же Дан так поступал? Что же происходило между ними такого, что он принимал решение стереть это?

Лирическая ремарка.

Сцена четвёртая. Рассказчик сидит в гостиной мадам Изольды и, «попивая сок у себя в квартале», обращается в кадр:

— Действия Господина лекаря вам объяснит его добродушная тётушка, обмахивающаяся фотокарточками обнаженного Демона, речь её читать советую, учитывая сильный одесский акцент.

Мадам, приняв эстафету, на выдохе начала:

— Ну что же вы хотели от моего дорогого мальчика? Вы столько не пропьёте, сколько я вложила в его нервную систему. Слушайте сюда, я вам сейчас открою ваши глаза, что уже давно приняли формы замочных скважин. Когда папа Даниэля безалаберно отдал всё что имел, то есть душу, куску металла и обрёл бессмертие, отрастив пышную крону, мальчику было всего-ничего. Его несчастная мать отсидела реальный срок за расхищение имущества старого Козла, то есть, Лорда, потому как Птица обрела свои смыслы и увихрилась в небеса иметь свою свободу. И как вы-таки не понимаете? Бедный мальчик приживалом кушал в семье Айен, где итак ртов нарощено. Не хочу вас расстраивать, но жить он хорошо стал только тогда, когда я забрала его на лето в свои хоромы. Тут-то мы и дожидались мать его из тюрьмы. Бедная моя сестра! И зачем ей в жопе были эти пионерские кострищи, эта романтика ихняя с ледяными замками на этом проклятом Плавучем Причале, чтоб он растаял. Дорогой мой Даниэль рос тщедушным, а уж скромным каким, что говорить свою фамилию научился уже после того, как полгода торговал ножами на базаре. Маму свою берёт как птицу золотую из сказки, да и что говорить, ко мне имел уважение достойное. И как вы-таки представляете, чтобы этот мальчик бунтовал? Он прежде наточит город иголок и расставит ловушек на пол мира, чем в открытую станет кричать с бочки. Что мой мальчик любил эту прекрасноволосую девочку, это ясно как божий день. И очень искусно создавал себе облики, напоминающие этого бога, чёртова Амелиса. И как же сберечь чувства лучше, чем оставить их навеки в своих воспоминаниях? Жадный мальчик отчинил всю память себе, чтобы не расстраивать Леди, а что, если она узнала бы, что наяву у него сидевшая на зоне мать, корявые худосочные руки и сутулая спина? Ах оставьте ваши праведные гневны там, где их хорошо купят. В итоге всей этой романтишной истории у нас только Леди не помнит Даниэля в команде, так

хорошо он не хотел иметь её разочарование.

— Простите, а у них было? — встрял Свидетель Большого Зверя.

— Ой, ну шо ви спрашиваете, я же не знаю, могу только представить, только представить, — и тётушка отправилась в заснеженный сад пить горячий кофе, оставив нас наедине с воображаемым «было».

Сейчас, трясясь в железной карете Дан придумал на скорую руку план, как спрятать Айен от безумного Локса. Причём безумие Локса было для него гораздо очевиднее своего.

Но сначала ему необходимо заручиться доверием лучшего друга Леди. Поэтому, когда Ай уснула, Волк появился с ней не сразу, а через некоторое время, в котором лекарь уговаривал принять его план. Время уговоров было растянуто на несколько дней, вот так трудно было склонить Амелиса на сторону этого плана. Хотя стоит учесть, что с некоторых пор для блондина Дан стал тоже очень желаемым компаньоном по жизни. Что ж поделать, приручил Демона.

Так ли хорошо полное доверие, или без него мы и не узнаем, на что способны те, кто рядом?

Глава 20. В которой Айен просыпается трижды, встречает Жанин, Волк раскаивается, а Дан чёрт знает где

Едва в комнату проник нежный рассвет, как прозвенел будильник. В руке были зажаты круглые карманные часы, они звонили и звонили, прекрасной мелодией, вальсом, который Айен танцевала с Томейрой.

«Где я?»

В голове клубился туман. Сосредоточение вызывало острую боль в висках и звуки дребезжащих на высоких тонах струн, словно бы протянутых через всё тело. Оставалось медленно оглядываться по сторонам, раз вспоминать пока не получалось.

На стене висел женский портрет во весь рост. Сияющие глаза элегантной дамы в длинном голубом платье говорили о бесконечном её счастье.

«Неужели это я?»

Откуда-то послышался детский смех. Мучительно повернув голову в сторону дверного проёма, Айен увидела, как в комнату входит мужчина в домашнем халате. На его лице отразилось счастливое страдание.

— Моя Госпожа, железные небеса, ты проснулась?

— Как долго я спала?

— Мне кажется, ты всегда спала.

«Нужно подняться».

Передвигая слабыми ногами по ворсистому ковру, женщина подошла к окну и открыла тяжёлые синие шторы. Свет ворвался в белокаменную комнату.

«Я дома».

«Я дома?»

Такое умиротворение опустилось на душу Ай. Как же хорошо быть дома! Мой милый здесь, он дождался, пока я проснусь от этого долгого сна. В голову словно вывалили ворох специально подобранных «милых» эмоций и воспоминаний. Счастливая свадьба, первый смех ребёнка, редкая тяжёлая болезнь, забота любящих.

В комнату заглянула маленькая пухляшка и с восторгом уставилась на Айен.

— Она так ждала тебя, — произнёс парень в халате, неловко отводя глаза.

В голове возникло имя. «Амелис. Его так зовут. А как зовут её? Ну ничего, я вспомню. Мой дом. Надо выйти на улицу».

Женщина медленно прошла мимо зеркала в коридоре.

«Неужели это я?»

Длинные белые волосы, бледная кожа, синяки под фиолетовыми глазами. На плечи заботливо легла чёрная шаль, напоминающая перья огромной птицы.

Сердце забилось сильнее. Айен распахнула дверь.

В голове через белый шум пронеслись ленты мысле-образов: родные стены лечат, вернуться домой, любимый рядом, дочь.

Малышка бегала по плоской крыше дома и показывала маме мох, который она лично вырастила на огромных булыжниках, упавших с вершины скалы.

Ладонь обожгло. С недоумением Ай уставилась на круглые часы, полыхающие в руке.

— Ты должна выбросить их, они не должны тут быть! — занервничал Амелис, переступая с ноги на ногу.

«Я хочу проснуться с тобой», — прочиталась гравировка на внешней стороне крышечки.

Руки сами потянулись, леди открыла часы. Вместо обозначений чисел на циферблате сидели крохотные птички. От внезапной свободы они расправили крылышки и выпорхнули вверх, увеличиваясь с каждым взмахом крыла.

Одна из птиц опалила щёку Айен огненным хвостом, оставляя за собой ожог.

И в это мгновение всё стало на свои места. Это сон. Она в таком качественном иллюзорном сне! Гравировку можно прочесть, как и увидеть истинное содержимое часов, потому что Айен находилась в сердце своей личной созданной Локации, отлично защищённой.

Амелис... он не настоящий. И дочь — тоже. Эту Локацию Айен создавала вместе со Стражником. И кто-то так нагло забрался в её сокровенные мечты о жизни с Амелисом и ребёнком? Да как они посмели? Заточить её в её же пространстве, лишив памяти о реальности. Это чертовски возмутительно!

Но где настоящие Дан и Амелис?

Голова загудела от нового пласта памяти по имени Локс. Обхватив руками голову, Айен опустилась на землю.

Бегство из деревни, укус Железного Волка, наказание от Учителей, тётушка Изольда, Архитектор Локаций

водяные браслеты, Локс!

«Я хочу проснуться с тобой», — это её слова, однажды сказанные ему, потерянному другу. Про реальность. Про явь. Но они не знали наверняка, что из одной яви. Проснуться рядом означало, что они в реале тоже вместе. И этого так хотелось. Быть рядом с близким родным человеком.

Из тумана нахлынуло воспоминание о нежностях в облаках. Как много ещё она будет вспоминать свою жизнь и переваривать стеклянное крошево их отношений?

«Он так хочет, чтобы я использовала порталы времени для него. Что же он задумал? Может и правда стоит поговорить с ним? Это же Локс. Когда я не знала, что он Лорд, то конечно, бежала. Но. Это. Локс. Мой Локс. Пора сказать себе эту правду. Я очень хочу с ним увидеться снова. И обнять его. Я жила с разорванным в клочья сердцем, с кривой памятью, лишённая воспоминаний. Я ненавижу Учителей! А он сжёт Остров. Это же прекрасно Ты молодец, Локс. Почему я здесь?»

Айен поднялась. На белокаменную дорогу упала шаль из чёрных перьев.

Проснуться!

У фонарного столба стоял Амелис и плакал, как ребёнок. От взгляда на дочь сжималось сердце.

— Прекратите! — закричала Айен, — прекратите это! Мне так трудно, но я должна проснуться!

— Ты же знаешь, что не сможешь вернуться сюда так просто, — шептал фальшивый Амелис.

— Знаю! Знаю. Знаю, что потеряю тебя. Но там, где я проснусь, тоже есть ты. Другой ты. Прости, Амелис, я очень люблю тебя. Но я должна, понимаешь? Ты иллюзия.

Айен бежала по главной улице до моста. Прекрасная набережная, с темнотой, звёздами, бликами на синей воде и фонарями. С кафешками. Оружейной.

Слёзы текли по щекам. Сердце ломило. Чтобы сдержать его внутри Леди больно схватила себя за грудь, задыхаясь, бежала через мост.

— Перед тем, как проснуться... я обещаю вернуться!

Белокурая малютка, похожая на Амелиса, оставалась в этом сне, как его вечный артефакт. Идеального сна-ловушки, из которого не хотелось уходить.

«Отсюда просто так не проснуться. Нужно добежать до края Локации».

За мостом, подняв руки к небу, Ай выпустила ледяные незабудки, край сна покрылся морозными узорами, а потом был разбит с помощью карманных часов без времени.

* * *

Белый шум. ПОМНИ КТО ТЫ

Ася проснулась. Подушка мокрая от слёз. Да что же это такое! Разве могут сниться такие реалистичные сны! На то, чтобы успокоиться, на этот раз понадобилось около часа. Перестать рыдать, понимая, что никакого Амелиса нет, что никакой той дочки нет, и нет ни белокаменного дома в скале, ни прекрасной набережной. Этот сон Ася записала в подробностях, так же, как и те сны, про задания и Остров Учителей. Опять рассказала мужу и детям про удивительный сон. Слушали.

Собралась на работу пойти пешком, заодно послушать музыку и подумать. Точнее — повспоминать. Нужно купить такие часы. Обязательно.

Ноги шли, в голове орали каверы Пеллека.

Вечером был дождь. Фонарные столбы напоминали сон про людей, у которых светились лица. В такие вечера, после таких живых снов, прогуливаться всегда особо странно.

В чёрных лужах отражались оранжевые окна и фонари. И казалось, что если потянешься за этим чёрным магнитом и ступишь в лужу, то мир перевернётся. И ты окажешься там, не зная, остался ли у тебя хоть кто-то в этом мире.

Хотя не только в такие вечера. Ася всегда ощущала себя на Границе между сном и явью. Конечно, скажете вы, это надо нести свою задницу к психиатру, пить антидепрессанты и не заморачивать окружающих на свою пизду.

«Но я хочу верить в то, что во снах тоже была моя жизнь! Я отказываюсь лишать себя этой важной части меня. Как же я скучаю по ним... Друзьям из снотворческой команды...»

Третью жизни человек проводит во сне. И если там, во сне, тоже происходят события, на это не стоит «закрывать глаза», как не странно это говорить про сны.

Однажды ночью... в семь утра,

Ты заварил мне кофе.

Укутал в облако надежд.

И я, под одеялом неги,

Всё знаю, снилась мне сестра.
Проснуться надо. Нужен свет.
Подняться в гору мне бы.
Так ласково щекочешь шею,
За плечи обнимаешь крепко.
Я прокляну себя, оставив это счастье.
Но спать во лжи не может больше сердце.
На гору поднимаюсь. Босые ноги
В снегах заледенеют,
Руки частой дрожью от холода не сдержат одеяло.
Оно падёт, оплот последний счастья.
И яркий солнца свет в мою ворвётся душу.
Прощай, я просто так устала.
...и запах кофе тает над долиной...

Стихи и сны, ручкой записанные по старинке в блокнот. Кое-что было в телефоне и на планшете. А совсем старые сны где-то затерялись в удалённом аккаунте ЖЖ.

И постоянное, непрекращающееся состояние ожидания. Смерти. Ася думала о смерти часто. Что, тоже к психиатру? Да, конечно, я согласна с вами.

Ася лежала в маленькой комнатухе, по ширине в которую входил матрас, бывшей ей кроватью. Ещё в комнате стоял розовый детский шкафчик с устаревшими игрушками и вазы с цветами. Ася любила цветы. Даже вырастила себе два сада с розами. «Мне 40 лет, я мало зарабатываю и не могу путешествовать. С каждым днём я просто ближе к гробу». Но это не пугало. Это были равнодушные мысли. Какая разница миру, где я нахожусь сейчас, живу ли, дышу ли... Когда мои сны в разы интересней моей жизни?

Я так хочу снова увидеть их...

Однажды, по пути на трамвайную остановку, мимо Аси прошел Амелис.

Сердце взорвалось, ноги подкосились. Она остановилась и глубоко задышала, пытаясь понять, что произошло. Этот мимолетный взгляд на неё, эта чарующая улыбка родного лица!

Пытаясь справиться с шумом в ушах, Ася повернулась, но никого не увидела.

К ночи она выпила не одну, а две таблетки снотворного. За всю жизнь она так много страдала бессонницами, что перепробовала разные препараты.

Но сегодня обязательно надо спать.

Как попасть в сон, в который хочешь? Нужно так сильно этого хотеть, что Вселенная, услышав твои вопли, сама закинет тебя куда нужно, лишь бы больше не слышать этого душераздиранья в кровь.

Ася очень хотела.

Белый шум.

Гладкие влажные камни мостовой, башня с часами впереди. Ярмарочная площадь. Именно отсюда Айен чаще всего уходила в сон. Запах пыли после дождя, мелькание незнакомых людей.

Локация с большими летающими жуками. Это был город на берегу моря, откуда приплывали беглецы с острова.

Бегство из деревни, укус Железного Волка, наказание от Учителей, тётушка Изольда, Архитектор Локаций водяные браслеты, Локс!

«Какое счастье, что я вырвалась, — возмущённо неслась леди по ярмарке, — Это была двойная ловушка сна во сне. Но Локация так долго жила со мной, что я смогла воссоздать в ней Амелиса, хоть и на один взгляд. Ненавижу эти глубокие Локации, в которых нет магии, жизнь тянется почти бессмысленно, вокруг мелочные мужики, никто не способен восхищаться Леди, скрепы так и написаны на лицах людей. А эти неудобные лифчики, застегивающиеся на спине! Ужас! Ведь гораздо удобней те, что застегиваются спереди, с плотными широкими лямками, эластичные. Тьфу, 40 лет заставили там жить. Хотя вот теперь в мою копилку Моих Домов добавилось. А дети... я же рожала!!! Как жаль, я обязательно буду навещать их, когда разберусь с хозяином Локации. Я не прошу, не прошу тебя, тот, кто сделал это. Да как можно было решить, что меня удовлетворит ЭТО СУРРОГАТНОЕ СЧАСТЬЕ, НАВЯЗАННОЕ ЖЕНЩИНАМ ПАТРИАРХАЛЬНЫМ ОБЩЕСТВОМ! Я желаю быть свободной, лютого захочу, ходить, где захочу, быть лидером в своей команде, в конце концов. Кто та сволочь, что решила меня увлечь лишь Амелисом? Он, безусловно, прекрасный мужчина, но на нём моя жизнь не будет заикленна».

В мысле-речи леди ещё присутствовали многоэтажные матерные выражения, но рассказчик не смог их перевести на общедоступный язык.

Айен резко остановилась. Ощутила фонтан эмоций, узнала чей.

— А ты выходи, объясняться будешь, дружок.

Из-за лотка с мороженым выполз Волк Сновидений, опустив морду, прижав уши, волоча хвост по мокрым камням.

В пасти он держал топор. Аккуратно выложил его к ногам Госпожи и пятясь лёг на мостовую, закрыв лапами глаза.

— Нет, я не буду тебя рубить, Амелис. Только скажи мне правду. Неужели это Стражник? Это он Мастер Иллюзий? Я не могу и не желаю верить в это...

Волк подполз к ней и, дотронувшись лапой до голой ступни Айен, мысленно поведал ей всю правду. И про то, кем был Дан во снах Госпожи. Что формируя образ Стражника, лекарь старался быть похожим на Амелиса в деталях, и даже повторял запахи, проецирующие его образ. И про то, что он был в команде и стирал ей память об отношениях с ним.

— Но я хочу помнить! Я хочу помнить! — кричала Леди в толпу.

Люди оборачивались и шептались.

И про то, какую цену он заплатил, чтобы так надёжно спрятать Айен от Локса.

— И незачем так орать. Я и так прекрасно слышу, — на пороге шатра восточных сладостей стояла тонкая Жанин.

Наконец можно обнять свою дорогую подругу. Ну и что, что Виктор. Какая разница, если человек хороший?

И тут Айен прорвало.

Она рыдала про всё. И как скучала, и как им было тяжело приручать Демона, и как страшно было видеть светлячков в рабстве, и про память, возвращенную Локсом. И почему Дан лишил её части памяти, а может, она хочет всё это помнить, для неё тоже важно, что происходило у неё в душе!

Жанин гладила подругу по голове.

— Наш Даниэль в беде... Хоть он и суслик, но он наш суслик. Мы своих не бросаем, так ведь? — Миролюбив вздохнула Жанин. Волк тёрся о её ноги.

— А Локс бросил нас, — проговорила Айен частое страдание последних месяцев.

— Он отомстил за нас, поэтому считаю, что не бросил, — рассудила кареглазая красотка, — Он отошёл, чтобы переформироваться и наступить. Хитрость такая военная.

— Как мне вспомнить Даниэля? — леди Ай прикрыла глаза, пытаясь сдержать нервную лихорадку.

— Я думаю, что эти воспоминания есть у Локса, он же захватил секретные архивы учителей и твою память вынес оттуда. Там же может храниться и память о Даниэле. Надо вообще порасспросить нашего Лорда. Но сначала нужно вытащить этого чёртова шпиона. Ты знаешь уже, что он, спрятав тебя на двух уровнях сна, сам себя лишил памяти, чтобы Поисковики По Локациям его не индексировали? Теперь бродит по краям миров полубезумной тенью, видимо, сам спит на каком-то уровне. Но он теперь очень уязвим, его могут сожрать чудовища, недосозданные нерадивыми снотворцами без воображения, да и вообще! Нам его тётушка отомстит!

— Он сам забрал свою память? — Госпожа уселась прямо на камни, — Наверное, он спрятал её где-то. Но сначала нужно найти его самого.

Волк Сновидений подполз к ней ближе и заглянул в лицо. В глазах читалось отчаянье и «Прости меня» звучало бесконечной мантрой. Айен сурово глядела на него и молчала. Вдруг зверь жалобно заскулил, словно у него сейчас разорвётся сердце. Тут впору испугаться даже не знакомым людям. Симулянтом Амелис не был никогда. Неужели боль, что он причинил ей, стыд за это и её презрение так сильно ранят его? Она протянула руку и положила её на голову Волка. Тот слегка склонился вбок и Ай увидела, как из его глаз льются слёзы.

Вы когда-нибудь видели, как плачут небесными своими глазами собаки хаски?

— Я прощаю тебя. Прощаю, — леди обняла его, почувствовала родной запах и сама чуть снова не заплакала, но вовремя удержала эмоцию за хвост.

Тем временем Жанин уселась на коврик перед шатром.

— Что мы помним, а чего не помним о тех снах, в которых мы спим? Какие контракты мы заключаем при переходе из одного сна в другой? Мы же не знаем этого, Ася. Я думаю, что Локс был прав вот в чём: когда ты действуешь так, как ведёт тебя сердце, ты всегда будешь на верном пути, а не под властью тех, кто сел тебе на спину и ведёт за морковкой на верёвочке. Когда попадаешься на это враньё, то запутываешься в паутине. А потом рушишь всё, как Локс, становясь извергом для многих. А Серж сломался. Бедный наш Серж, он ведь и правде ребенок, очень талантливый мальш, но сейчас его родители посадили на таблеточки и приставили к нему домашнего экзорциста, ведь Ай, знаешь, есть такие люди, что не верят в сны.

— Как ведёт сердце, — прошептала Ай.

Вспомнилась ей обучение фехтованию у мамы Амелиса.

«Когда берёшь в руки меч, то представляй, что он становится частью тебя. Твоя рука удлиняется на размер оружия. Твое действие должно идти от сердца, это и есть сам путь, которым ты идёшь. Приняв решение об ударе ты дальше уже не прикладываешь никаких усилий, а просто даёшь сердцу сделать это. Оно управляет твоим мечом,

ставшим твоей рукой».

— Я знаю, как его найти.

Айен мгновенно успокоилась.

Даже если он забирал память о себе во снах, то в той яви, где он был Даном, у неё тоже есть воспоминания о нём. И чувства.

Ай закрыла глаза и сосредоточилась на памяти об этом таинственном, нежном, сильном человеке.

«Когда он приехал в деревню, чтобы сопровождать меня. Бархатистый низкий голос. Ощущение холода вокруг него, когда он напряжён. Загорелая кожа шеи, красивый воротник рубашки, янтарные глаза, в которых тонешь.

Он собирает ветки, ветер трепет его короткие волосы. Жаль, что он ушёл тогда от костра, когда Амелис затеял танец. Так хотелось потанцевать всем вместе. Абрикосовый крем от торта на его губе засох капелькой, и я наблюдала за этой крошкой весь день, боясь смутить его.

Так аккуратно он предложил применить иглы во время месячных болей. Когда он находил для игл нужные места, под его пальцами кожа шла мурашками, так нежно он касался меня. Он смеётся, у него лицо светится, глаза словно абрикосовое варенье.

Когда он точит иглы... Его скулы притягательные, что я еле сдерживалась, чтобы не прикоснуться к нему, не начать целовать. Тогда появился Амелис и отогнал меня от костра. Его шея пахнет травами, так вкусно. Он же и есть тот мальчик из сна, которого я наблюдала на ветке глицинии? Кровь его тёмная, когда он обнимает, то душе тепло. Тогда, после битвы, в моём инее, он обнимал меня, и мне больше не было страшно.

Я спрыгнула с дерева в его руки, когда была первая ночь Демонического Амелиса, он сначала на секунду прижал меня к себе, как родную, а после уже понёс лечить. Думал, что я не замечу. Он не спал ночами, но всегда был вежлив и нежен со мной. Однажды, когда он делал мне массаж перед сном, он думал, что я сплю, а сам гладил мои волосы, а мне было так приятно.

Осматривая мои родинки он не касался меня, но я кипятилась под его взглядом. Такой неприступный, такой чужой. Такой родной. Словно в нём борются два человека. Спать в его рубашке, вдыхать его запах. Словно немного украсть у судьбы этого человека на одну ночь.

Переживать, что он так холоден ко мне, ни на миллиметр ближе, чем может себе позволить. В тот день, когда я получила водяные браслетки, я лечила его лицо, он посмотрел на мою грудь, когда сползла рубашка, и его щёки порозовели, он смутился так мило.

А в бою он двигается божественно, как леопард! И тогда, во время нашей тренировки с Амелисом он пришёл и оказался в пылу спарринга как у себя дома, элегантно сел на окно и взял пить отвар, стоящий на подоконнике. Это выглядело так, словно он шифовал этот проход к окну вместе с нами очень долго, но это же у него вышло благодаря его тренированному телу и скорости реакций».

Вспоминая, Айен листала архив Локаций, запуская в каждый мир ниточку сознания. Этому её научил Дан. Как Мастер Создающий Локации. Сам научил её всему, чтобы она могла спасти его. Знал ли он заранее, что она выберется? Хотел ли он, чтобы после того, как он спасет её, она спасла его?

Листая Локации, она удивлялась, что к каждой у неё оказывался ключ. Слова-пароли возникали перед её внутренним взором сами собой, но Ай вспомнила, где она их получила. Однажды Стражник заставил её прочесть все свитки, что он спрятал в своем доме. И каждый свиток содержал в себе пароль от Локации. Он дал ей пароли от всех Локаций, что знал сам.

Наконец, одна страница засветилась голубым, и туда за Айен прыгнула Жанин, верхом на Волке.

Глава 21. В которой Мастера спасают сразу из нескольких мест одновременно

В доме Стражника вещи лежат в беспорядке, коробочки, открытые ящики, какие-то тряпки, одежда, сумки. Его дом — это захламленное жилище с очень высоким потолком. Золотистый свет льётся из круглого окошка в крыше. Его здесь не было очень давно. Всё покрыто пылью.

Ай сделала прыжок вверх и ухватилась за края окошка. Снежная буря снаружи мгновенно покрыла кожу коркой льда. По пояс в снегу стоял заснеженный Стражник. Волосы его отросли и закрывали лицо.

— Дан! Я нашла тебя!

Леди спустилась с крыши в снег и бросилась к парню.

Дан был в той самой кружевной рубашке, в которой Айен однажды спала. Он воссоздал для этой вечности именно эту одежду. Ткань хрустела на морозе, волосы бились на ветру льдинками и царапали шею. Девушка обняла его со спины, крепко сцепив руки на груди. «Какой холодный».

— Я не дам тебе умереть!

Он поднял голову и уставился тусклым взглядом цвета хурмы в серое крошево вечности.

Горячие слёзы Айен растапливали лёд на тонком батисте.

— Мой дорогой Мастер. Мой верный друг. Ты так хотел стать для меня чем-то меньшим, чтобы не разочаровать... Но я хочу сама решать за себя. Ты научил меня стольким вещам...

Так прошло некоторое время, пока в круглом окошке не появилась голова Жанин:

— Его надо будить. Но мне сдаётся, что он спит во сне. Так просто ты его не пробудишь, надо попасть в глубокие слои его сна, найти там его призрак или что он там из себя сотворил, чёртов гений.

— Я не знаю как попасть туда, — прошептала Айен, — у меня мало опыта работы с глубокими слоями локаций.

В узкое окно протиснулась Волчья мордаха и бесстыдно облизала ухо Жанин.

— Он знает.

Волк Сновидений, способный обходить границы — это вам сущий и ссущий подарочек судьбы. Да, он дерзновенно сделал это на дом снаружи, после чего отрастил себе чёрные крылья и несколькими взмахами разогнал сугробы вокруг Дана и Айен.

Жанин стала поодаль.

— Ты пойдёшь за ним, я останусь здесь «на чёрный день». Если что, позову Молчаливого Андрика и он вас вытащит. Этот парень умеет доставать ещё и не с таких днищ, но, к сожалению, потом страдает полгода бессонницей, поэтому старается не пользоваться этим бонусом.

Волк закружился вокруг обнимающихся. Удачи, Айен.

Мастер, Создающий Локации, что же сотворил ты в тот день внутри железной кареты, убегая от Лорда?

Весьма хитро ты упаковал Айен в замкнутой петле личной Локации, спрятал во времени, пока цветёт вишня. Так как ты лично замыкал петлю, то тебе нужно укрыть и себя, чтобы ни одной нити сознания не вело в потаённое место. Тогда Локс никогда не найдёт её.

Но вот что-то пошло не так. Часы, неизвестно как оказавшиеся у Ай в этом сне, разбудили её. Она спрятала их именно в этой локации, это был секрет, о котором ты не знал, Мастер.

В тот момент, когда ты выбросил в снег свои амулеты — метательный нож с гравировкой Плавучего Причала и талисман с острова, и приказал сознанию разделиться на два мира, ты перестал быть Даном.

В снегу осталась одна твоя часть — Стражник, такой, каким тебя помнили все члены команды, а в сон во сне погрузилась вторая твоя часть, но не помнящая о себе ничего — настоящий Даниэль из яви.

Он тонул. Толща ледяной воды давила его вниз, последний воздух давно уже стал последний выдохом. Тьма внизу и тьма сверху. Холодная смерть.

Дан смирился с тем, что она наступает ему на горло, потому что какая-то мысль, какое-то смутное убеждение говорило ему, что так правильно.

Мы сами создаём себя и свои действия. Чего хотим? О чём думаем? Мысль направляет, программируя Пути через мерцающую суетливую Вечность.

Уходя по этой тропе лекарь дал себе приказ: даже если придётся сгинуть в вихре Локаций, он не должен выходить, чтобы... чтобы... здесь приказ обрывался, видимо, для сохранности ценной информации. Защитил сам от себя. Чтобы не вспомнить девочку с меняющимися цвет волосами, которая спасла его в детстве от холода,

обнимая по ночам, давая тепло на проклятом Плавучем Причале.

Что-то потянуло его вверх, но дышать, как и жить, совсем не хотелось.

— Дыши! Дыши! Делай вдох! Это больно и трудно, но ты должен, раз я тебя вытащил!

Через гул он слышал речь, но не понимал значения слов, ему надавали пощёчин, заглянули в бледный его лик квадратным и суровым лицом человека «при исполнении». Расплывчатые образы ещё немного тревожили его сознание, но очень скоро пришла счастливая пустота.

Очнулся на больничной кровати. Ему ставили капельницы. Волосы отросли ниже плеч, в больничной рубашке и светло-серых штанах он сам себе кого-то напоминал, но не мог вспомнить окончательно. При таких попытках начинала раскалываться голова, и он бросил эти муки. Есть такой инстинкт — выживать. «И раз уж так случилось, что я жив, то надо жить, так желает Путь».

Через несколько дней смог встать. На него смотрели, как на диковинку, он понял, что он «вернувшийся с того света», говорить пока не мог, мышцы не работали, ходить было тяжело, передвигался с костылями.

«Я умер и снова живу. Это всё, что мне известно о себе. Я не хотел жить, это тоже очевидно. Сейчас я здесь, но даже не знаю своего имени». Он всматривался в зеркале в свои жёлтые глаза и не помнил даже своего лица, это так странно, когда не узнаёшь отражение в зеркале.

Откуда в больнице столько пострадавших: от пожаров, с увечьями, сошедшие с ума? Что это за место?

Как-то парень смог дойти до первого этажа. Дождавшись, когда двери распахнутся для медсестёр, он сделал шаги наружу. Светлый крохотный остров со всех сторон был окружён водой, совершенно чёрной и пугающей. Тревога подкралась к сердцу, вроде как он должен был узнать что-то, но не мог. Остров? Опасная вода?

На короткой набережной сидели парни с русалочьими хвостами. Они и были Спасателями. Такие прекрасные, словно нарисованные маслом, двое плескались хвостами, сидя на светлом парапете. Третий лежал на животе, подперев голову руками.

— Парень! Ты счастливчик! Выжить в Чёрных Водах Тьмы — это невероятная сила духа и удача по судьбе должны быть, — заговорил один чудесный, повиливая хвостом.

Нежные цвета чешуек поражали воображение, парень попытался вспомнить названия, и голова загудела от наплыва букв.

«Зеленовато-серый, как полынь, охровый, как степь, молочно-голубой, как первое молоко кормящей женщины, светло-алый, как малиновое мороженое, розовато-жёлтый, как рассвет, лимонный, как тувфельки девочки». Пришлось замотать головой, чтобы прекратить мыслительный поток, от которого запульсировали виски.

Дан спросил жестами:

«А вы... как вы...туда ныряете?»

Парни переглянулись.

— Мы рождены этой пучиной. Но и нас она желает вернуть на дно. А мы вот, балуемся. Решили, а не спасти ли нам людей, тонущих в наших водах?

«Те, все в больнице... тоже тонули?»

— Нет, что ты...есть же Негорящие, например, они спасают из пламени, или Ловцы, которые останавливают тех, кто забыл, как приземляться. Ты ведь первый, кого мы смогли спасти! Обычно, те, кто выбирает Пучину, слишком верят сами себе, и достаточно упёрты, чтобы вести себя к разрушению. Но ты... словно бы часть тебя не хотела этого, будто ты сам себя обманул в какой-то момент, а сейчас не знаешь, где твоя истина.

Больница стояла среди бескрайних чёрных вод, на круглом острове, и занимала почти всю его площадь. Только не заставляйте меня считать её этажи, я так давно видела её во сне, что сейчас точно посчитаю неправильно! Окна выходили во все стороны, но само здание совершенно целиком поросло плющом, и то, что кирпич её белый, было видно лишь если приблизиться к стене.

Даниэль смотрел в черноту вод, горизонт тонул во тьме, как и дно. Отыскать ответы было необходимо.

Утро. Снова свет. Так медленно. Просыпаться каждый день, двигать пальцами ног. Заставлять себя дышать. Брать костыли и идти вниз. Никаких лифтов! Только лестницы. Заходить на каждый этаж. Смотреть, прислонясь к стене, как бегут медсестрички с носилками. Принимать свою немощность. Чувствовать себя чахлым, каждый свой час выбивать у смерти. Дан уставал, едва оказавшись у дверей своей же палаты, пройдя всего четыре шага. А уж спуститься на несколько этажей без лифта, наблюдая за действием на каждом этаже, преодолевая отсутствие сил, — это было, пожалуй, героизм.

На одном девочка лет семи, в халате медсестры, пыталась самостоятельно утащить бабульку на носилках. Бросив взгляд в сторону тщедушного на костылях у лестницы, девчонка вздохнула и подозвала его на помощь.

Но нести всё же не пришлось.

— Я буду рожать прямо сейчас! — закричала бабушка.

Ничего не происходило. Руки Дана покрылись холодным потом, он опустился на пол, рядом устроилась маленькая медсестричка.

Девочка заглянула под юбки старушки и сообщила:

— Бабушка, у вас родился прекрасный мальчик!

— Как мальчик? — испугалась та, — я ждала девочку.

И с блаженной улыбкой начала рассыпаться в пепел.

Девчонка устало села на пол, вытянув ноги.

Даниэль ошарашено смотрел на исчезающую последней шевелящуюся синюю пуповину.

— Просто многие старые женщины запуганы на всю жизнь, что не родили мальчиков. Их обижали за это мужья, родственники, да и вообще, совершенно чужие люди. Не сын, значит никто. И девочки — никто у них, понимаешь? У них зарплаты ниже, а товары для них дороже, одежда без карманов и туалеты неудобные. Эта почтенная Леди даже умирая, захотела родить сына. Какие жуткие миры существуют, возмутительно. Возможно, где-то в лабиринтах Локаций этот малыш сейчас родился, совсем один, как вечная мечта и идЭя, — объяснила девочка, снимая повязку с головы.

— Я так устала, пойдём в буфет есть булочки с абрикосовым джемом?

Девчонка взяла его за руку, один костыль упал и так и остался лежать, а он ушёл, опираясь на второй костыль и маленькую подругу.

Она рассказывала про больницу, истории выздоровлений и смертей. Она — проводник душ на «тот свет», где бы он ни был. Когда она смеётся, в душе расцветают незабудки. Когда она берёт его за руку, он отчаянно хочет жить.

По-прежнему речь ему не давалась. Зато он начал улыбаться, и теперь каждый день ждал, когда прибежит маленькая медсестра и они вместе пойдут в буфет. Она приносила ему карандаши и бумагу и рисовала смешных человечков. Она рассказывала, что у Русалов нет попы, поэтому им не сделать клизму, если понадобится, рассказывала, что если горевшего человека гладить по телу и внушать любовь к себе, то человек нарастит кожу и выздоровеет, что если обнимать человека каждый день, то в нём будет больше счастья.

Однажды она не пришла.

Даниэль уже бегом спустился вниз и показал русалкам её портрет, нарисованный им утром цветными карандашами.

— Говорят, что она пропала из списка учениц, вроде как потерялась. Эта девочка, Ася, такая смешная и суровая! Всё мерила у нас температуру и искала... зад.

Русалы захихикали, а Даниэль ощутил во рту вкус крови, прикусив губу.

Это имя. Ася. Щекотало нёбо и сжигало сердце.

В голове замелькали какие-то кадры, словно кто-то перематывал кино. Девочка ревёт в тёмном шалаше, убегает от него по цветочному полю, он обнимает девушку, падающую в пропасть, она убегает от него по осеннему лесу и смеётся, потом они ныряют в горы листьев.

«Я схожу с ума. Моя голова сейчас лопнет».

Со всех сил Даниэль ударился о стену больницы и закричал.

Город, залитый полгода Солнцем, а потом полгода Водой. Необычная Локация, о которой Айен только слышала. Город выстроен из бульжников, и улицы выглядели, словно длинные запутанные коридоры лабиринта с высокими стенами. Очень жарко.

Непонятно, где трактиры. Люди словно бы существовали без домов, в постоянном движении по этим коридорам. «Если не найду воду, то будет очень худо», — подумала Леди, присев под стеной. Рядом сидел старичок.

— Дедушка, мне нужно найти...

И тут вместо «попить» она сказала: «Дана».

Как это вышло?

Дедушка выждал минуту и закричал:

— Вот и верно, зачем придумывать себе не главные цели? Ведь тебе нужно его найти, и это истинная твоя причина, зачем ты здесь. У нас собирается отряд, идущий навстречу Великой Воде, тебе нужно с ними. Твой Дан — это же Мастер, который сделал нам тропу к городу Снега, и тропу к Воде. Мы очень благодарны ему. Его дом сейчас там, где затопила огромная Волна. Не боишься?

Ай взяла дедушку за руки и пожала их.

— Вы не представляете, как я благодарна Вам! Если я попаду в его дом, хоть и затопленный, я буду самой счастливой на свете!

«И я не боюсь воду... он научил меня не бояться стихию...»

В отряде она шла целый день, но после вечера наступил снова день, как на Севере, когда полгода не садится солнце, и вода стала появляться в коридорах дороги.

И вот вода уже по колени, и вот по пояс, и идти уже трудно, многие начали плыть.

Но когда вода пришла выше шеи, Ай немного запаниковала. Один мужчина показал ей жестами, чтобы она ныряла.

Под водой весь отряд шёл так же, словно ничего не произошло! Только тела стали легче.

Дышать в воде можно было так же, как и воздухом.

И вот они уже дошли до маленьких кованых городских ворот, после которых началась Локация с домом Даниэля. Затопленная неведомой стихией.

Айен никогда не хотела бы увидеть снова этот кошмарный переулочек. В котором она плакала по умершей от голода и холода Мальве. Когда её вынес на руках из этого закоулочка незнакомый мужчина и согрел своим телом, когда рухнул снег с крыши. Ноги сами вели по тропинке вниз. Сейчас лето. На Плавучем Причале растаял снег, но всё равно было так зябко.

Его дом? В котором он жил с родителями.

В окно Ай увидела призрак Дана, словно Локация скучала по нему и создала его облик. Он сидел на кухне и смотрел на печеньку. В руке дымилась кружка кофе. Кружевная рубашка была расстёгнута у ворота, обнажая ключицы. Тучи вдруг разошлись и свет попал ему прямо на щеку, плечо и руку, сделав их золотыми.

Айен потянулась к нему, зная, что он лишь тень. Стать лучами света. Дотянуться.

Пусть руки станут лучами солнца.

К тебе тянуться,

Лица коснуться.

Узнать, как смотришь ты в своё утро,

Как пьёшь свой кофе,

Как ешь печеньку.

Ведь невозможно взять и проснуться

Во всех вариантах развития жизни.

Пусть руки станут

Лучами солнца.

Узнать хочу я как ветер дует, какой сиренью в окно стучится.

Преодолев тенистые клочья душистой жердély и яблони белой

Увидят руки как пьёшь ты кофе,

Как ешь печеньку,

Как смотришь хмуро.

Лучом касаясь, едва живая, я золотом утра ласкаю щёки.

И станет тебе непонятно жарко и так счастливо, как будто в детстве.

Лучами рук обниму за плечи и еле дотронусь до края рубахи.

Прощай, недотрога, прощай, незабудка, тенистые звери закрыли просветы.

Призрак почти рассеялся, Айен вернулась на дорожку и, пройдя немного вокруг дома, нашла дверь.

В его комнате она была когда-то в детстве, тогда они приходили с мамой.

«Так прибрано. Всё идеально. На своих местах. Невозможный человек! Зато у Стражника всё валяется. Поверить не могу, что это один и тот же человек!»

Девушка услышала звуки призраков в другой части дома. Из-за воды быстро уйти не получится, только медленно. «Надо искать зацепки. В письменном столе!» Все, у кого в комнате есть письменный стол, обязательно спрячут в него дневник, рисунки и блокнот.

Там было всё.

Дневник оказался пуст. На рисунках — позы для метания игл и ножей, а также чертежи и зарисовки новых ножей и хитрых узоров для украшения рукоятей.

Во втором столе лежало незаконченное вязание тонкой кружевной салфетки. И шоколадка.

Однако.

На самом столе лежал ежедневник. И вот в нём-то как раз было много всего написано. Всё распланировано по минутам. Тренировки, бытовые дела, сон.

Напоминалки:

— Вынуть иглы из старого дуба, кинул высоко, не успел залезть.

— Сварить обед для мамы

— Камни Коротейна? Попробовать.

Айен, поразвившаяся своей догадке, взяла ручку и вписала в напоминалки:

— Проснуться из сна во сне, когда Айен придёт в мой затопленный дом.

Может от крика, а может от боли, стена больницы треснула. Трещины пошли дальше, и затронули всё пространство вокруг. Даниэлю показалось, что он выдыхает морозный воздух, его вытолкнуло вперёд, оставив осколки Локации позади.

Его обнимали руки. К его спине прижималось тёплое тело. Как же холодно вокруг. Бились друг о друга льдинки волос.

Голова зазвенела пронзительными воспоминаниями. Айен наяву. Опасный Демон. Вернувшийся Локс.

Тело слишком замёрзло, чтобы сейчас функционировать, и обессиленный Стражник Дан упал на руки своей маленькой медсестрички, спать без снов, спать от усталости, чтобы просто побыть без сознания.

Глава 22. В которой Айен встречает почти всю команду

— Сам себя украл, выпотрошил свою память, поставил замки от самого себя же — шептала Жанин, внушительно поднимая бровь, — это же просто гениально, ёшкин кот. Сначала Айен, потом себя. Но кто ж знал, что у Леди со временем свои тёрки, и она его начала спасать задолго на начала их путешествия. Да какую хитрую выверть придумал, а? Спеленал мечтами, но наша леди не лыком шита, ей эти мечты все до одного места... Не зря Учителя её Лидером поставили над нами, оболтусами. А ты, тоже мне друг, почему на это всё согласился, как он тебя убедил?

Амелис сидел в облике крылатого Демона, молчал и чесал подбородок. Научился во снах принимать и этот вид, а не только волчий. Но говорить по-прежнему не очень торопился. Да как сказать, почему согласился... Даниэль был очень убедителен. Он вообще с недавних пор стал слишком влиятелен для Амэ.

Домик дедушки Виктора-Жанин на границе с Локацией Леса Айен сегодня ждал гостей. На стол торжественно водружён огромный букет цветов, собранный грустным Даном на рассвете.

Леди ушла побродить в свою зиму, подумать. Просила за ней никому не ходить, мол, сама вернётся к вечеру, или когда позовут. Но не звать по-пустыкам. Только если придут члены команды.

Жанин продолжала обхаживать Амелиса, то возьмёт его за подбородок, то попытается рассмотреть цвет кожи под перьями, то попросит раскрыть крыло.

— Да они все офигеют! Ася нам так часто говорила о тебе, все мечтали увидеть, — Жанин вытянула лицо, приложив ладони к щекам, — а потом тебя принесли ко мне, как замороженную пельмешку с откусанным краем. И вот теперь ты здесь, настоящий оберег для снотворца! Ну что ты смотришь на меня так! Да, этот дом стал нашим убежищем. А Дан с Леди Ай встречались тут очень часто. Они договорились, что если беда, больно, тяжело радостно, или переполняет, или просто хочется встречи, то можно прийти сюда, в этот мой дом, и дожидаться друг друга. Он строго следовал правилу и забирал воспоминания о чувствах каждый раз перед просыпанием, я так корила его за это! Но он ничего не слушал. Говорил, что Айен не простит его.

Даниэль лежал на печи, укрытый лоскутным одеялом. Сейчас нужно было смириться с тем, что девочка Ай оказалась круче него. Она спасала его задолго до того, как он принял решение умереть, она так держалась за все свои чувства, так уважала их, и вытаскивала его, благодаря чувствам.

Локс проникал в снах к ней, принимал иные облики и проверял её. Он всегда переживал за неё, и поэтому подарил часы Пробуждения, приняв облик Томейры. Тогда ведь, сам Дан встретился с настоящей Томейрой и был удивлён, что Ася задерживается. А оно вона как было. Часы помогли ей проснуться, показав птенца Огненной Птицы.

Локс погружал её в сон во сне, показывал ей, что можно даже из своей личной домашней Локации выпустить чужого человека, помните Клетчатого?

Локс волновался за подругу, но и ревновал, ведь он считал себя единственным лучшим эмпатом и компаньоном для леди Ай, а Дан когда-то был его лучшим другом. Интриган по призванию, молодой лорд вёл свою игру, планируя рано или поздно явиться перед своей Асей наяву. Показывал ей, что её границы нарушают, намекая на Даниэля.

«Я нарушаю... ведь её память — принадлежит ей», — грустно думал лекарь.

Нарушает ли психолог ваши границы, когда выворачивает наизнанку вашу память фаршем наружу? По сути психолог — это акушер-художник, рождающий вас заново в другую реальность, придав вашим определённым воспоминаниям особую окраску.

«Прекрасная бирюзовая волна в её Локации с рынком и цветущими деревьями — это тоже дело рук Локса. Вроде как показывал свою мощь, что он рядом, но не причинит ей вреда. Но никто не мог спасти её от кошмара в конусе-ловушке Учителей. Это было ужасно. Она вынесла тогда из сна свои раны!»

Даниэль сжался в комок, накрывшись с головой.

Дверь со скрипом отворилась и, согнувшись пополам, в избу вошёл Молчаливый Андрик — двухметровый шкаф с флегматичным лицом.

Так хотелось написать «двухметровый шкаф с флегматичным ящичком для лица и дубовыми ножками, готовый в любой момент брызнуть на вас гвоздями и распасться в груды бессмысленного дерева, но нет, оставим просто флегматичное лицо.

Сразу кивнул Жанин, огляделся и в два шага оказался у печки.

Поднял Даниэля, как тряпичную куклу, да как засветит ему в глаз! А кулак у него мощный, я вам скажу. Под визги Жанин, Демонический Амелис оттащил Скалу в уголок и внимательно так на него поглядел.

И тут Молчаливый Андрик заговорил, обращаясь в сторону потерпевшего.

— Ты столько раз спасал меня, выручал нас всех. Ерунда, конечно, что я не спал шесть месяцев после того, как

вытолкнул тебя из ледяного чёрного океана. Да как можно было желать смерти, когда у тебя столько незаконченных дел? Но друг, какого хера ты так себя ведёшь? Ты давно должен был сказать Асе правду! Нельзя такое творить! Я замучился вас всех ждать. Мне даже пришлось сменить работу, ушёл во фриланс из-за бессонниц. Я скучал.

После этого огромный мужик высвободился, снова оказался рядом с Даном и заключил его в крепкие объятия. «Сломает ребра», — подумала Жанин.

— Так, всё!!! Оставь его, он всё ещё не в себе! Зззз!

Андрик был отогнан, а лекарь снова завёрнут в одеяло.

Пернатый Демон уселся на стул, положив ногу на ногу, и тоже заговорил:

— Я его друг. Не покушайся боле на человека, которого спасла моя Леди. Его могут бить только она и я.

Мистер Скала уселся на полу напротив, молча взял из рук Жанин прозрачный стакан с зелёной газировкой.

«Подумать только! Как мне повезло! — дивилась Жанин, подтыкая одеяло под бока лекаря, создавая плотную гусеничку, — Два уникальных существа, и у меня в гостях. Русал тёмных вод и мифический Волк Сновидений с демонической кровью. Эти ихтиандры вообще редко когда сотрудничают, только если сами решат, что хотят этого, а этот вообще В КОМАНДУ пошёл! Про Волка вообще даже страшно предполагать. Надо за ним следить, а то мал ли что».

Спустя время Андрик уже поделился одним наушником с Демоном, и в голову Амелиса ворвался голос Пеллека, отчего дыбом встали перья на спине и поднялся хохолок.

Разговор у них завязался. Слово за слово, и вот мы услышали интересное, как Молчаливый Андрик стал Сновидцем, не затронув сокровенную тему про русалочий хвост.

— Сначала я думал, что переиграл в комп. Все эти Локации, смена аватара, хотя в некоторых можно выбрать остаться собой, — это так странно. Когда я понял, что могу нырять очень глубоко, то чуть не остался там навсегда. Был случай с подвалом и лабиринтом, из которого не мог выбраться Серж. Я искал его очень долго, и когда нашёл, то помог ему уйти, но пространство опечатало меня внутри. Не помню даже, сколько времени я провёл там, пока Локация не изрыгнула меня. Тогда в Яви я не мог спать полгода, сидел на антидепрессантах и наблюдался у психиатра, почти убедившего меня, что сны — неправда. Но для каждого своя правда, вот что.

— Минутку... Андрик! В твоей Яви есть компьютеры? То есть, ты живёшь в том мире, которую мы считаем Сонной Локацией? — оживилась Жанин из-за печки.

— Да... я понял это давно, поэтому и не болтал много. Вот Ася, Даниэль и Локс из одного мира, ты, Жанин, живёшь как-то сразу в нескольких, и ни разу я не понял, в каком мире ты родилась. Серж — из другой Локации явлен, там лечат в основном религией, поэтому бедный мальчик уже несколько раз подвергался обряду изгнания Сатаны. Жорик из моей Локации, и он не придёт сегодня, у него сейчас некоторые проблемы, об этом потом. А Мальвина... я так и не понял, где её дом. Она скиталец. Когда Ася, пропала, Мальвина стала бледной тенью и выла по Локациям, словно Собака Баскервиллей.

— Мальвина — это моё создание, моя умершая подруга.

В окно влезла Айен, прямо на стол. Страхивая с себя снег и изо всех сил игнорируя печку, она сначала затискалась с Андриком, пока чёрный Демон не заметил:

— Эй, эй, аккуратней, качок. Моя Леди не камень, сломаешь ей ребра — я твои пересчитаю.

Но вот всё равно было заметно, как этот прекрасный парень доволен, что Госпожа наконец встретила свою команду, по которой так тосковала. Он очаровательно улыбался в свои чёрные перья и принимался, собирая свою карту запахов для каждого.

— Представляешь, Андрик, я потеряла связи с вашими нитями снов, не могла никого отыскать. Если учесть, что ты не из моей яви, то ещё долго мне б не светило вас встретить.

— А кто смог? — задал качок хороший вопрос, и леди глянула в сторону хозяйки дома.

— Фактически, конечно, Локс первый нашёл меня. Но очень своеобразно давал, то есть не давал о себе знать. Иногда он вымораживает своими методами. Жанин тоже встретила меня в Яви, но ничего не сказала мне сразу, только потом, когда пропал Дан, она явилась из шатра. Шахерезада. А Даниэль... Он знал меня очень давно.

Наконец леди выдохнула, сжала кулачки и направилась к печке маленькими нерешительными шагами. Она теребила край одеяла и, не решаясь заглянуть в абрикосовые глаза своего Дана-Стражника, высказала сначала всё то, что хотелось.

— Как вы могли решить всё за меня? Что для меня лучше? Быть без памяти, спрятанной во сне, как кукла, и ждать, когда ВЫ решите, что мне можно уже дышать? Да разве вы лучше Учителей? Смогу ли простить тебя, Даниэль, я не знаю. Но я так растеряна! Ты же... ты... тот мой парень из больницы, которым я бредила в детстве. Для тебя это случилось только сейчас, а со мной уже давно, так уж устроено моё время. Ты всегда так боялся быть узнанным, что никогда не принимал свой настоящий облик во снах, усиливая мои чувства к Амелису. Лишь мой братишка Амэ был честен со мной, а там, где недоговорил, то лишь по твоей вине!

В другой стороне комнаты Демон усиленно закивал.

Дан сидел, прислонившись к стене, не в силах что-либо сказать. В сумраке светились серебристые полосы слёз на его впалых щеках.

Ай так хотелось обнять его, и она уже вроде решилась, как с воплями «АСЯААААААААА!», на неё напал двое: девочка с голубыми волосами и худосочный кучерявый Серж. Они всегда были словно её дети. Рассказывать им сказки на ночь в долгих миссиях, причёсывать непослушные кудри, выслушивать их беды и непременно любить всем сердцем — вот в чём Ай находила невероятное счастье.

Оставалось дожидаться Локса. Но он всё не появлялся. Жанин убеждала, что он непременно придёт. Но вместо него в Локацию пришла ночь. Детей уложили спать на печке, а колыбельную им спел Демонический Амелис, наложивший косматые лапы на их головы. Мелодичное мурчание минуты три — и дети спят. Андрика даже пришлось трясти и поливать ледяной водой, настолько силён Хранитель Демон в своей песне. Этой ночью они просто отдохнут без сновидений, так решила Леди, и Амелис исполнил.

* * *

Звёзды отражались в тёмных глазах Ай.

«Мне нужно понять, кто он в моём сердце. Слишком много всего этот человек для меня значит».

Леди резко повернулась и обняла тихонько стоящего рядом Дана. Их двоих Жанин вытолкала из избы поговорить. Ну надо же, в конце-то концов!

«Почему нельзя просто взять понравившегося человека и унести к себе в комнату? Его шея пахнет травами, его объятия крепкие и нежные. Он будет держаться вечно и не сделает первого шага, чтобы не оскорбить меня».

Поэтому Леди сама поцеловала его. Его руки медленно обхватили её за спину. Этот момент хотелось длиться бесконечно. Потому что когда он закончится, нужно будет жить дальше, всё не будет уже так хорошо. Скоро придет Локс и станет сложнее. Они целовались под звёздами, внезапно дав себе право жить сейчас, пусть чувства так запутаны и сложны, но сейчас у них есть очень близкое пространство, которое они отчаянно хотели сократить.

— Я так хочу вернуть тебе воспоминания, но я не умею.

Да сейчас это стало уже и неважно.

Длинной ночью шли двое, держась за руки. Их сопровождали волки, мигрирующие между Локациями.

События, происходящие с нами — это разве не падение снежинки в белую холодную массу? Но важно лишь то, что ты чувствуешь. Айен сердилась на него, но и понимала, что он не мог поступить иначе. Такой он, каким его создала Вселенная. Мальчик Плавучего Причала, слышащий птиц. Защищающий её всегда и готовый жертвовать собой ради исполнения принятых решений. Только не подумайте, что я его оправдываю. Нет, что вы. Но и разлюбить его, как автор, я не в силах.

Граница с Лесом Айен стала видна полупрозрачной стеной, в которой снежинки падали медленней. Из лета можно было попасть в зиму за один шаг.

Из снежной завесы к ним шагнул человек.

— Твой снег по-прежнему не морозит меня, Ася. Значит, ты меня ждёшь.

Взгляд его упал на сцепленные руки. Злая усмешка вспыхнула и сразу погасла в глазах цвета спелой черешни. На груди его среди прочих талисманов действительно был амулет со снежной незабудкой Айен.

— Ну ёлки, Ася. Я же ни разу не скрывался. Как можно быть такими аполитичными, ума не приложу, — начал Локс, саркастично ухмыляясь, — Вы что, газет ни разу не видели, не читали, что молодого лорда зовут ЛОКС? Я понимаю, что монеты с моей рожой ещё не наклепали, но можно ж было в газетёнке глянуть, полюбопытствовать, не? Я ж не кое-кто, облик во снах стараюсь сохранять СВОЙ. Если бы вы хоть чуточку интересовались внешним миром своей Яви, долбаные интроверты, то не пришлось бы так долго вас преследовать.

Айен пожирала глазами Локса, находясь на грани восторга и истерики. Одетый, как настоящий принц их мира, даже с лордским мечом в ножнах, парень выглядел весьма внушительно. Опершись на ствол дерева, он продолжал говорить, уже обращаясь к Дану.

— Ты думал, что можешь уйти от них, играть по своим правилам на их территории, чувствовать себя шпионом, это так будоражило твоё чувство важности, Даниэль. Смешно!

— У меня всё же неплохо получалось, — тихо ответил лекарь, — Когда ты пропал, команду расформировали, что мне оставалось делать?

— Я не верю, что ты никогда не искал меня. И никогда не поверю, что ты не хотел убить их всех, затолкать их вранье в их старческие глотки, — со злобой выдохнул Локс, — Я хотел прекратить рабство снотворцев, и я смог найти их чёртово гнездо.

Задетый за живое, Даниэль тоже перешёл на повышенные тона:

— Неужели ты считаешь, что Я не думал об этом? Вот, ты сейчас разрушишь, а придут другие, и снова

построят эти стены, Локс, они их построят. Видел ли ты алчность в сердцах людей? Видел ли ты, как протянув руку к деньгам люди менялись кардинально, забывая о человечности? Я хотел уйти от Учителей и продумать, как сохранив багаж знаний о пространстве сновидений, перейти к более гуманному сотрудничеству с талантливыми снотворцами! Но ты всё рушишь, рушишь.

— Ты сам лично сжёг библиотеку! Я тебя не просил, кстати, — резонно заметил лорд.

Айен попыталась вырвать руку, но Даниэль сжал её крепче.

— Пусти меня! Это же Локс! Он вернулся! Я должна обнять его, я должна! Я должна!

Локс вдруг засмеялся.

— Ты должна? Ты всегда что-то должна, Ася. Неужели тебя это не бесит? Отвечать за команду — ты должна.

Даже когда она распалась. Это несправедливо, Леди моя. Знаешь, однажды я по-детству вытащил из сна горстку жуков. Они расплодились и стали громадинами омами. Да, да! Это я притащил их в мир той самой Ярморочной Площади! Они безвредны, конечно, людей не едят, но размерами с дом, ничё так, да? В той Локации отлично идёт межлокационная Торговля, так вот, знаешь, кого обвинил в возникновении Непредвиденной Нестабильности этот старый козел дядька Лорд? Мою мать! Мама меня, мол, плохо воспитала, сиськой долго кормила, поэтому я херовый такой. Ася, реально, моя мать была наказана за это и сидела в темнице. Я бросил вас, Я ушёл, команда распалась, а почему виновата ты?

— Локс...

— Ты же знаешь, почему ты не всё помнила обо мне, а про него, — лорд указал на Дана, — вообще ничего?

Потому что было такое правило у всех элитных команд: забирать память о себе у человека, с которым были отношения во сне, перед тем, как прийти в явь. Помнится, мы говорили об этом в доме Жанин, и без конца с тобой наедине. Что, Даниэль, зубами скрипишь? Да, я наедине с ней! И каждый решил, что определит для себя сам эту этическую проблему. Так вот. Он это делал исправно. Каждый раз обкрадывал тебя. Я отказался это делать, учителя сделали это насильно. Они окружили тебя, и по ниточке, по слову, забрали почти все наши с тобой воспоминания, — Локс распалился и уже почти кричал, — А знаешь ли ты, что эти дьяволы использовали девочек с острова для продажи секс-утех между Локациями, якобы, для заданий, а потом стирали им память? Я был в ярости, когда узнал об этом. И ещё... Я и Он, знаешь, почему мы с ним ПОМНИМ? Однажды мы сбежали с острова Учителей и смогли купить на рынке редкие амулеты у старухи-колдуньи. Эта чёртова побрякушка сохранила мои мозги, Айен. Они выпотрошили твою память, забрали всё, что могло тебе помочь уйти от них раньше. Забрали всё, включая путь к Жанин и ко мне. А ведь обещала, что никогда не забудешь мой эмоциональный облик.

Знал бы он, как тяжело было Айен, как она пыталась вспомнить его, как искала в своей памяти дороги к нему.

— Чего ты хочешь добиться, зачем тебе мои временные порталы?

Локс отряхнул с головы снег и стал ходить вокруг, раскинув руки:

— Вот, заговорила снова, как Ася, сразу к делу. Я хотел справедливости. Я нашёл их остров, собрал армию и уничтожил их, забрав из хранилища украденные у людей воспоминания. Я показывал тебе прекрасную стихию, волну, помнишь? Я показывал тебе в телескоп другие миры и космос! Я показывал тебе, что можно открыть любые двери. Это я танцевал с тобой вальс. Я отдал тебе мои часы с птичками. В них был спрятан тот самый птенец, ставший прекрасной взрослой птицей. И это ты дала ему волю. Его жизнь была в твоих руках, и он теперь на свободе. Хотела бы ты, чтобы он оставался взаперти? Я хочу отдать людям то, что им принадлежит, и пусть они сами решают, что им делать со своей жизнью, такой, какая она есть. Врать и скрываться от самого себя, попав в эти непрочные миры, разве это то, чего ты хотела? Мы же можем освободить всех снотворцев, найдя очаги манипуляторов по всей вселенной. И если удастся, сможем вернуть воспоминания в том же времени, в каких они были изъяты.

— А если люди не хотят чего-то помнить, и без воспоминаний им будет лучше? — сомневаясь, спросила девушка, — Я проходила курсы лекарства, есть такие ситуации, что для выживания человека, у него наоборот нужно отнять воспоминания.

— Не ограничиваю тебя в твоих желаниях, моя леди, — лорд картинно поклонился, — будешь поступать так, как считаешь нужным. Я уже давно мог бы тебя выкрасть, но есть ли в этом для меня смысл? Я наблюдал за тобой. Разве что не просыпал свое тело рядом с тобой. Вот бы твои парни удивились!

Локс тихонько засмеялся, обходя Айен со спины.

— Зачем думать «сплю я или не сплю», если в сущности, нет никакой разницы. Нужно жить так, как ты хочешь, хоть во сне, хоть наяву, и ни одной твари не позволять собой управлять. Я научу тебя жить свободно. Жить рабом во сне, даваясь подачками в виде любви, которую всегда могут забрать, друзей, которых могут не вернуть, — это разве то, чем стоит гордиться? Ты так хотела жить, Ася?

— Скажи мне, Локс, там, в архиве, есть воспоминания, которые Даниэль забрал о себе? — выдала последний решающий вопрос Айен.

— Архив огромен. Нужно искать. Пойдем со мной, Ася. Ты вернёшь всё, что желаешь помнить о нём. Я буду

ждать тебя в нашей Яви, приезжай в замок Лорда. Свою собачку бери, он всё равно не даст тебе уехать одной. Я доверяю тебе мой амулет Памяти. Возьми. Пусть у тебя больше никогда ничего не заберут.

В руки леди лёг амулет с крохотными самоцветами по кругу, купленный давным-давно у ведьмы за 8 сыщенов. Потрясенный, Даниэль молчал.

Проходя сквозь границу локаций, Локс красиво рассыпался на вихри снежинок.

Глава 23. Детство Ай на Плавучем Причале

— Мы тебе помогли стать красивой. А теперь поможем стать знаменитой! Скажи, что это ты сама себя разукрасила. И тебя будут фотографировать!

Две девочки, разложив на неровном полу палитры с ритуальными красками, раскрашивали длинными кистями лицо третьей, самой младшей.

Лиля была дочкой соседки, старше Космеи на год. А маленькой моделью была Айен, разукрашенная всеми цветами. Ритуальная краска очень сложно отмывалась. Ой, что будет! Но, когда пришли взрослые, Айен гордо подняла голову и заявила, что сама всё это сотворила. И да, она была в центре внимания. Мама голосила и охала, папа бегал за фотоаппаратом, ставил Айен на стул и делал фото. Можно было смело ставить подпись: девочка, которая ни о чём не жалеет.

— Давай вырежем дырочку в шторе и посмотрим ритуальный спектакль? — шептала Космея однажды ночью.

Раз в месяц взрослые устраивали спектакль для «отведения глаз Пурги». Каждый раз с новым сценарием. После полуночи. Как же это было интересно! Но детей укладывали спать по традиции, после «спокойной ночи, малыши», — сказки от местной сказительницы Тёти Вали. Айен, как всегда, не могла заснуть быстро, а Космея давно хотела смотреть спектакли вместе со взрослыми. Звёзды сошлись. В шторе образовалась дырочка. И девочки по-очереди глядели на действие. Ничего, правда, было непонятно. Про какого-то рыцаря на железном коне, его преследовала снежная королева, но он каждый раз оказывался смекалистой и избегал супружества, успев наклепать нескольких детей в разных сёлах по пути бегства.

— Кто это сделал? — строго спросила мама.

Все молчали, но Айен чувствовала себя виноватой других, и почему-то созналась.

Был такой период, когда Мастер, Слышащий Птиц был занят в Гроте по полгода. С таким раскладом дети могли его подзабыть. А как скучала жена! Полина считала дни, тосковала, и показывала девочкам из окна тропу, по которой должен вернуться отец, но дети начинали забывать, и как он выглядит, и что такое это «отец».

В одно суровое утро мама засияла, захлопотала и стало ясно: отец скоро. Ну как новый год или восьмое марта.

Космея и Айен прятались под кроватью, перебирали свои сокровища: гранёные бусинки и бисер, мохнатые кулоны из оленьей шерсти и клык медведя.

— Надо это спрятать получше, — серьёзно сказала Космея, — отец скоро.

Обе скорбно вздохнули. Им начало казаться, что это событие поменяет всё в их маленьких жизнях. Наступит «отец» и всё изменится.

И вот оно пришло.

Лохматое грязное чудище, хромой походкой качнулось в дверь. Мама плакала, обнимала, отправляла мыться, готовила еду и хлопотала, как будто родственник приехал. Позвала детей. Из ванной вышел мужчина. Айен даже побежала заглянуть в ванную, где там прячется чудище «отец», и как этот мужчина выжил в одной ванной с ним?

Но чудища больше никто не видел.

— Вылупился... — прошептала ей на ухо Космея, страшно вращая глазами.

В подтверждение этому мать вынесла из ванной грязные лохмотья и сложила их в огромный таз, кипятить с едким мылом.

— Может, его кожу можно использовать в хозяйстве? — задавались вопросами девочки.

Мужчина целовал детей в макушки, сажал к себе на колени. Это было неприятно и страшно. Космея будто бы начинала вспоминать его, но это не точно. Вот что случилось приятного, так это «паёк». Столько вкуснятины! Рыба сушёная в банках, зелёный горошек, сгущёнка, плитки шоколада, баночки с красной и чёрной икрой, пачки гречи и макарон, рыбных консервов ящик целый. А к ночи, уложив детей спать, мама ушла с этим человеком под ручку во тьму.

Айен как обычно притворилась, что спит, чтобы мама закрыла дверь, и поверила, что дети спят, а Ай сможет потом мечтать полночи и слушать тишину да ветер. Но до слуха донеслось, как закрывается дверь и как скрипит под сапогами снег.

В окно девочка увидела, как мамино пальто скрывается с НИМ.

— Мама нас бросила! — заревела Ай, разбудив сестру.

Личико Космеи вмиг стало серьёзным.

— Так, не ной. Она не бросила, она просто вышла погулять.

— Мама никогда не ходила гулять ночью!

Это показалось разумным. Космея задумалась.

— Правило Плавучего Причала: не бросать никого одного, помнишь? Я тебя не брошу! — она взяла за руку Ай.

Такие строгие дети, в темноте. Свет от уличного фонаря делал луч на полу, и казалось, что даже стало светлей.

— А что мы будем есть? — снова заплакала малышка.

Космея побежала куда-то в тёмный угол и вынесла круглые коробки с сушёной рыбой. Потом открыла холодильный ящик.

— Гляди! Сколько всего! Мама много наготовила, нам надолго хватит, а потом что-нибудь придумаем. Пойдем к соседям жить, к Лильке. Я знаю где мама хранит все припасы.

Холодильный ящик решили не закрывать, чтобы было светлей чистить рыбку. Глядя на спокойствие Космеи малышка Ай успокоилась. Плакать больше не хотелось.

«Раз Космея так уверена, значит всё будет хорошо».

Рано утром родители вернулись с гулянки, организованной главой их Грота, во имя окончания сложной работы над новыми Птицами Лорда, и нашли детей спящих на одной кровати, в обнимку с припасами рыбы.

Ну ведь точно не пропадут:)

Когда родилась Мара, то уже троим детям пришлось вспоминать «отца» из Грота. Как-то зимой выпало очень много снега, избы засыпало по верхушки крыш. Полина отпустила всех гулять, оставшись, наконец, дома абсолютно одна.

Жители посёлка расчистили проходы между домами, просто вырыв траншеи в снегу.

Одетые в кучу одежек неповоротливые дети бросались в сугробы и рыли себе «детские» ходы.

Отец курил толстые офицерские сигары и глядел в небо.

— Мара пропала! — вдруг отрезвил его голос Космеи.

А потом все дружно лазили по детским траншеям, аккуратно расчищая их, чтобы ребёнка случайно не завалило снегом. Нашли. После чего Мару попросту посадили на санки, без права ползать, а старшие девочки встали на лыжи.

Дети придумывали друг другу прозвища, иногда смешные, иногда обидные. Космея бесилась, когда её обзывали Крячкой, Айен обижалась на Айку-пулемётчицу, а Мара — на Марка-доярка.

Война детей была строго по графику, когда можно было просто играть, а не заботиться о выживании. Например, когда приезжал «отец». Детям делали брызгалки из мягких сосудов для воды, и выдавались цветные мелки для игры в пиратов-разбойников. Война по расписанию всех устраивала. Потому что при объявлении настоящего военного положения дети становились кланом, друг за друга, строго соблюдая иерархию подчинения.

Время шло, дети выросли, и кто выцарапал на кухонной панели «Крячка», и на двери в сортире «Бог, ты есть на свете?», — до сих пор оставалось тайной.

Иногда Железные Птицы не соглашались работать на Лорда. Тогда Птица устраивала бунт и Грот полыхал пламенем. Раненым не было счёта. А Птицу приходилось взрывать. Детям говорили, что это «Землятресение». Как-то ночью Айен не могла уснуть и слушала странные звуки земли. Она разбудила Космею, когда шум стал очевидным и пол затрясся, да так, что от стены отошёл шкаф, хлопая дверцами.

— Он хочет сожрать Мару... — зашептала Ай, видя, как шкаф направляется к манежке.

Но случилось дальше то, что подняло статус отца в глазах детей.

Он ворвался в детскую и усмирил кровожадного монстра, удерживая его на месте, пока не перестало трясти.

Весной отец собрался на рыбалку. Не на такую, когда собираются мужики с водкой. А на настоящую, чтобы ловить рыбу и слепнуть от бликов солнца на воде. Тогда-то он и решил взять с собой старших девочек. Маленькие сердечки колотились, ручки мастерили пилотки из газетной бумаги, а мама улыбалась, глядя на их неуклюжие сборы.

Рано утром, часа в четыре, они вышли из дома, тепло одетые, с удочками, с купленными заранее червями и подготовленной макухой. Нужно было ехать на железных санях до разрешённого для рыбалки места. Взяли в аренду неказистую лодку с двумя целыми вёслами.

«Главное, чтоб не дырявая», — думала Айен. Но ничего не говорила. Зачем говорить, когда есть два старших человека, гораздо опытней неё.

Так и ловили. Папа — больших рыбок, Космея — средних, а Айен — маленьких. Это был единственный раз, когда «отец» был с ними так близок, когда они делали общее дело вместе. Ай глядела восторженными глазками на то, как он ловко вылавливает еду прямо из воды, и думала, что всё же неплохо, что этот чужой человек остался у них жить.

Как-то в феврале вечером, когда уже давно было темно за окнами и стужа норовила сломать стёкла, малышку Ай мама уложила отогреваться под шубу, напоив молоком с мёдом. Одно ужасное происшествие на Плавучем Причале взбудоражило Военный Городок.

Женщина устроила дебош, потребовала самого Лорда к ответу.

Тогда в комнату Ай впихнули худого лохматого мальчика.

— Ложись, согрейся, поспишь пока здесь, Даниэль.

Дверь закрылась, стало темно. Мальчик продолжал стоять на одном месте. Ай лежала тихо, едва дыша.

Тишину нарушили редкие всхлипывания. Мальчишка ревел, стараясь делать это беззвучно.

Айен не выдержала. Нельзя никого бросать на Плавучем Причале! Она откинула шубейку:

— Иди ко мне греться!

Всхлипы не прекратились. Но мальчик подошёл, снял верхнюю куртку и забрался в нагретую постель. Девочка взяла его заледенелые руки в свои. «Как странно. У неё такие же глаза, как у меня», — подумал Даниэль.

Тогда он ещё не знал, что рядом с ним маг времени, меняющий цвет глаз и волос по настроению. Айен настолько прониклась сопереживанием к этому мальчику, что повторила его охровый цвет в своей радужке. Он продолжал плакать, потому что такие же глаза были у его мамы. Которую посадили в темницу. И которую, возможно, он больше никогда не увидит.

— Как тебя зовут?

— Даниэль.

Тогда Ай запела.

Колыбельная Айен

Спи, волчонок спи родной,

Дождь идёт, смывает краски.

Баю-баю, снежный мой,

Мы с тобой уходим в сказку.

Спи, Даниэль, снег — твоя колыбель.

Будет солнечно и ярко,

Я взяла с собою зонтик.

Сладко спи, пусть будет жарко,

Мы — огни на горизонте.

Спи, Даниэль, снег — твоя колыбель.

Мама ходит в снах под снегом,

Волки воют ночью белой.

Спят снежинки, мы по следу

Ищем маму в лапах елей.

Спи, Даниэль, снег — твоя колыбель.

Баю-баю, спи, малыш,

Айен рядом, осень близко.

На руках ты сладко спишь.

И луна на крыше низко.

Спи, Даниэль, снег — твоя колыбель.

Не печалься, я с тобою.

Дождь прошёл, исчезли краски.

Баю-баю, мир нам снится.

Мы с тобой уходим в сказку.

* * *

Так Дан прожил некоторое время в семье Ай, пока за ним не приехала тётушка и не увезла его в солнечный Аз-Тархань, греться и учиться.

—

За военным посёлком был обрыв. Страшный такой обрыв, упадёшь — башку свернёшь. Но в обрыв манили заросли малины. Взрослые туда не ходили, некогда было. А вот дети туда собирались огромными компаниями. Держась друг за друга, кто за руки, кто за край одежды, дети гуськом шли вниз. Айен была самой маленькой в этой экспедиции, потому что без неё Космею никуда не отпускали. То есть наоборот.

У Ай получалось найти большее количество ягод! Потому что такие крохи никогда не ходили в эти места, и малина по низу была свободна от покушений. Ягоды надевали на пальцы, словно шапочки. Ведь с пальцев вкуснее!

Уже на обратном пути в кустах послышался шорох. Дети обомлели. Ведь это наверняка... медведь! Космея загородила собой сестру. Впереди всех стояла Лилька с палкой.

Из кустов выглянул хмурый Даниэль. А после и весь показался. С ножом в руке, весь в царапинах.

— У него кровь! — закричала какая-то девочка.

Мальчишка, не отводя взгляда от толпы, слизнул красное с губ. На самом деле это была малина, конечно.

— Медведя тут нет. Я проверил. — спокойно сообщил он.

—

Как-то летом родители, взяв кроху Мару с собой, направились к прибывшей по морю торговой шхуне, в надежде купить детям заморских фруктов и овощей, что было огромной редкостью на Плавучем Причале.

— Двери никому не открывайте. А то говорят, что злые духи входят, если их самим впустить, и воруют детей, — сообщил Космее отец расхожую байку.

Через три часа времени дети стали переживать, что родители не возвращаются, а значит, их украли в рабство пираты. И тут послышался звук вскрываемого окна на кухне. Защёлка не поддавалась. Звон стекла.

Космея взяла Айен за рукав и заставила влезть под кресло. Сама втиснулась рядом. В руке её был нож, в глазах — стремление защитить сестру любой ценой.

Послышался незнакомый мужской голос.

«На Плавучем Причале не бывает грабителей... Тогда это точно злые духи». У Ай от страха задрожали ноги. Но вдруг мамин голос стал звать детей. Но они не вылезали из-под кресла. Потому что духи могли скопировать голос матери.

Когда покрывало с кресла приподняли, оттуда выскочила Космея с ножом, рыча и атакая.

Незнакомый мужской голос оказался соседом, мама — мамой. Просто забыли ключи от дома, пришлось лезть в форточку.

—

Ночное недержание всегда стыдная тема. Для всех участников регаты. Маме стыдно, что ребёнок никак не «научивается». Ребёнку стыдно, что он словно младенец не может держать в себе то, что следует донести до ночного горшка. Сестре стыдно за то, что всем стыдно.

Космея очень долго мочила постель, аж до двенадцати лет, пока не научилась практике самовнушения. Все годы этой беды Айен молча страдала за сестру. Когда та плакала перед мамой, стыдима ею. Ай хотелось броситься между ними, защитить, обнять милую её родную сестричку и говорить ей правильные слова, какие только, Ай ещё не знала.

Но страх и стыд парализовывал девочку. Спустя годы она нашла нужные слова, и говорила сестре их уже по другому поводу. Но катарсис всё равно испытывала.

— Ты не виновата в этом, Космея! Я люблю тебя.

—

Летом можно было много играть на улице. Тогда Даниэль забрался на крышу и соорудил из верёвок «почту». Письма можно было отправлять снизу вверх, перетягивая верёвку. Айен ещё не умела писать, поэтому рисовала буквы от балды, задом наперёд и вверх ногами. Даниэль рисовал ей в ответ смешные картинки с участием человечков.

—

Недалеко от военного посёлка, в лесу, было место, называемое местными «Оленье чудо». Если смотреть с высоты полёта Железной Птицы, то это были лесные тропы, вытопанные в форме оленёнка. Туда бегали играть Ай, Дан, Космея и Лилька, потому что создали там свой «шалаш».

Однажды в посёлок приехал сам старик Лорд, да не один, а со своим дальним племянником, Локсом. Заносчивый мальчишка глядел на всех свысока, поправляя аккуратные вышитые перчаточки на аристократических ручках.

— Меня щаз вырвет, — хмуро сказала Лилька и дети гуськом скрылись с официальной части приветствия.

Нужно ведь собрать немного провизии, чтобы устроить обед в шалаше. К приезду Лорда ответственные сельские власти приготовили вкусняшек, словно на месяц снежной блокады. Лилька хищно глядела на жареные куриные ножки в огромной миске. Даниэль подготовил мешок. Туда сгрузили всю курицу, две банки неведомых детям «кабачков» и много-много красивых ярких фруктов. И с мешком по пересечённой местности дети бежали в Оленье чудо, подгоняемые страхом от содеянного. За ними по пятам бежал маленький лордский племянник.

— Стойте! Воры! Как вы посмели красть у Лорда! Я всё расскажу дяде! Вас всех утопят в ледяной воде Белого Моря! Да остановитесь же вы!

Но дети не останавливались, надеясь на то, что пацан отстанет.

— Вроде отстал, — выдохнула красная Лилька.

В шалаше было тесновато, но все поместились. Посередине поставили мешок с едой. Как же было вкусно! Особенно, когда без тарелок, руками, вытирая жир об одежду. Смеясь.

Грянул жуткий ливень. С молниями, с громом.

— Он же вряд ли сам вернулся в посёлок, — сказала Лилька после определённо напряжной тишины в шалаше.

Айен сделала огромные глаза и изготвилась плакать, представив, как лордский пацан вязнет в грязи и тонет,

захлёбываясь в коричневой жиже.

— Я пойду, — сказал Дан непререкаемым тоном.

— И я тоже, — сказала Лилька, как самая старшая.

Космея и Ай оставались в шалаше «стеречь» еду от медведя.

Ноги вязли в глинистой почве. Дождь заслонял от них реальность. Пройдя часть пути дети услышали всхлипывания. Мальчишка стоял, обнимая сосну, жмурясь и рыча от страха.

Лилька с силой отняла его руки от дерева.

— Пойдём с нами в убежище.

В шалаш давно, несколько недель как, были принесены одеяла и сменная одежда. Локса раздели донага, вытерли, одели в сухие одежды и укутали в плед лилькиной бабушки. Вещи его выжали от воды и закрепили внутри шалаша наверху. Само строение не мокло, потому что его фундаментом и внутренним слоем была супер тонкая прочная непромокаемая осиморская ткань, добытая Лилькой и Космеей при аресте легионерами пиратов прошлой зимой. Громкое урчание в животе заставило Локса покраснеть.

Дан протянул мальчишке куриную ногу из снова раскрытого мешка.

— Ешь.

Вот тут-то и выяснилось, кто из них самый голодный.

Ливень шёл всю ночь. Было принято решение ночевать в шалаше, ведь идти сейчас по лесу было очень опасно, тропа слишком мокрая, в глине действительно страшно было сгнуться.

Дети прижались друг к другу, укрылись одним огромным одеялом. Настало время страшилок.

— Когда папа вернулся из Грота, — начала Лилька, — он рассказал такую историю. Когда его сгрузили в воду внутри птицы, было очень темно. Он спрашивал в темноте: «ты слышишь меня, душа?» А она молчала, молчала, да потом как запипит: «я тебя слышу, человек. Зачем тебе жизнь в этой железке?» «Кто ты, с кем я говорю?» «Я бестелесный дух, коих полным-полно в мире». «Ты разве не душа птицы?» «Нет, но я могу ею стать» папе было очень страшно, он думал, что должен пробудить птицу, а выходит, что он вселяет в механизм живую уже готовую чью-то душу! «Расскажи мне, человек, что есть хорошего в этом мире?» Тогда папа рассказал ей о цветах и пище, о жене и детях, тогда Янка уже родилась, поэтому и про неё тоже рассказал. «Ты хорошо рассказываешь, человек, я хочу увидеть такое счастье». Тогда птица оживала, и будто бы этого разговора и не было!

— Вселять чужие души? Это Шаманизм какой-то, ведь да? — шёпотом добавляла Космея, — тогда я вам расскажу, как однажды я встретила шамана. Я с мамой ходила на местный рыночек. А он шёл навстречу, неся на руках маленькую девочку. Это было после той страшной бури. Увидев меня он остановился, присел на корточки и подозвал меня по имени. Мама была рядом, она его не узнала. Тогда он сказал одними губами: «всё будет хорошо, мне просто нужен ночлег», и упал на землю. Девочку он держал крепко, я заметила, что у малышки были перебинтованы ножки. Тогда шамана разместили в гостевой комнате. Он тогда, оказывается, от голода рухнул. Не ел несколько дней. Всё девочке отдавал. Я видела у него ночью странное.

Все с испугом:

— Что?

— Кинжал с гравировкой Плавучего Причала. Такие кинжалы стали изготавливать только в этом году. А шамана я встретила задолго до этого! Он за один день наколдовал лекарство, вылечил свою дочь, а потом и всех остальных, кто заразился кровавыми язвами.

Даниэль, с сомнением:

— Почему ты решила, что он шаман?

— А потому, что у него куча всяких коробочек, бутылочек и трав было с собой. И он знал моё имя. И Айен тоже. Он играл по ночам на странном инструменте, то ли оргАн, то ли вУрган назывался. Он когда очухался, он напугал Ай, что бросился её обнимать, а потом извинялся, говорил, что по болезни, перепутал со своей девочкой. А та дикая такая была. Ночью у неё вырастали чёрные перья на руках и в голове, и она не признавала никого кроме своего папы, этого шамана. Вроде его звали Дьяни.

— Можно я тоже расскажу? — тихонько сказал лордский мальчишка.

— Давай, — разрешила Лилька.

— Моя мама любила вышивать. Красивые картины на холстах. Иголка в её руках оживала и рисовала горы, уток, красивых людей. А мой папа часто пил коньяк. Когда он был злой, он брал мамины иголки и втыкал ей в руки, чтобы ей никто их не целовал. Кроме него.

Повисла тишина, после чего Ай громко заревела.

— Это страшно, — сказала Лилька. Ты придумал очень страшную историю, ты получишь утром приз, я конфету припрятала для этого.

— Но я рассказал правду, как и все вы, разве не так? — Удивлённо проговорил Локс.

Повисла тишина.

— Лилька, спой нам песню, — попросила Космея.

И к звуку дождя присоединился детский голосок Лильки, поющей про неловкого белого медвежонка, что пытался уснуть, но лишь собирал приключения на свою мохнатую жопку.

Лильке 6 лет, Космее 5 лет, Айен и Дану по 4 года.

Глава 24. Даниэль и камни Коротейна

В Аз-Тархани Тётушка занялась воспитанием и образованием племянника. Мальчишка оказался очень способным, но страсть имел к рёву шлифовальных машин, бегал в мастерские смотреть, как местные изготавливают ножи. Тётушка диплом имела медицинский, высший. Работала лекаршей для знатных дам, а увлекалась алхимией. Шутить любила, что мужа своего отравила за измены и обманы, по факту же (чёрт её знает, может, и правда), замужем была всего год, детей не рожала, портрет мужа заказала и повесила в гостиную. И висит он там и сейчас, с растерянной рожей, в нелепой пижаме и тапочках. Проходя мимо портрета тётушка всегда разговаривала с ним в шутливо-ироничном тоне, так что, в общем, Даниэль привык к странному присутствию этого мёртвого мужчины, и, спускаясь по лестнице, слегка кланялся портрету в знак приветствия.

А в маленькой алхимической комнате тётушка скидывала корсет и юбки, надевала простое платье, засучивала рукава и готовила зелья по своим собственным рецептам и заодно учила племянника.

Вскоре мальцу был куплен свой шлифовальный аппарат и отведена специальная комната с террасой для работы с камнями и металлом. Там-то он и выточил себе первые ножи и иглы для метания.

Во снах его определили ходить в школу травников. А наяву дед Виктор, работающий в университете, заприметил талантливого ребёнка, которого и взял под опеку.

Как-то в выходной день мальчик быстро продал все свои ножи на рыночке и услышал звуки циркового балагана.

Люди в клоунских колпаках, одетые в яркие вещи, давали представление.

— Подходите, люди добрые и злые! Своими глазами увидите, как мир падёт, как сотрутся миры, останется плоская чаша с людскими жизнями!

Звучало жутковато, но народ шёл, заполняя площадь. Дан приткнулся возле сцены, чтобы всё увидеть как можно точнее. Спектакль назывался «Камни Коротейна». На деревянный помост вытащили огромные бутфорские пчелиные соты. Под страшную музыку соты разрезали вдоль и из ячеек с глухим звуком, по мере резки, выпадали кукольные головы.

— И головы правителей падут, когда между мирами границ не будет ни одной.

— Постой, — воззвал клоун куда-то в толпу, — а как же Коротейн, что обещал свои светила отдать для сохранения мира?

— Он сгинул в вихре снов и не вернулся, — ответил другой клоун, стоящий среди зрителей.

— О нет! Мы все умрём!

Клоун из толпы поднимается на помост.

— Я Коротейн. А знаете ли вы, как камни эти рождены?

(Толпа выкрикивает: нет!)

— Свою любовь я в камни превратил нечянным нелепым колдовством, и совершенно невозвратно. Им вместе, этим слёзам сердца, быть нельзя, взорвётся мир от горечи моей и скорби. Я разбросал по снам осколки, они создали сеть, что держит мир. Пусть даже кто сотрёт границы, эти самоцветы удержат бытие.

Клоун, что стоит на краю сцены:

— Ох, нет! Они же вместе все сейчас! Взорвётся мир! — комично нападает на клоуна Коротейна, отнимает камни и начинает бросать в разные стороны со сцены, зрители визжат.

Коротейн:

— Ты грубиян, невежда! Мою любовь с любовью нужно прятать.

— Но всё же получилось! Мир не рухнет?

Дальше Даниэль не досмотрел. Легионеры Лорда разогнали театр, но арестовать смогли лишь одного артиста. Всё-таки «головы правителей» слишком наглядно фигурировали в сцене, и это было уж совсем еретично.

Уходя подворотнями мальчик узнал клоуна, который снял колпак и пытался перенадеть штаны изнанкой наружу, чтобы скрыться от преследователей.

— Пойдём, я покажу, где спрятаться, — и привёл парнишу напрямик к особняку тётушки.

— Тётя, этот человек знает об алхимических камнях, которые держат мир! — восторженно сообщил Дан с порога.

Охнув, вскрикнув, поворчав, тётушка уже через пять минут вынесла в прихожую одежду и указала на лестницу.

— Молодой человек, вам нужно сменить ампула в моём доме. Пока вас ищут, будете моим слугою. Или садовником.

— Любовником? — не расслышал парень.

— Сначала давайте садовником, — рассудила тётушка, — малыш, ты только что услышал байку про камни Коротейна, видимо? Я про них знаю, эта легенда стара, как мир!

— Но это истинная правда, — тихо донеслось с верхнего этажа.

Парень быстро освоился в доме. За розами ухаживал божественно, был вежлив с тётушкой, а Дану рассказывал интересные сказки. Про камни Даниэль выспросил всё, что мог, потом перешёл к теме сновидений.

Однажды утром мальчик застал тётушку в слезах.

— Ограбил? Обидел? — спросил Дан, сжимая кулаки.

— Нет, что ты, дорогой мой мальчик, — женщина всхлипывала и шумно сморкалась в платочек, — он просто ушёл. Решил вернуться к сестре, что в другом городе, ну разве могу я держать его, дорогой мой мальчик?

Потом она шла вниз, к портрету своему бывшего мужа и высказывала ему все свои переживания, и заодно претензии, дескать, а ты где вообще?

— Даниэль, голубчик, налейте мне чаю с бергамоНтом.

— С бергамотом.

— Нет, Даниэль. Именно с бергамоНтом. Это же звучит, как валет бубей, как граф Вальмонт, галантный и готовый ко всему, — обмахивается веером, — «бергамот» звучит как «бегемот» или веник травы, а сейчас я не хочу повседневности, я желаю валета бубей, торжественных мужских перчаток на моём книжном столике. Налейте мне чаю с бергамоНтом, дружочек, а то мне сегодня душно и ещё этот ваш артист, — глубоко дышит и кусает губы, успокаивается, прикрывает глаза, и добавляет низким грудным голосом, выделяя всё слово целиком, — УЕХАЛ.

В книгах старой библиотеки особняка Дан нашёл даже описание камней Коротейна. Находясь рядом друг с другом, камни создают линии напряжения и искажения ощущений и чувств у сновидцев. Понять, что перед тобой камень из легенды можно по описаниям: это самоцвет, цвета разные, камень действует на чувства человека. То есть только тот, кто абсолютно уверен в своих чувствах хоть к одному человеку, сможет ощутить колебание, искажение реальности чувства.

Зачем маленькому мальчику искать эти камни? А затем, что мальчик мечтал снова увидеть свою мать и отомстить Лорду, мечтал узнать о сновидениях всё, и мысль, что мир умрёт раньше, чем Дан познает его, создавала неприятную дрожь под сердцем.

Тогда-то Даниэль и записал в блокнотик: «Камни Коротейна. Надо попробовать».

Следующей весной тётушка собралась на Плавучий Причал, проведать сестру. Собрала лекарственные порошки и микстуры от простуд для подарков, надела свой бордовый дорожный костюм и вышла в гостиную.

— А ты сиди дома. Я не возьму тебя с собой. Буду кутить в трактирах и заводить любовников. Высоких, широкоплечих и мускулистых парней. Что? Ты про того актёра мне будешь напоминать? Он не в счёт, слабоват в постели оказался... Да-ни-ээээээль! Я жду тебя внизу, поторопись, милый, нас ждёт экипаж.

В пути тётушка, кстати, только лишь пофлиртывала с одним толстенным офицером, ибо угроза «заводить любовников» звучала лишь для нарисованных розовых ушей мёртвого супруга. На деле любовники интересовали её в строго отведённое для них время.

На пропускном пункте в Военное поселение Даниэль ощутил, как холод подбирается к его душе. Снова увидеть иней на окнах сейчас, когда в ласковой Аз-Тархани уже цвели тюльпаны, оказалось неприятно. Расположившись в заброшенном доме сестры, который был закрыт всё время на замок, тётушка подозвала мальчика к себе.

— Мой милый племянник. Я пойду к сестре. Ты идёшь со мной или остаёшься убирать пыль? Идёшь? Как хорошо. Увидишь маму. Жаль, что ты ничего не говоришь почти. Ты вообще-то не онемел? Что я скажу дорогой сестре? Загубила парня. Открой рот. Покажи язык. Горло в порядке. Закрывай.

Мальчик и правда говорил немного. А зачем, коль и так всё ясно? Да и про сны с тёткой особо не поговорить. Зато он много читал, создавал оружие и тренировался, участвуя в драках «улица на улицу», регулярно приходил битый, в ранах, но молчал.

— Вот о чём не мечтала я никогда, так видеть тюремные бараки лорда, счастлива бэзумна, экстаз, — прошептала тётушка, надевая маску приветливости при виде охранника. Тот принял в дар порошки от хандры, благоговейно выслушал оханье дамы «ах, как вам бедным мушкетерам тут в сырости работается, вот вам носочки вязанные», увидев мальчика, зачем-то хлопнул его по плечу:

— А тебя вроде Даня зовут?

— Я не Даня, а Дан, — вырвался мальчик.

Как только охранники ушли, под тётушкины улыбки и махания ручкой, проведя гостей к месту заточения преступницы, настроение сцены резко изменилось.

— Сестра, это я, твоя Изольда. Посмотри на меня, сестра. Я уже накопила денег, я буду давать взятки всем, кто раскроет передо мной свой кошелек, чтобы тебя выпустили раньше. Только умоляю, сестра, не бунтуй, не гневи их. Мне рассказали, что ты орёшь про Лорда, что он задолжал тебе счастья, но дорогая сестра, все знают, он мразота, но законы тут устанавливает именно он. Посмотри на своего сына, я привезла его!

Тётушка плакала, повиснув на решётке, обращаясь к скрюченной фигуре в темноте камеры. Дан никогда не

видел тётку в таком состоянии. Он подошёл ближе и тихонько подал голос:

— Мама.

Из угла резко вскочила на колени женщина в кандалах и так же на коленях приблизилась к пришедшим.

Дан увидел подсохшие язвы у неё на ступнях, руки были худы, ногти обломаны. Глаза цвета хурмы. Мама в лапах елей. Даниэль застыл. Женщина прикоснулась руками к его лицу.

— Ты хорошо смотришь за ним, сестра, спасибо тебе. Пусть он никогда не работает на Лорда. Это единственная моя просьба. Но прости, сестра, я никогда не буду врать и притворяться. Когда-нибудь я выйду отсюда. Но не позволю себе жевать лживые чувства во рту. Прошу, не привози его сюда, нехорошо, чтобы он видел меня такую.

Даниэль молча, не меняя выражения лица зарыдал. Щёки его мгновенно стали мокрыми, как и рот, слёзы текли и из носа.

— Я буду приезжать, мама. Я хочу видеть тебя любую. Я клянусь, что никогда не буду работать на Лорда. Но я хочу никогда не забыть того, что он сделал с тобой.

Из тюрьмы выходили двое. Дама постоянно вытирала мальчику лицо, которое становилось мокрым в считанные секунды. Но ни одного всхлипа никто так и не услышал.

— Аллергия, — улыбаясь прокомментировала тётушка охранникам.

Вечером собрались знакомые, посудачить о том о сём, Дан увидел Космею и компанию, но не двинулся с места, уж очень хотелось послушать, о чём говорят взрослые, вдруг про Лорда.

Новостей было не много, люди вспоминали тех, кто погиб давно, во времена жуткой холодной зимы. Сам Даниэль плохо это помнил.

— Тогда многих похоронили. А других поразила странная болезнь — язвы на ногах кровоточили и не проходили. Но на удачу к нам забросило судьбой одного шамана, что изготовил лекарство в считанные часы, потому что его дочь тоже была заражена. Так всех и вылечили, даже заключённых! Таково было условие шамана: в первую очередь лечим заключённых, потом выдаём всем остальным. Офицеры крепости были так надломлены происходящим кошмаром, что были согласны на всё, заодно решили, что если этот мужик — шарлатан и хочет всех убить, то сначала умрут преступники, что неплохо в общем-то. А лекарство всем помогло!

Тётушка попросила чудо-лекарства себе пару капель, изучить на досуге, и ей дали. А ещё принесли подарок Даниэлю — рождённому на Плавучем Причале, кинжал с гравировкой Грота. Мальчик сразу оценил качество заточки и эргономику рукояти, поблагодарил, склонившись, но для себя решил, что всё равно «допилит» его до совершенства.

Маму отпустили на свободу через десять долгих лет. Юный лекарь встретил на пороге тёткиного особняка тощую женщину с грустными глазами и молча впустил её в дом. Он смотрел, как она легонько касалась перил, стен, кухонных столов, как с лёгким ахом распахивала шкафы с платьями, как открывала окна. Как тёплый восточный ветер трепал её чёрные волосы и как губы мамы тихонько начинали улыбаться. Он стоял в дверном проёме и держал своё сердце, готовое выпрыгнуть через жёсткую ткань камзола.

Мама не осталась жить в особняке. Она сняла комнатку в переулке у реки, стала зарабатывать тем, что продавала корзины, которые сама плела из ивовых лоз. Иногда она бралась за другие работы — выгуливала собачек, брала на передержки кошек. Мальчик остался жить у тёти, по общей договорённости, поскольку мама боялась, что будет ужасной матерью, отвыкнув жить с нормальными людьми.

Дан часто навещал её, мечтая каждый раз, что сегодня он увидит на миллиграмм меньше скорби, но нет, такого не было. Она оттаяла только снаружи, его мама. Но сердце её по-прежнему было «в лапах елей».

Однажды тётушка засобиралась в поездку, сообщив племяннику, что семья Айен уехал в тёплую деревеньку, и до неё теперь ближе, чем в этот проклятый Причал. Дан засобирался тоже, поскольку как раз третьего дня прочёл легенду, что в тех краях растёт необычайный цветок, амелис, в сердцевине которого вызревает драгоценный камень. Тётка сразу поняла, какие мысли у мальчика, опять эти камни легендарные ищет, но сказала лишь, округлив свои зелёные глазницы:

— Говорят, леди Айен стала прекрасной девушкой, топоры метает, сможете посоревноваться.

По пути в деревню Дан глядел из кареты на степные дикие тюльпаны, на лошадей и верблюдов, на то, как свободно в степи гуляет ветер, и мечтал привезти маму сюда, с палаткой, на недельку-другую, послушать пение сусликов.

В селении, как оказалось, про Дана и его успехи знали уже все. Тётка изо всех своих сил рекламировала племянника уже много лет, в письмах и рассказах, и его описанные достоинства выходили уже за грани приличного. В расцвете ужина в залу ворвалась Леди Ай с Амелисом, заплетённые на одинаковый манер, одной косой-дракончиком, с громким смехом влезли под стол и устроили дебош. Изгнанные, они остались без еды, но не сильно расстроились, лишь позыркали на Дана, поиграв бровями, да скрылись во тьме двора. Взрослые шикали: «истинно, дети ещё, не то, что достопочтенный господин Дан, вот это мы понимаем, воспитанный молодой

человек», на что юный лекарь не отвечал ничего, и даже виду не подавал, что вообще что-то произошло.

В ходе ужина он услышал всё, что его интересовало. Айен нашла такой цветок, и он зреет у неё дома в вазе. А сегодня на ночь она убежала с Амелисом в Оленьё Чудо, это облегчало задачу. Ночевать Дан с тётушкой остались в гостевом домике, построенном на общие деньги деревни. Ночью Дан, убедив тётушку, что спит, вылез через низкое окно и прокрался к покоям леди Ай. Вскрывать его не пришлось, окно было открыто. На столе в вазе красовался амелис.

Добычу парень принёс в комнату, где планировал уйти в сон с помощью игл. И принести с собой цветок.

Камни Коротейна показывали искажения в чувствах, нужно было проверить. Но сколько парень не думал о маме, чувства его оставались прежними. Тогда Дан прогулялся по разным локациям с цветком в руке, и определил, что камень центра цветка может светиться, если удаляться всё дальше и дальше от исходной его яви. Интересное свойство. Но не более того. Он не был камнем Коротейна.

Под утро цветок был возвращён на место.

Через несколько лет, уже под предводительством Аси и в облике Стражника Даниэль получил интересное задание:

«Озеро в одной локации странное. В нём постоянно плавают рыбы из других миров. Нужно очистить озеро и закрепить границы. Задание не сложное, Андрика и Жорика решили не вызывать, Серж с Мальвиной сейчас заняты на заданиях по слежке, а Жанин на стажировке. Поэтому, Даниэль, Локс, троица отъявленных балбесов, сегодня воюем с чуждыми рыбами!»

Рыбы и впрямь были чуждыми — могли летать в воздухе, среди облаков, собирая вокруг себя водяное пространство. Ася создала катер, Локс — музыку, Даниэль пробовал синхронизироваться с рыбами, проникая в их сознание, запуская поиск нитей, ведущих их в свои локации. Когда к делу подключились все, то работа пошла быстрее. Рыб, одну за другой отправляли по домам. Дивная погода и отличное настроение дали повод создать бутылку вина и бокалы. Локс шутил, Ася смеялась, а Даниэль ощутил смутное.

— Знаешь, что говорят местные про это озеро? — поднял бокал Локс, — Что там, на дне, когда-то спрятала свои сокровища одна пиратка. Когда это озеро было еще частью моря.

— Как думаешь, байки? Это случайно не легенда про женщину Чин Си?

— Я поплаваю, проверю дно — сообщил Дан, и нырнул в тёмную воду.

Глубина озера поражала. Парень всё плыл и плыл, придумывая себе тяжесть тела в цифрах, чтобы убедить снотворческое сознание в нужной ему реальности. Наконец он почувствовал гнев. Невероятный гнев и обиду на мать, бросившую его ради своего эго, чтобы потешить ненависть к Лорду. Мгновенно оценив и проанализировав своё состояние, как искажённое, Даниэль протянул руки в тину. Из чёрной грязи он вынул горсть драгоценных камней, два из которых извивались и подрагивали тонкими нитями, словно комарики в паутине, меж ними образовалась толстая красная нить с пульсирующим сгустком. Взяв один из них, Дан стал удаляться вверх, наблюдая ослабление связи камней и исчезновение угрожающего сгустка. Пока поднимался сквозь толщу воды, Дан успел закинуть камень в свою личную локацию, в хижину Стражника.

— Там ничего нет, легенды приврали, или это про другое озеро, — сообщил парень, вынырнув. — Тина одна.

— Жаль, — скукожил мину Локс, — я хотел построить для Аси шалаш из драгоценных камней и устроить там рай.

Ася смеялась, Локс дурачился, а Дан наблюдал, как в его сердце снова наступает спокойствие, любовь к маме всё та же. Всё так же восхищает воспоминание о том, как её тонкие руки касались перил, словно клавиш рояля.

После, оставшись один в своей хижине, парень вставит рыжий камень в рукоять кинжала, доставшегося ему как память о Плавучем Причале. Камни Коротейна при выносе из локации в локацию должны выдавать нити, соединяющие их с другими камнями, образуя сеть, держащую миры.

Этот кинжал он будет всегда носить с собой, чтобы проверять наличие камней в каждом мире. И лишь однажды он выбросит его в снег, прощаясь с собой, чтобы уберечь Асю. Сложное решение, но возможно, это было всего лишь стратегическое отступление ради будущей победы?

Глава 25. Куда девался Жорик

Предупреждение: в главе присутствует некоторый абсурд.

Когда учишься на литфаке в скромном городе, то должен быть или героем или дурачком. Потому что вокруг слишком много девчонок. Дурачком быть выгодней. Тебя тут же возьмут под опеку, в масле будешь кататься.

Всегда радостный Жорик размашистой походкой шёл на пары, лицо его светилось улыбкой, ведь сегодня лучший день! Двадцать седьмое! И стипендию выдадут. По сему радостному событию он взял с собой воздушный шарик красного цвета.

Но не суждено ему было сегодня попасть на языкознание. У дверей стояла Жанин, опираясь на Молчаливого Андрика, сложившего бицуху на груди.

Улыбка у Жорика слетела с лица, он резко развернулся и дал дёру.

— А ну стоять! — завопила Жанин, — Андрик, взять его!

А дальше было, как в мультике про Винни-Пуха. Пятачок упал и шарик лопнул. Жорик скорчил мину и повернулся к друзьям, продолжая лежать на пыльном асфальте.

— Вот надо было! Что вам, а?

— Как давно ты не спишь, дорогой? — Жанин присела на корточки и ущипнула парня за ухо. Жорик продолжил кобяться, валяясь по земле.

— Так, берём его и несём к тебе, — распорядилась Жанин, отряхнув узкое чёрное платье.

Андрик положил беглеца на плечо и последовал за стройной красавицей.

— Алкаш проклятый, — объяснила Жанин происходящее бабулькам на лавочке. После того, как троица скрылась в подъезде, бабки пуще прежнего зашептались, но уже про отношения Андрика и этой дамочки модельной внешности.

Подправив макияж, красотка смотрела в зеркало, как Андрик складывает свою ношу на диван, предварительно сняв с него ботинки.

— Блин! Вяя! — изрекала ноша, но резко замолчала, когда Жанин под села так близко, что коснулась грудью, плотно упакованной в чёрное, и положила свою маленькую прохладную ручку парню на лоб. Пальцы засветились.

— Ты не спал четыре дня. Знаешь, что случилось? Я звала тебя. Мы все ждали тебя. Потом пришёл Локс. Да да, чего ты так удивляешься, он вернулся, чтобы утащить нашу Асю в нелепое приключение. А вчера ещё и Даниэль пропал, зараза.

— Ася вспомнила его? — задал Жорик самый важный вопрос команды.

Но Жанин покачала головой.

— Именно за этим Ася и отправилась. Будет искать колбы с воспоминаниями Обратного Вихря Памяти.

— Учителям капец, — вдруг громко сказал Молчаливый Андрик.

— То есть как... можно теперь не бояться их? — Жорик забрался с ногами на диван.

— Мы беспокоились за тебя. — Снова, но уже ледяным голосом добавила Жанин.

Парень увидел огромную слезу, выкатившуюся из левого глаза девушки и окончательно смутился. Он подполз к ней на коленях по дивану и крепко обнял, поместив голову прямо в декольте.

— ммммасти... (прости), яииииоот... (я идиот).

Жанин кивала, поставив руки на бёдра, но сжалилась, почувствовав, что грудь уже мокрая от слёз, обняла провинившегося и поцеловала в макушку.

Андрик принёс чай, пюрешку с курочкой и салат на подносе. Жорика накормили нормальной едой, а не чипсами и сухариками, как он питался обычно.

Это и был метод Жанин. Вместо обратного вихря памяти. Она не забирала память у людей, она заботилась о них, чтобы они хотели жить. Когда-то на заре их совместных приключений у них с Жоркой был головокружительный роман, но спустя время они расстались друзьями по обоюдному согласию.

— Пока ты не уснул, я тебе расскажу, с каким предложением к тебе заявила. Так бы я к Дану обратилась, но он ушёл страдать по Асе. Короче, чел, — смотрит на Андрика, тот громко изрекает:

— Учителям капец.

— Поэтому мы думаем, что надо найти Пещеру спящих детей и разбудить их всех. Мы думаем, что Пещера защищена от разрушения, и на острове была лишь её проекция. Сама же Пещера до сих пор находится где-то в пространстве сновидений. Что скажешь?

— Зачем вам нужен я в этой схеме?

Жорик и правда недоумевал. Эти ребята достаточно круты, чтобы во снах драть сидоровых коз и уничтожать лишних дедов морозов, зачем им студент? Жанин улыбнулась.

— Мы не знаем дороги в Пещеру. А Даниэль пропал. Ждать его нет никаких сил. Пока можем, надс

пользоваться случаем и исполнить нашу общую мечту. Пока не образовались из дерьма свежие учителя с томами ложных догм. А ты умеешь этот, как его, твой симорон!

Жорик расплылся в недоверчивой улыбке. Как? Ему позволяют творить всякую дичь, причём вполне законно? Да ещё и под охраной? Вот это поворот!

Он был готов идти в сон сразу же, но сначала Андрик закончил свою работу, отправил переводы заказчику, отзвонился маме, набрал знакомого секретаря в универе Жорика, сообщил, что парень приболел и будет медицинская справка, позвонил его отцу, мол не переживайте, Жорик у меня и сейчас будет спать. Короче, уладил все дела. А потом загнал студента в душ.

И только после того, как кучерявые паглы просохли, Жанин выполнила комбинацию из нескольких нажатий на точки тела паренька и тот уснул. Андрик ушёл за ним в сон после пятиминутной медитации. А вслед за ними нырнула Жанин.

Все трое оказались в полной темноте. Снотворцы по-разному относятся к таким сюжетам, я, к примеру, сразу меняю тьму на море, но сейчас у троицы была задача такая: позволить Жорику найти Пещеру.

Жанин и Андрик ходили между локациями только по нитям сознания, то есть туда, где были знакомые люди. Прыгать в неизвестность могла Ася по наитию, или Даниэль, создавая мосты между тем, что есть, и тем, чего нет. А Жорик пропагандировал, что нужно достичь состояния Парения, Сплена, и тогда то, что тебе надо, само придёт. Обычно он занимался этим наяву, никогда не расстраивался и рисовал странные эскизы, которые вешал на стены, чтобы желаемое пришло любоваться этим. Воспринимали его относительно всерьёз, то есть Жанин-то, убегая после заданий тусить с Жориком, поддавалась на его безумства, но когда все были в команде, то слушали Асю и придерживались плана.

Сейчас же, чтобы найти место, с которым никто здесь не связан сознанием, Жанин решила довериться своему весёлому бывшему парню. Пусть творит свой Симорон.

Первая не выдержала девушка и зажгла факел. Рядом щёлкал зажигалкой Андрик, хотя давно уже бросил курить. А знаете, как Жорик зажигал огонь во снах? Он его не зажигал. Совсем.

«Зачем брать лишнее, ведь кто-то из вас обязательно зажжёт свет, и мне будет видно», — разводил он руками.

«Халявщик», — думали про него остальные.

«Мммммм, — думали Учителя и что-то записывали в блокнотики.

Сейчас студент сел во тьме на «пол». Потом и вовсе лёг.

— Так-так-так. Слушайте меня. Чтобы получить то, что нужно, нам надо немного подурить и постараться. Я хочу попасть в пещеру спящих детей. Надо её приманить. Жанин, есть крошки хлеба?

Девушка протянула свеженький ломтик батона. Еду создавать во сне они все умели. Жорик вскочил, накрошил хлеб в ладонь и принялся приманивать желаемое, перетирая крошки в пальцах и высыпая их во тьму:

— Цыпа-цыпа-цыпа, вкусные крошки для пещерки с крошками! Жанин! Ещё! — и так он выкрошил, наверное, цельный батон в никуда. Крошек на «полу» видно не было.

Вдруг вокруг образовался птичий рынок.

— Простите, не удержал воображение, — покраснел Андрик за то, что случайно привёл их в знакомую ему Локацию, вместо того, чтобы позволить всё делать студенту.

— Ничего-ничего! Так и надо! Наоборот, сейчас всё по плану. Так я и думал, что кто-то не выдержит первым, и мы получим точку отсчёта. Сейчас надо смотреть на знаки. Вперёд, Гаечка, Рокки!

Молчаливый Андрик подумал, что студент мыслит себя Чипом из мультика, умным бурундуком-сыщиком, а на деле истинный Дейл. В яркой рубашке, с носками разного цвета, один из которых, кажись, вообще был женский, прозрачный с рюшками.

Птичий рынок быстро закончился, и троица оказалась на широкой площади, заполонённой протестующими людьми. На транспорантах читалось первым взглядом: «нет войне!», а вторым взглядом — буквы расплывались в цветные кляксы.

— Правители, бывшие друзьями несколько десятков лет вдруг поссорились. Уверю вас, что это делишки Шаманов Снов. Они посещали властителей прямо на общем пиру, и после этого всё и произошло. Зачем надо было припоминать события такой давности и рассоривать два государства? — кричал горбатый дедулька с бочки.

— Вооот, последствия, — заворчала Жанин на ухо Андрику, — желали они всё правду вернуть. А может не надо было? Тьфу, дерьмовый из Локса психолог. А Аська тоже хороша. Привязала бы этого Даниэля, показала сиську и плётку и он бы как миленький ей всё стёртое из памяти выложил в подробностях. Нееет, сама пойду туда-не-знаю-куда найду-то-не-знаю-что.

Жорик словно не слышал этого всего (а, может, и правда не слышал), он шёл впереди, ориентируясь на Знаки.

«Ребёнок, иду за ним. Ага, красные штаны, теперь иду за ними. О, а это что там, хм, не понял что, но раз обратил внимание, иду туда». Так команда вышла к дому номер 27, студент взялся за кольцо и постучал.

Дверь им распахнул красивый мужчина с бородой.

— Исусья тряпка, — прошептал Жорик, потом громче добавил, — здрасти! Вы очень похожи на сына бога с моей родины.

Мужчина захлопал длинными ресницами, впустил всех в дом и вздохнул:

— Такого мне ещё не говорили.

Андрик застыл, впервые не зная куда деть руки. А Жорик, казалось, был совсем не удивлён. Потирая ладони он привычно «такнул» и подмигнул хозяину.

— Нннну, есть что интересное?

«Исус» поник головой, присел на ручку дивана и замотал загорелой босой ногой.

— Ребьяаата, вы наверное из полиции? Проверяете меня опять? Я клянусь, что расстался с этой сектой уже давно. Петька и Фома уже сами пишут книги, им соавтор не нужен. Иуду мы все сдали, я уже отбыл свой срок, честно, парни, я чист.

Жанин подняла бровь, глядя на этот цирк. Но Жорика было уже не остановить. Глаза его блеснули огнём, он схватил бородатого за ворот рубашки и прижал к стенке.

— Ты нам покажешь, где та самая пещера, или наряд вызвать, чтоб хату обыскали?

Мужчина издал звук наподобие И и Э вместе, потом замотал головой и тихо сдался:

— Хорошо. Я вас проведу. Но клянусь мамой, там нет никаких припасов.

Речь шла, видимо, о пещере, в которой проводились тайные сборища.

Озираясь по сторонам, красавчик повёл узкими коридорами глиняного города. Дома сплошь были низенькие, жёлтые и белые. Солнце стояло в зените. За городом стало появляться больше растительности, и жара спала.

— На два градуса всего, — буркнула Жанин.

Кусты становились всё гуще и гуще, и однажды светло-серая рубашка бородача не появилась в просвете тропы, а лишь послышался смех и звуки удаляющегося от них проводника.

— Убёг, — констатировал Андрик.

Жорик плюхнулся на траву, почесал изрядно покусанные комарами руки и велел не ругаться на парня. Дескать, у того судьба тяжёлая, с друзьями не повезло, в личной жизни тоже как-то неловко всё. А он учил всех прощать.

— Я прощаю, я прощаю, чтоб пещеру мне найти, надо мальчика спасти!

«Мне не кажется. Он придумывает это на ходу, просто от балды. — Думала Жанин. — Этот парень действует, как сама стихия воображения, как стихия снотворчества. Какое же лёгкое у него должно быть сердце, что он никогда не проваливается в тёмные уголки снов, и если бродит где-то на «каникулах», так исключительно в верхних слоях сновидений, куда проход открыт лишь избранным?»

— Надо найти мальчика! — выдал решение студент и ринулся в бурелом.

Широкий Андрик и красотка последовали за ним.

Несколько часов блужданий по нехоженому лесу, без троп и людей не уменьшили позитивного настроения Жорика. Зато очень ослабили Жанин.

— Ты прости, Жорка. Но давай ночевать. Мои ноги уже стёрлись.

Резко стемнело. Трое посмотрели друг на друга. У каждого в команде были свои любимые места для ночёвок. Они прятались в специальные брелки и носились с собою в сны, чтобы в любой локации можно было расположить кусочек своего дома. Это защищало от провалов в глубокие слои. У Жанин это была крохотная изба, в которой можно было втиснуться втроём, при желании. У Андрика это была советская палатка зелёно-болотного цвета, с навесом и кольшками, всё по фэн-шую. У Жорика... у него был коврик для йоги, и тот спёртый у соседа.

Разложились.

Молчаливый Андрик пожелал всем «Спокойной ночи» и затих (заснул), Жанин безуспешно пробовала добыть в этой локации лекарственные травы, водила светящимися руками в воздухе и разочаровано вздыхала.

Жорик долго возился на своём коврике и в итоге всё же приполз к бывшей девушке с необычным предложением:

— У тебя тут люстра есть?

Люстры у скромняги Виктора отродясь не бывало, поэтому с низкого потолка свисала худая лампочка Ильича.

— Сгодится. А трусы у тебя, случайно, не красные?

Жанин внимательно посмотрела в озорные глаза студента, но так и не разобралась, шутит он, али нет. На слабо, что ли берёт, жучина?

— Как сердцем чувствовала! — немного пошелестев платьем Жанин сунула свои трусики в руки ошалевшего Жорки.

Запах этой прекрасной девушки итак сводил его с ума, он снова вспомнил, как они расстались и почему, смутился. Из уголка рта предательски потекла слюна.

— У меня тттоже кккккрасные, — медленно и заикаясь прошептал парень, расстегивая штаны.

Андрик спал крепко.

Утром, увидев, что коврик Жорика постелен у входа в домишко Жанин, и прямо из дверей торчат четыре босых ноги, он вынул из палатки термос и налил в кружки «босаяцкий кофе», да простят меня приличные люди, растворимый, что-то типа три-в-одном, обычное пакетированное говно.

«Надо же как-то их отрезвить. Иначе потом опять будут страдания».

Потом Андрик сел на коврик и взял Жанин за большой палец ноги, и держал так, пока она не пробудилась.

Молча выпила, поморщилась. Покосилась на полуголового студента.

— Проснись, Нео! Нам нужен твой гений!

Студент еле раскрыл глаза. Комары покусали его и в лицо, так что один глаз покрылся опухолью, но это совершенно не расстроило парня.

Он торжественно показал Андрику наверх. Там, на худой лампочке Ильича висели двое красных трусов, как доказательство волшебного совпадения.

— Это же оно! ОНО! Жанин не знала, что нужны будут именно красные. И под чёрное платье всё-таки надела их, да, надела! И я — тоже надел.

— У тебя все трусы красные наверняка! — смекнула девушка.

— Это не так, — серьёзно вставил Андрик, — у него трусы разных цветов.

Уж откуда эта инфа у него, мы проверять не станем, но факт остаётся фактом, а совпадения набирают обороты.

Жонглировать кружкой с горячей жижей Жорику не дали, поэтому он создал тетрадь, ручку и апельсин, и жонглировал ими до тех пор, пока апельсин не упал в только что опустошенную кружку Андрика, поместившись тютелька-в-тютельку. Определив это, как знак смены деятельности, студент улегся рисовать.

— Мои симпатяги, — влюблённо комментировал он странные каракули, в которых Жанин с трудом опознала искомую пещеру, хотя если поглядеть сбоку, то скорее всего, это были всё же сортиры.

В Симороне есть такая фишка — рисовать не думая, чтобы самого себя привести к искомому.

— Я могу трусы забрать? — Жанин уже поднялась и отряхнула платье.

— Нет-нет, ни в коем случае нельзя! Это сигнал, это красная тряпка для быка! Нам нужна эта лампочка и трусы. Я понесу их, как флаг.

— Твою мать, — всплеснула руками Жанин, вырвала из потолка лампочку вместе с намотанными на неё труселями и вручила студенту.

— Давай. Стань светом в тёмном царстве.

Сборы заняли буквально несколько секунд. Одежда Жорика была выкинута из избы, изба уменьшена до размера брелка, как и остальные места ночлега. Зато с «флагом» Жорик возился долго. Нашёл палку, привязывал лампочку с трусами и находил всё время какие-то несовершенства в композиции, исправлял, короче — пациент психбольнички.

— Готово, — с чумной улыбкой сообщил он и двинулся вперёд, приставными шагами, радостно запевая «Вихри враждебные веют над нами».

На втором куплете, когда Жорик уже заставил и Жанин и могучего Андрика вышагивать с ним всеми способами походки комик-группы Монти Пайтон, троица вышла из леса, прямо к городской окраине. На пороге одного дома столпились злые дети.

— Что это за триллер? — зашептал потрясённый Андрик, подрагивая сведенной ступнёй.

Но ни у кого не было объяснения. Лица детей были искажены, они били ногами в дверь.

— Выходи, Лео! Если ты выжил в лесу и тебя не сожрали дикие звери, это не значит, что можно не делиться своей наградой с друзьями!

— «Мальчика спасти», — прошептал Жора и торжественно приблизился к дому со своей свитой.

Дети уставились на трусы, намотанные на палку с грустно повисшей лампочкой, а потом на Андрика.

— Мы пришли сюда, чтобы... — начала Жанин.

— Наградить вас, — продолжил Жорик, — вы хорошие ребята, и дядя Андрей вам выдаст сейчас новогодние подарки, а вы поклянетесь, что больше никогда не будете обижать Лео.

Андрик отвернулся и наколдовал мешок Деда Мороза, который помнил ещё со школы. Содержимое, естественно, тоже оказалось вполне стародавним. Но это и было круто! Странные резиновые игрушки, шоколадки «Алёнка», банка солёных огурцов(?), пупсики, цветные карандаши, альбомы для рисования. У Андрика практически всегда получалось воссоздать что-то из детства.

Дети больше не выглядели, как триллер. Дверь, в которую они ломились, приотворилась. На пороге в полутьме стоял щуплый подросток лет тринадцати.

— Малыш Лео, можно войти? — попросилась Жанин.

В доме было странно. «Очень похоже на жилище снотворца, — рассуждала Жанин, — стулья с наваленными

вещами, еда быстрого приготовления, книги, раскрытые и читаемые по всему дому, задёрнутые шторы». Жорик даже не стал разговаривать с мальчиком! Он направился в туалет, обнаружил там унитаз и громко завопил:

— Все сюда! Я знаю, как нам попасть в Пещеру спящих детей!

Лео вздрогнул. Жанин это заметила, хотела дотронуться до него, но Андрик схватил её за руку и утащил.

Закрыв унитаз крышкой, Жорик влез на него ногами и потребовал, чтобы это сделали остальные.

На поднятые брови Жанин он ответил:

— Моргни ноздрей, радуй мирозданье, твори дичь!

Когда им удалось встать втроём на крышку, она хрустнула, и Жорик скомандовал:

— Прыгаем в ту реальность, где мы выходим из дома в Пещеру Спящих Детей.

И они прыгнули.

Вроде бы ничего не произошло, но у Жанин загудело в ушах от осязательности перехода между Локациями. Лео в доме не было. Троица выбежала наружу и оказалась в тёмном каменном коридоре.

— Вот как. Ясно. — прокомментировал Андрик.

Жанин обняла Жорку за шею и создала факел.

— Я в тебе не ошиблась.

Глава 26. Один неприятный день Локса

Работа в команде. Что может быть прекрасней? Товарищи всегда подставят тебе плечо, и ты, преисполненный уверенности, шагнёшь на ступеньку выше. Локс умудрялся тщательно скрывать в команде эмпагов свои тревоги по поводу жизни наяву. Оставшись единственным наследником старого Лорда Драконьей Горы, Локс ни слова не говорил друзьям во сне о своём высоком статусе. О том, что когда-то его согрели и накормили в шалаше Оленьего Чуда, никто не помнил. (Возможно, это помнила бы Лилька, но она уехала с семьёй на юг, и о ней не было ни единой весточки).

С Даниэлем Локс дружил ещё с острова. Вместе посещали библиотеку. Только увлекались разной литературой. Локса волновали легенды и сказки, в то время как Дан явно метил в лекари или хотя бы зоологи, потому что книги о строении животных, насекомых и птиц его тоже интересовали.

Отец Локса был двоюродным братом старика Лорда, «нищим братцем». В постоянной алкогольной зависимости он тиранил свою жену и сына, был ненавидим за это до самой смерти.

Однажды утром Локс проснулся не потому, что его отпустили, или работа во сне была окончена. Он проснулся от криков матери. В ужасе парень выскочил в прихожую и увидел, что отец снова взялся за старое.

Не помня, как это произошло, Локс смог вынести свою маму в сон вместе с её плачущим телом, то есть совершить полный её переход в другой мир. Сам же, не умея так делать с собой, он остался спать в коридоре в яви, обнимая маму в своем снотворческом обличии во сне. К слову, он практически не менялся засыпая, работал лишь над антуражем — одежда, крутые сапоги или умная книга.

Его Локация была красивым городом. С улочками, закруглёнными линиями стремящимися от центра, словно рукава галактики. В центре города было озеро. По нему курсировали лодочки для романтических прогулок. В городе было много жителей. (Почитать об этом городе можно ещё в главе 11).

— Ты теперь в безопасности, мама, — дрожа говорил Локс, пытаясь осознать произошедшее, — это мой город в другом мире, я тут Хозяин.

Женщина слышала, конечно, о том, что снотворцы, коих обучают Великие Учителя, могут бродить по иным мирам через Врата Снов, но не знала, что её сын один из них. Жизнь маленькой затравленной женщины изменилась кардинально.

Сын выбирал ей Дом. Новый безопасный дом.

А пока он это делал, его отче успел нанести спящему телу сына значительные повреждения. Парень был сильно взволнован, поэтому о проблемах тела пока не догадывался, адреналин от содеянного перекрывал все другие сигналы организма.

— Смотри, мама, из окна этой квартиры ты будешь видеть озеро, а если выберешь вот ту, то тебе будет улыбаться каждое утро, мама, будет улыбаться леди Гретта из дома напротив, — Локс аккуратно держал в руке хрупкую ручку мамы, показывал ей дома и голова его кружилась от прилива адреналина.

Никогда не решавшая за себя, она соглашалась с предложениями сына, тихонько ступая за ним.

Устроив мать в шикарную квартиру, с милыми тётушками по соседству, Локс проснулся, дополз до двери и позвал на помощь. С того дня он ни разу не видел отца и ни разу не искал его по исправительным темницам. О матери было объявлено как о «пропавшей», «сбежавшей жене, бросившей семью», Локс сжимал челюсти и рвал газеты с этой статьёй. Все, которые мог выкупить.

Спустя время старик Лорд объявился в скромном доме нищего брата и потребовал (попросил) Локса переехать жить к нему, чтобы тот начинал вникать в суть управления людскими жизнями, землями и деньгами. Парень, не будь дураком, быстро согласился, продав отчий дом за бесценок. Единственное, что он забрал с собой — это рукоделие мамы, сундучок с вышивальными принадлежностями и сами картины. Но пока он не мог ей это передать в сон и не мог вспомнить, как это сделал впервые.

Старик Лорд возил племянника на фамильную Драконью Гору, показывал, рассказывал. Что в стародавние времена пламенный Дракон жил здесь и подчинялся его предкам. Сейчас же осталась лишь пещера и кой-какие драгоценности, принесённые в неё Драконом из разных частей мира. Старик Лорд умел ходить в сны. Но его интересовали лишь верхние слои сновидений, и всё что выше и выше.

Ненавидеть Лорда было легко. Он относился ко всем снотворцам, как к батракам, которые должны делать всю грязную работу. Учителя были лишь стратегами и исполнителями его воли. Особо талантливых малышей погружали в спящую кому и охраняли Пещеру, не давая людям жить во снах, поставив их сны «на паузу».

Если вам давно не снятся сны, может быть вы тоже спите во сне в таком странном месте?

Как-то раз Локс привёл в свою локацию Асю.

— Как красиво, Боже! Эти цветные дороги, эти полукруглые дома, озеро! Локс, тут прекрасно! — Девушка не скрывала восторга, заглядывала в окна и улыбалась прохожим.

— Я хочу посвятить тебя в один мой секрет, — осторожно начал Локс, и увидев, что Ася готова слушать, поведал ей, что вынес маму из яви в этот сон.

— Выходит, что она теперь тут заперта, в этом городе, и никуда не может поехать?

— Знаешь, Ася, она счастлива и этому. Просто... в последние месяцы мама часто просит, чтобы я вернул её домой, туда... но того дома больше нет, и я не смог найти книг по технике переноса в библиотеке. Как самому ходить из Мира в Мир — рассказано много, а как выносить вещи, а уж тем более выводить людей — ни слова. Ты не встречала таких техник?

— Прости, Локс, в этом я ещё не прокачалась, — девушка пожала плечами и взглядом спросила, мол, можно туда?

Полукруглая лестница с широкими перилами вела на второй этаж. Ася чувствовала, что там долгое тягучее ожидание. Там маленькая одинокая душа. Так много печали. И любви.

Закрыв глаза, Ася поднималась по лестнице, пытаясь перекрыть эмпатийный поток, чтобы сосредоточиться на реальности сна.

Женщина в синем платье встречала их у двери, улыбаясь и обнимая. Как теплы мамыны объятия! Даже во сне. Особенно во сне.

Локс создал для мамы вышивальные принадлежности, стараясь повторить как можно точнее те, что он видел наяву. Ася стала навещать эту Локацию, гулять с леди Тессой вдоль озера, они даже ходили вместе в местный театр.

Локс был так благодарен подруге, что часто, когда он держал её за руки и слушал, какую они с его мамой смотрели пьесу, улыбался, глядя в её меняющиеся глаза своими тёмными, остальным казалось, что происходит любовь.

Украшением города была старинная баня с немыслимым количеством витражей разной тематики.

— Это сюжеты сказок, которые я рассказывала ему в детстве, — объяснила Леди Тесса, улыбаясь. Я не знала, что он их все помнит. Вот эта — про королеву и медведя, эта — про мальчика и воронью стаю, эта — лебединые песни о камне.

Леди дотрагивалась до светящихся стёкол, вздыхала и грустно улыбалась. Каждая сказка, рассказанная сыну, была выдумана ею от начала и до конца. Так она пряталась, словно в скорлупу от ужасающей правды, погружая себя в нереальный мир, в котором всегда побеждает добро. Но Локс не должен узнать, что ей больно и сейчас. Видеть эти картины, красоту воплощения, и знать, что за каждой историей стояла героическая сдержанность измученной женщины. Нет, сыну итак было тяжело.

Она стала избегать ходить рядом с баней.

Однажды Ася, заскочившая после миссии проведать леди Тессу обыскала весь город, но все ж нашла её в местном «городском управлении». Женщина убеждала милого лопухого клерка, что ей необходимо сменить имя, поскольку она желает стать кем-то иным, и не хочет больше быть собой.

— Поймите меня, молодой человек. Я никуда не могу уехать. Мне нужно имя, подходящее для вечной жизни в этом городе. Например, Лориэнна или Мэрибель, я не хочу жить с именем Тесса больше ни минуты! И подскажите, можно ли тут поменять не только имя, а к примеру, память?

— Покажите ваш паспорт, госпожа Тесса.

А вот этого леди сделать не могла никак. Паспорт здесь ей Локс ещё не создал. Лёгкое безумие подкрадывалось к ней, она ощущала себя в западне, и несмотря на прекрасные условия жизни, чувствовала себя несчастной, с каждым днём всё сильнее и сильнее.

В сложное время, когда Локс был занят на обучении у магистров и советников Лорда он редко заходил в свою локацию, находясь в полной уверенности, что с мамой всё в порядке. И, когда наконец у него выдался свободный часок он потянулся к своему городу, засыпая, и уже при переходе ощутил смутное волнение.

Что-то не так.

В воздухе металось отчаянье. Выкрики Аси, настойчивое молчание леди Тессы, голоса напуганных жителей.

Тело сделалось лёгким, Локс мчался к источнику ужаса. Леди Тесса стояла у границы локации.

— Я не могу так больше. Я хочу уйти, сын, из этого города. Я понимаю, что ты сделал это случайно, ты подарил мне новую жизнь, но, прости, я слишком хорошо помню старую, и она во мне продолжает болеть. Я хочу идти своими путями, хочу что-то изменить сама.

— Мама стой. Я не знаю, что происходит с теми, кто в своём теле, не являясь сноходцем, пересекает границу чужого сновидения. Давай сначала изучим это, — парень сжал мамыны плечи, но, поддавшись сильному потоку эмоций и присутствию Аси, вдруг случайно создал эмпатийную связь, взяв часть боли себе, как они делали в команде по знаку Лидера.

Леди Тесса вздохнула. Ей стало гораздо легче. В глазах зажглись неизвестные доселе огоньки.

— За меня слишком часто решали другие люди. Сейчас я сделаю этот шаг. Пусть там будет неизвестность. Но

это будет МОЯ неизвестность. Я люблю тебя, Локс. Прости меня. — Она шагнула назад, растворяясь на границе Локаций, уходя в неизвестный мир, отыскать который будет нелегко. Если человек уходит «В никуда», то даже поиск по нити сознания может не дать результатов. Теперь её можно будет увидеть, только если она сама придёт сюда.

В груди Локса клокотала ярость. Он стал хаотически ступать в разные стороны, нелепо размахивая руками, вытирая льющиеся слёзы.

Ася прижала руки к щекам и замотала головой:

— Нет, нет, Локс, я не давала команды, нет, я не приказывала делить эмоции. Может я случайно, как так вышло, Локс?

«Эти камни. Эти дороги. Дома эти, с глупыми людишками. Всё это бессмысленно, если здесь нет теперь её. Это был и мой дом тоже. Потому что тут была мама». В локации начался страшный ливень, подчиняясь буйному настроению Хозяина. Айен бежала за Локсом, подскользывалась, падала, реки воды текли по мостовым. За поворотом послышался звон разбиваемого стекла. Локс громил витражи в бане. В нём бушевала память матери о её чувствах, её боли. Не в состоянии сдержать это, парень разбивал свои любимые сказки.

— «Леди Крайя и золотой горшочек»! Получи! «Семена оранжевого дерева»! Нет вас! «Садовник и ядовитая травинка»! Всё!

Совершенно мокрая Ася добралась до здания. Оценив состояние Локса, как неменяемое, она зашла внутрь. И тут же оказалась на полу, с прижатым к шее стеклом.

— Я помогу тебе, помогу, — прохрипела девушка, забирая страдания Локса себе.

При таких открытых эмоциях это было сделать легче простого. Парень задыхался глубже, упал на спину и выпустил из окровавленных рук стёкла. Пустота и смирение. Такая красивая пустота.

— Прости меня, мама, живи, мама, — тихо сказал Локс в прекрасный мозаичный потолок.

Ливень сменился на мелкий дождик, и вскоре с неба посыпался разноцветный град. Парень приходил в себя.

Спустя некоторое время он услышал тихие сдерживания рыданий. Ася еле справлялась с эмоциями, полученными от двоих. Прежде, чем он успел удержать её, она выскочила вон.

Стучала в двери. Ломала ветки. Отвязывала пустые лодки на озере. Когда она не в себе, то может быть очень быстрой, даже в чужом сне.

Локс поймал её у границы локации, она была способна сейчас уйти в никуда, как и его мать.

— Я не позволю тебе это сделать.

Раньше он никогда не использовал Обратный Вихрь Памяти на Асе. Как и ни на одном из членов их команды. Но сейчас... он забирал у неё всю память о его матери, чтобы ей не было так тяжело.

— Я не хочу, чтобы ты несла эту тяжесть, моя дорогая Ася.

«Смогу ли я простить себя за это?» Мучаясь угрызениями совести Локс не заметил расширяющегося портала времени, внезапно открывшегося во сне. И вся старательно изымаемая память о леди Тессе ушла куда-то во времени Айен, так и не попав в сосуд Памяти.

Парень опустил руки, не в силах больше применять технику. Лидер Ася посмотрела на него холодными сонными глазами и тихонько осела в его руках, погружаясь в сон во сне.

Теперь, неизвестно когда эта память вернётся к леди Ай, и Локс никак не может это предотвратить.

«Стыд-то какой. Единственный раз, когда я хотел это сделать, я не смог. И память обо всём придёт к ней, и ей будет плохо. И в этом моя вина».

Позже, начав просыпаться из глубоких слоёв каскадом, Ася исчезла из его рук, проснувшись у себя дома, в тёплой деревне, не помня ничего об этих событиях. А это значит, что воспоминание ушло в её будущее.

Теперь Локс всю жизнь будет испытывать некоторую неловкость и горькое ожидание, за то, что уже было, но ещё не произошло с ней. Рядом с Асей всегда тусила веселушка Жанин и заботливый Даниэль, а наяву — Амелис с нахальной рожей.

Но Локс знал. Когда она вспомнит, она придёт к нему, хотя бы, чтобы поговорить об этом.

—

Под хмурым небом некто двигался по извилистым тропам горы вверх. Срывался лёгкий дождик, но путник не обращал на это внимания.

А ведь говорят, что Лорд умер, именно в очередной раз взобравшись на эту Гору. Но Локс всегда боялся, что старик мог уйти в сны, даже видя его тело собственными глазами, он продолжал допускать это.

Спустя несколько дней после похорон дяди, парень собрался в одиночный поход, выяснить, что же находится внутри горы на самом деле. Ни советники, ни магистры были не в курсе эксцентричного поступка будущего молодого Лорда.

Тропа закручивалась то вверх, то вниз и наконец вывела к черноте входа. Стоило ему переступить границу света и тьмы, как он ощутил щекотку по всему телу — его явно «просканировали», это слово он слышал от Жанин

и Жорика. Ещё некоторое время парень двигался на ощупь в полной темноте, пока не наткнулся на что-то твёрдое. Раскрыв ладонь Локс создал рыжее пламя и отвёл руку в сторону. Пещера обрела коричневые краски и стало видно.

На полу стояли полупрозрачные кубы. Стройными рядами, один на одном. Свободной рукой Локс потянулся к фарфоровой поверхности. Лёгкое касание кончиками пальцев, и перед внутренним взором молодого Лорда замелькали кадры жизни миров.

Замороженные локации. Миры без выхода. Тюрьмы. Войти можно, выйти нельзя. Что за адская магия?

Где-то там, среди этих миров может быть его мама, которая снова не может выйти и быть свободной.

Касаясь каждого куба Локс пытался ощутить её там, но ничего не происходило.

В конце длинного каменного тоннеля проходила железная дорога. Едва он ступил на золотистый перрон, как подъехал паровоз. Машиниста в нём не было.

Лишь когда паровоз набрал скорость Локс понял, что это был способ старого Лорда попадать в другие локации. Сам паровоз был создан опытными снотворцами и настоящими мастерами железной магии.

Молодого Лорда искали несколько дней. Но однажды он сам вышел из Пещеры Драконьей Горы, разрушив ледяные оболочки всех опечатанных миров, и они, словно облака цветных капель растворились в воздухе, обретая свободу где-то за границами этого мира.

Теперь для Локса стало очень важно, чтобы границы миров не были слишком плотными. Чтобы когда-нибудь его мама смогла найти путь домой.

Как произносятся имена персонажей и названия городов:

Айен — ударение применимо на оба слога.

Амелис — ударение на Е.

Даниэль — ударение на Э.

Жанин — ударение на последний слог.

Андрик — ударение на первую А.

Мальвина — ударение на И.

Виктор — ударение на И.

Томейра — ударение на Е.

Жорик — ударение на О.

Леди Тесса — ударение на Е.

Изольда — ударение на О.

Иранши — ударение на последнюю И.

Дебрин — ударение на Е.

Аз-Тархань — сначала ударение на первую А, потом на последнюю А.

Аргония — ударение на О.

Непонятные слова:

Аменокаль — высший вождь племени туарегов(8 глава)

Осиморусы — (ударение на второе О), жители соседней страны, в обычаях которых было скрывать лица мужчин и женщин. Открытой частью тела могли быть только кисти рук.

Сьцен — (ударение на Ы), денежная единица Локации с Ярмаркой.